Троцкий

ЕВРОПА И АМЕРИКА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Е Н 171
Е 231

Л. ТРОЦКИЙ

ЕВРОПА и АМЕРИКА

EH171
E231

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

Л. ТРОЦКИЙ

EH171
E231

ЕВРОПА И АМЕРИКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

К.

ЕН171
Е231

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

10628655

(501)
76
2556
56 с1

12025

Гиз № 16204.
Ленинградский Гублит № 9796
7 л. Отпеч. 10.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта брошюра объединяет две речи, произнесенные на расстоянии двух лет одна от другой. Обе речи связаны единством темы: они посвящены характеристике мирового экономического и политического положения, — и единством основной мысли: в основу оценки мирового положения обе речи кладут отношение Соединенных Штатов Северной Америки к Европе.

Незачем говорить, что характеристика мирового положения совершенно не исчерпана в этих докладах. Вопрос о колониях, о национально-революционной борьбе народов Востока затронут здесь лишь постольку, поскольку это было необходимо для освещения основной мысли: гегемонии Соединенных Штатов в капиталистическом мире с вытекающими отсюда последствиями. Вопрос о положении и перспективах Востока при радикально изменившихся взаимоотношениях между Америкой и Европой требует особого самостоятельного рассмотрения. Такое рассмотрение не может, однако, изменить основной постановки вопроса в предлагаемой брошюре: не подвергая проблему Востока детальному рассмотрению, оба доклада все время учитывают эту проблему в ее гигантском историческом объеме.

Недосягаемый материальный перевес Соединенных Штатов автоматически исключает для капиталистической Европы возможность хозяйственного подъема и возрождения. Если европейский капитализм в прошлом революционизировал отсталые части света, то ныне американский капитализм революционизирует перезрелую Европу. Ей не остается другого выхода из экономического тупика, как пролетарская революция, уничтожение таможенно-государственных перегородок, создание Европейских Советских Соединенных Штатов и федеративное объединение

с Советским Союзом и свободными народами Азии. Неизбежное развитие этой гигантской борьбы откроет неотвратимо революционную эпоху и для нынешнего капиталистического властелина: для Соединенных Штатов Северной Америки.

Л. ТРОЦКИЙ.

25 февраля 1926.

P. S. В приложении к брошюре дается статья, опубликованная в «Правде» от 30 июня 1923 года по вопросу о Социалистических Соединенных Штатах Европы, а также те отрывки из речей и статей, в которых автору этой брошюры приходилось касаться вопроса о взаимоотношениях между Европой и Америкой.

Л. Т.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

доклад 28 июля 1924 года

ЕЩЕ РАЗ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Товарищи! Прошло 10 лет с начала империалистической войны. За этот период мир весьма изменился, но все же не так, далеко еще не так, как мы предполагали и ждали 10 лет тому назад. Мы рассматриваем историю под углом зрения социальной революции. Этот угол зрения одновременно и теоретический и практически-действенный. Мы анализируем условия развития, как они складываются за нашей спиною и независимо от нашей воли, для того чтобы, поняв их, воздействовать на них нашей активной волей, т.-е. волей организованного класса. Эти две стороны в нашем марксистском подходе к истории теснейшим неразрывнейшим образом связаны между собою. Если ограничиваться только учетом того, что происходит, то такой подход в конечном счете вырождается в фатализм, в индиферентизм, в общественное безразличие, а на известных своих ступенях принимает облик меньшевизма, в котором есть большая доля фатализма и преклонения перед тем, что происходит за спиною людей. Если ограничиваться, с другой стороны, только революционной активностью, волей, то мы рискуем впасть в субъективизм, который имеет много разновидностей: анархизм — одна из них, левая эсеровщина — другая, наша российская разновидность субъективизма, и, наконец, сюда же относятся те явления в самом коммунизме, которые Владимир Ильич называл «детскими болезнями левизны». Все искусство революционной политики состоит в правильном сочетании объективного учета и субъективного воздействия. И в этом состоит сущность ленинской школы.

Я сказал, что мы подходим к истории под углом зрения революции, той, которая должна передать власть в руки рабочего класса для коммунистического переустройства общества.

Каковы предпосылки социальной революции, при каких условиях она может возникнуть, развернуться и победить? Предпосылок очень много. Но их можно сгруппировать в три большие группы, пожалуй, для начала даже в две. Объективные — именно те, которые складываются за спиною людей и потом могут только ими учитываться, и субъективные. Объективные предпосылки, если начинать с фундамента, с основ, — а так начинать и полагается, — прежде всего, создаются определенным уровнем развития производительных сил. (Я извиняюсь перед теми, для кого то, что я сейчас говорю, является азбукой. Я полагаю, что эти вопросы являются азбукой не для всех присутствующих. Да и всем нам приходится время от времени возвращаться к «азбуке», к основам, для того чтобы при помощи старого метода приходить к новым выводам, которые подсказывает обстановка сегодняшнего дня.) Итак, основной, капитальнейшей предпосылкой социальной революции является определенный уровень развития производительных сил, — такой уровень, при котором социализм, а затем коммунизм, как хозяйство, как способ производства и распределения благ, представляли бы материальные выгоды. На крестьянской сохе ни коммунизма, ни даже социализма построить нельзя. Предполагается определенный уровень развития техники. Достигнут ли этот уровень, если мы возьмем весь капиталистический мир? Безусловно, да. Чем это доказывается? Это доказывается тем, что крупные и крупнейшие капиталистические предприятия и их сочетания — тресты и синдикаты — побеждают во всем мире предприятия средние и мелкие. Стало быть, общественная хозяйственная организация, которая опиралась бы только на технику крупных и крупнейших предприятий; организация, правильно построенная по типу трестов и синдикатов, но на началах солидарности; организация, распространенная на нацию, на государство, а затем и на весь мир, представляла бы гигантские материальные выгоды. Эта предпосылка есть, и притом уже давно. Вторая объективная предпосылка: нужно такое расчленение общества, чтобы в наличности был класс, заинтересованный в социалистическом перевороте и достаточно численный и производственно-влиятельный, чтобы этот переворот взять на себя. Но этого мало. Нужно, чтобы этот класс — и тут мы переходим к субъективным предпосылкам — понимал обста-

новку, чтобы он сознательно хотел переворота, чтобы во главе его стояла партия, способная им руководить во время переворота и обеспечить победу. А это, с другой стороны, предполагает соответственное состояние правящего буржуазного класса, утрату им влияния на народные массы, расшатку в его собственных рядах, убыль классовой самоуверенности. Такое состояние общества и есть революционное состояние. Только на определенных производственно-общественных основах могут возникнуть психологические, политические и организационно-действенные предпосылки для совершения восстания и для его завершения победой.

Если мы спросим себя на счет второй предпосылки, классового расчленения, т.-е. роли и значения пролетариата в обществе, — созрела ли эта предпосылка для социальной революции, то и здесь мы можем ответить только одно: созрела давно, десятилетия уже, как созрела. Лучше всего это доказывается ролью русского пролетариата, еще совсем молодого. Что же не хватало до сих пор? Не хватало последней, субъективной предпосылки, осознания пролетариатом Европы своего положения в обществе, соответственной организованности, соответственного воспитания партии, которая могла бы им руководить. Вот чего не хватало! Не раз мы, марксисты, говорили о том, что вопреки всяким идеалистическим теориям сознание общества отстает от объективных условий развития, — и мы это в вопиющем историческом масштабе видим на судьбе пролетариата. Прозводительные силы созрели для социализма давно. Пролетариат давно играет, по крайней мере в руководящих капиталистических странах, решающую хозяйственную роль. От него зависит вся механика производства, а стало быть и общественности. Чего не хватает — это последнего фактора, субъективного, — сознание отстает от бытия.

И вот империалистическая война и явилась, с одной стороны, как кара историческая за то, что сознание пролетариата отстало от бытия, а с другой стороны, как могущественный толчок вперед. Так мы и рассматривали империалистскую войну. Она развернулась потому, что пролетариат оказался не в силах ее предотвратить, ибо не успел опознаться в обществе, осознать свою роль, свою историческую миссию, организоваться, поставить перед собою задачу захвата власти и разрешить ее. В то же время империалистская война, которая явилась карой за то, что было

не виною, а бедою пролетариата, должна была сыграть и сыграла роль могущественного революционного фактора.

Война вскрыла острую, глубокую и неотложную необходимость изменения общественного строя. Мы сказали, что переход к социалистическому хозяйству представлял значительные общественные выгоды уже задолго до войны. Это значит, что на социалистических основах производительные силы развивались бы уже до войны несравненно более могущественно, чем на капиталистических основах. Но мы видели, однако, что и при сохранении основ капитализма производительные силы до войны быстро росли не только в Америке, но и в Европе. В этом состояло относительное «оправдание» существования самого капитализма. Со времени империалистской войны мы уже видим совершенно иную картину: производительные силы не растут, а разрушаются. Им стало слишком тесно в рамках национальных государств и в рамках частной собственности. И после войны мы видим, что дело может итти лишь о восстановлении разрушенного, но никак не о дальнейшем развитии производительных сил. Им попрежнему, и даже несравненно более прежнего, тесно в рамках частной собственности на средства производства и в рамках тех национальных государств, которые созданы Версальским миром. Полная несовместимость дальнейшего человеческого прогресса с капитализмом обнаружилась впервые совершенно неоспоримо событиями последнего десятилетия. В этом смысле война и явилась революционным фактором. Но не только в этом. Разворотив своими беспощадными методами всю организацию общества, война выбила сознание трудящихся масс из колеи консерватизма и традиции. Мы вступили в эпоху революции...

ИСТЕКШЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

(1914 — 1924 гг.)

Если мы под этим углом зрения подойдем к истекшему десятилетию, то окажется, что оно делится на несколько ярко разграниченных периодов. Первый из них — это период империалистской войны, который охватывает свыше 4-х лет, — для нас с вами меньше: для России несколько свыше трех лет. Новый период этого десятилетия начинается с февраля, особенно с октября 1917 г. Это период революционной расплаты за войну. История

18—19 гг. и отчасти — по крайней мере, для некоторых стран — также и 20-го года, история этих трех лет стоит еще целиком и полностью под знаком ликвидации империалистской войны и непосредственного ожидания пролетарской революции во всей Европе. Мы имели Октябрьскую революцию у нас, низвержение монархий в центральных европейских государствах, мощный подъем пролетарского движения во всей Европе, даже в Америке. Последние точки этого послевоенного подъема: сентябрьское восстание 1920 г. — в Италии, мартовские дни 1921 г. в Германии. С сентябрьским восстанием 1920 г. в Италии почти совпадает во времени наше движение, — наступление Красной Армии на Варшаву, которое тоже было составною частью могущественного революционного прибоя и откатилось вместе с ним. Можно сказать, что эта эпоха непосредственного послевоенного революционного напора завершается грозной мартовской вспышкой 1921 г. в Германии. Мы победили в царской России, и власть пролетариата здесь удержалась. Были низвергнуты, снесены почти без боя монархии центральной Европы. Но, если не считать эпизодических явлений в Венгрии и Баварии, пролетариат нигде более не овладел властью, а в этих эпизодических примерах не удержал ее. После этого могло казаться, и нашим врагам и противникам действительно казалось, что наступает эпоха восстановления капиталистического равновесия, залечивания ран, нанесенных империалистской войной, и упрочения буржуазного общества.

С точки зрения нашей революционной политики этот новый период начинается, как период отступления. Это отступление мы официально — и не без серьезной внутренней борьбы — провозгласили на III Конгрессе Коминтерна в середине 1921 г. Мы констатировали, что первого могущественного напора после империалистской войны для победы не хватило, ибо не оказалось руководящей партии, способной обеспечить победу, — и последнее крупное событие этого трехлетнего периода, мартовское движение в Германии, знаменовало величайшую опасность: если бы движение пошло дальше по этому пути, оно угрожало бы разбить вдребезги молодые партии Коммунистического Интернационала. III Конгресс крикнул: «назад!» — отступить от линии непосредственного боя, на которую наши партии в Европе были выкинуты в результате послевоенных событий. Начинается эпоха борьбы за влияние на массы, период систематической упорной

агитационной и организационной работы под лозунгом единого пролетарского, а затем и рабоче-крестьянского фронта. Этот период длился около двух лет. И за это короткое время успела выработаться психология, приспособленная к размеренной агитационно-пропагандистской работе. Революционные события, казалось, отодвинуты были в неопределенное, но достаточно далекое будущее. Между тем как раз во второй части этого короткого периода Европа была снова потрясена могущественной судорогой рурской оккупации.

На первый взгляд оккупация Рура могла казаться небольшим эпизодом в видавшей виды окровавленной и истерзанной Европе. По существу же дела рурская оккупация была как бы кратким повторением империалистской войны. Немцы не сопротивлялись, ибо нечем было, а французы с оружием в руках вторглись в соседнюю страну и захватили промышленную область, представляющую сердцевину германского хозяйства. В результате Германия, а с нею, до известной степени, и остальная Европа снова зажили в обстановке войны. Хозяйство Германии было дезорганизовано, и рикошетом дезорганизованным оказалось и французское хозяйство. История как бы сделала повторный опыт. После того как империалистская война потрясла весь мир, подняла на ноги самые отсталые массы трудящихся, но не довела их до победы, после этого через пять лет история делает как бы новый опыт, своего рода переэкзаменовку.— Я дам вам краткое повторение империалистской войны, — так говорит история. — Я снова потрясу до основ и без того уже потрясенное хозяйство Европы и дам возможность вам, пролетариату, коммунистическим партиям наверстать упущенное в эти последние годы. — Мы видим, как в течение 1923 г. обстановка в Германии сразу круто и радикально меняется в революционном направлении. Буржуазное общество потрясено до основ. Буржуазный министр-президент Штреземан открыто говорит о том, что он возглавляет собою последнее буржуазное правительство Германии. Фашисты говорят: «Пусть к власти идут коммунисты, а мы придем после». Национально-государственное существование Германии выбито полностью и окончательно из колеи. Судьбу марки вы помните, как и судьбу всего немецкого хозяйства за этот период. Массы притекают стихийным приливом к коммунистической партии. Социал-демократия, главная ныне сила косности на службе у старого общества, расколота, ослаблена, лишена всякого доверия

к себе. Рабочие покидают ее ряды. Теперь, когда оглядываешься задним числом на этот период, который захватывает почти весь 1923 г., особенно вторую его половину, с июня месяца, после прекращения пассивного сопротивления, — когда оглядываешься и охватываешь сразу всю обстановку в Германии, то говоришь себе: более благоприятных предпосылок для революции пролетариата и для захвата власти история не создавала и вряд ли когда-либо создаст. Если бы заказать молодым нашим марксистским ученым придумать обстановку более благоприятную для захвата власти пролетариатом, то я думаю, что они не придумают, если, разумеется, захотят оперировать с реальными, а не сказочными, фантастическими данными. Но не хватало одного. Не хватало такой степени закала, дальновидности, решимости и боеспособности коммунистической партии, чтобы эти качества могли обеспечить своевременное выступление и победу. И на этом примере мы снова и снова, — тем более молодые среди нас! — учимся пониманию роли и значения правильного руководства коммунистической партии, как последнего по историческому счету, но не последнего по значению фактора пролетарской революции.

Срыв германской революции открывает новый период в развитии Европы и отчасти — всего мира. Этот новый период мы характеризовали, как период прихода к власти демократически-пацифистских элементов буржуазного общества. На смену фашистам пришли пацифисты, демократы, меньшевики, радикалы и прочие партии мещанства. Конечно, если бы революция победила в Германии, вся переживаемая нами ныне историческая глава имела бы совершенно другое содержание. Если бы во Франции даже и было правительство Эррио, то сам Эррио выглядел бы иначе, и срок его политической жизни был бы значительно короче, хотя и сейчас не ручаюсь за долговечность. *(Аплодисменты.)* Это же целиком относится и к Макдональду, и ко всем другим разновидностям того же основного демократическо-пацифистского типа.

ФАШИЗМ, ДЕМОКРАТИЗМ, КЕРЕНЩИНА

Чтобы понять хотя бы первые буквы в происшедшей смене, надо спросить себя, что такое фашизм и что такое этот пацифистский реформизм, который иногда для краткости называют

керенщиной. Определение этих ходких понятий я уже давал, но повторяю их снова, ибо без правильного понимания фашизма и новореформизма политическая перспектива неизбежно получается ложной. Фашизм может в разных странах выглядеть по-разному, может иметь разный социальный состав, т.-е. набираться из разных групп, но в основе своей фашизм есть та боевая группировка сил, которую выдвигает угрожаемое буржуазное общество для отпора пролетариату в гражданской войне. Когда демократически-парламентарный государственный аппарат запутывается в собственных внутренних противоречиях, когда буржуазная легальность связывает самое буржуазию, тогда последняя приводит в движение наиболее боевые элементы, которыми может располагать, освобождает их от уз легальности, обязывает их действовать всеми мерами истребления и устрашения. Это и есть фашизм. Стало быть, фашизм есть состояние гражданской войны на стороне буржуазии, как мы имеем группировку сил и организаций для вооруженного восстания в эпоху гражданской войны на стороне пролетариата. Этим самым мы говорим, что фашизм не может быть длительным, так сказать «нормальным» состоянием буржуазного общества, как и состояние вооруженного восстания не может быть постоянным, нормальным состоянием пролетариата. Либо восстание, с одной стороны, фашизм, с другой, приводят к поражению пролетариата, — тогда буржуазия восстанавливает постепенно свой «нормальный» государственный аппарат; либо же побеждает пролетариат, — и тогда, конечно, фашизму тоже нет места, но уже по другим причинам. В распоряжении победоносного пролетариата, как мы знаем из нашего немалого опыта, находятся кое-какие средства, чтобы не дать фашизму существовать и тем более развиваться. *(Аплодисменты.)* Стало быть, смена фашистской главы главою нормального буржуазного «порядка» предопределялась тем, что атаки пролетариата, и первая (1918 — 21 гг.), и вторая (1923 г.), были отбиты. Буржуазное общество устояло, и к нему вернулся известный прилив самоуверенности. Буржуазия не так угрожаема сегодня в Европе непосредственно, чтобы вооружать и пускать в действие фашистов. Но она чувствует себя недостаточно твердо, чтобы править от собственного лица. Вот почему между двумя действиями исторической драмы — для заполнения исторического антракта — и нужен меньшевизм. Бур-

жуазии нужна макдональдовщина в Англии; еще более ей нужен лево-социалистический блок во Франции.

Можно ли, однако, правительство рабочей партии в Англии и левого блока во Франции рассматривать, как режим керенщины? Такое наименование мы условно давали ожидавшемуся нами пришествию реформизма около трех лет тому назад, ожидая совпадения парламентских перемен влево во Франции и Англии с революционными переменами в Германии. Этого совпадения не получилось, вследствие поражения немецкой революции осенью прошлого года. Когда определение керенщины повторяют иногда и теперь в применении к левому блоку или макдональдовщине, то это свидетельствует о непонимании обстановки и о злоупотреблении привычными словами.

Что такое керенщина? Это такой режим, когда буржуазия, не надеясь (уже или еще) победить в открытой гражданской войне, делает самые крайние и рискованные уступки, передавая власть самым «левым» элементам буржуазной демократии. Это режим, когда аппарат репрессий фактически уже выпал или выпадает из рук буржуазии. Ясно, что керенщина не может быть длительным состоянием общества. Она должна закончиться либо победой корниловщины (по-европейски — фашистов), либо победой коммунистов. Керенщина есть непосредственное вступление к Октябрю, хотя, конечно, Октябрь не везде и не всюду должен непременно вырасти из керенщины... Можно ли в этом смысле режим Макдональда или левого блока во Франции назвать керенщиной? Нет, нельзя. Положение в Англии вовсе не таково. Силы английской коммунистической партии не таковы, чтобы можно было говорить в сколько-нибудь близкой перспективе о захвате власти. А раз так, то нет оснований и для корниловщины. Макдональд, по всей вероятности, на этот раз пока еще уступит место консерваторам в парламентском порядке. Во Франции ни состояние государственного аппарата, ни силы коммунистической партии не таковы, чтобы предполагать непосредственное и быстрое развитие режима левого блока в пролетарскую революцию. Понятие керенщины тут явно не подходит. Нужен серьезный поворот событий, чтобы можно было говорить о керенщине. Тут перед нами и возникает вопрос, который является сейчас центральным: что такое этот период межеумочного реформизма; каковы под ним основы; может ли этот режим упро-

читься; может ли он стать «нормальным» состоянием на ряд лет, — что означало бы, конечно, соответственную отсрочку пролетарской революции? Это центральный вопрос нашего времени. Как уже сказано, такой вопрос не может разрешаться только в плоскости субъективной, т.-е. в плоскости наших желаний, одной нашей готовности изменить обстановку. И здесь, как всегда, объективный анализ, учет того, что есть, учет того, что изменяется, что становится, должен быть предпосылкой нашего действия. Попробуем же с этой именно стороны подойти к вопросу.

ОТ ЧЕГО ЗАВИСЯТ СУДЬБЫ ЕВРОПЕЙСКОГО «РЕФОРМИЗМА»

У власти сейчас в важнейших странах Европы реформисты. Реформизм предполагает известные уступки со стороны имущих классов классам неимущим, некоторые, хотя бы и скромные «жертвы» буржуазного государства в пользу рабочего класса. Можно ли думать и полагать, что в нынешней Европе, которая несравненно беднее, чем была до войны, есть экономическая база для каких-либо широких и глубоких социальных реформ? О них мало говорят и сами реформисты, по крайней мере, на континенте. Если сейчас и говорят о «социальных реформах», то больше — с другой стороны: об отмене 8-часового рабочего дня или о введении к нему таких поправок, которые на деле фактически сводят его к нулю, и т. д. Но есть весьма близкий к «реформам» практический вопрос, который является вопросом жизни и смерти для рабочих Европы, прежде всего Германии, частей бывшей Австро-Венгрии, Польши, но также и Франции,— это вопрос о стабилизации валюты. Стабилизация денежного знака — марки, кроны, франка — означает стабилизацию заработной платы, страховку ее от страшных скачков вниз. Это центральный вопрос в жизни всего континентального европейского пролетариата. Несомненно, что те относительные и далеко ненадежные и неустойчивые успехи, которые достигнуты в отношении стабилизации валюты, являются одной из важнейших основ нынешней реформистско-пацифистской эры. Если бы в Германии марка сорвалась и покатилась вниз, революционная ситуация восстановилась бы в полном объеме. И если бы французский франк продолжал сегодня соскакивать со ступеньки на ступеньку, как он это делал несколько месяцев тому назад, судьба

министерства Эррио была бы еще более проблематичной и более сомнительной, чем в настоящий момент.

Вопрос о неореформизме, который перед нами стоит, должен быть, следовательно, прежде всего, формулирован так: каковы основания под надеждами на упрочение хозяйственного равновесия, хотя бы и относительного и временного, в частности на стабилизацию валюты и заработной платы? Каковы эти основания и насколько они глубоки? Подходя к этому вопросу, мы упираемся лицом к лицу в центральную фигуру новейшей истории человечества — Соединенные Штаты Северной Америки. Товарищи, кто теперь хочет или пытается рассуждать о судьбах Европы или мирового пролетариата без учета силы и значения Соединенных Штатов Северной Америки, тот, в известном смысле, пишет счет без хозяина. Ибо — поймем это твердо! — хозяином капиталистического человечества является Нью-Йорк и Вашингтон, как его правительственное отделение. Мы это видим сейчас хотя бы на плане экспертов. Мы видим, как Европа, эта вчера еще столь мощная и гордая своей культурой и своим историческим прошлым Европа, как она, для того чтобы выбраться, чтобы, с позволения сказать, на карачках выползти из тех ужасающих противоречий и бедствий, куда она сама себя загнала, вынуждена выписывать из-за Атлантического океана некоего генерала Дауэса, относительно которого совершенно не доказано, что он семи и даже пяти или хотя бы четырех пядей во лбу. (*Смех.*) Нигде и никем это не доказано. И вот, выписывают его из Америки, и он садится уверенно за стол, и, как некоторые говорят, даже и ноги кладет на стол (*смех, аплодисменты*) и составляет точное расписание порядков и сроков восстановления Европы. И потом этот график прихода и отхода правительственных поездов всех государств Европы (*смех*) он предъявляет соответственным правительствам к исполнению. И они приемлют! Юз, министр иностранных дел С. Штатов, совершает прогулку в Европу, в качестве «неофициального лица». Макдональд и Эррио организуют тем временем архиофициальную конференцию. Ну, весь этот обычный дипломатический, сладковатый и тошнотворный распорядок нам известен достаточно. За спиною конференции, за кулисами, и не совсем за кулисами, потому что из-под занавеса превосходно видать отличные, прочные американские сапоги, — стоит Юз, который

требует и приказывает. Почему приказывает? Потому что имеет силу приказывать. А в чем эта сила состоит? В капитале. В богатстве. В неслыханном экономическом могуществе *. Прошлое развитие Европы и всего мира шло в значительной мере под дирижерскую палочку Англии. Англия первой сумела в широком размере использовать уголь и железо и благодаря этому взяла надолго руководство миром в свои руки. Другими словами: свой экономический перевес Англия реализовала политически, в том числе и в международных отношениях. Она командовала Европой, противопоставляя одну страну другой, давая займы, отказывая в них, финансируя борьбу против французской революции, и проч., и проч. И она хозяйничала над миром. С. Штаты — это ведь ее старшая дочь, многое унаследовавшая от матери. Но перевес, который Англия имела в момент величайшего своего расцвета

---

* 22 июля, т.-е. совсем на-днях, Юз говорил перед собранием английских министров и юристов речь, в которой, по его заявлению, не было «и тени официальности». Оратор иронически (его ирония очень напоминает подошву американских сапог) отзывался о тех европейцах, которые приезжают в Америку, чтобы поучать, увещевать, охотиться за симпатиями янки и особенно за их помощью. А затем, с своей стороны, Юз стал тяжеловесно «увещевать» и «поучать» о том, как европейские народы могут добиться содействия и помощи Соединенных Штатов. «Западное полушарие (Северная и Южная Америка),— я счастлив, что могу это сказать,— представляет собою образец мира». Они, американцы, сумели, видите ли, сделать то, чего не может достигнуть Европа. «Как образец мира представляются наши отношения с Канадой... Мы знаем почти с такой же достоверностью, как то, что планеты движутся по своим орбитам, что мы сохраним (с Канадой) мир», т.-е., если вы, британцы, отважитесь когда-либо с нами воевать, то знайте, что ваша колония Канада будет с нами против вас... «Вы имеете план Дауэса...» и вы обязаны его принять: ибо если вы не удовлетворите американских вкладчиков, то из всех ваших разговоров ничего не выйдет. «Моя уверенность, что будет найден путь к преодолению всех существующих затруднений, основана на том, что неудача повлекла бы за собой хаос», т.-е., если вы будете сопротивляться, то мы вас предоставим самим себе, и Европа погибнет без нашей помощи. «Вы можете рассчитывать»... «вы должны»... «вы не должны»...— в таком тоне произнесена эта речь на собрании, где принимал участие наследник английского престола и министры его британского величества. Вся официальная Англия ответила скрежетом зубов на эту речь, замечательно ярко выражающую взаимоотношения между Америкой и Европой. Но, как известно, зубовный скрежет есть самый слабый из ресурсов борьбы.

Л. Т.

над Европой и над остальным миром, ничто в сравнении с тем перевесом, какой ныне имеют Соединенные Штаты над всем миром, включая и Англию. И это, тт., есть центральный вопрос европейской и мировой истории. Без понимания его нет понимания судеб новейшей нашей истории, ее ближайшей главы. Не случайно явился из-за океана генерал Дауэс, и не случайно мы все вынуждены знать, что его фамилия Дауэс, и что у него чин генерала. С ним несколько американских банкиров. Просматривая дипломатические бумаги европейских правительств, они говорят: этого не допустим, а вот этого требуем. Почему? Вся репарация не пройдет, если Америка не даст первого взноса, в сущности жалких 800 миллионов марок золотом на обеспечение германской валюты. От Америки зависит, стоит или падает франк, и от Америки немножечко зависит, стоит или падает — или не падает, а качается — фунт стерлингов. *(Смех.)* Да, от Америки зависит. А вы знаете, что марка, франк и фунт стерлингов играют кое-какую роль в жизни народов.

«ПАЦИФИСТСКИЙ» ИМПЕРИАЛИЗМ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Америка вышла полностью и окончательно на путь активной мировой империалистской политики не с сегодняшнего дня. Если пытаться установить хронологию, то можно сказать, что решающий перелом в политике Соед. Штатов совпадает, примерно, с рубежом двух веков, XIX и XX. Американо-испанская война произошла в 1898 г., когда Америка захватила Кубу, тем самым обеспечив себе ключ к Панаме и, следовательно, выход в Тихий океан, к Китаю, к азиатскому материку. В 1900 г., в последнем году XIX столетия, вывоз промышленных продуктов С. Америки оказался впервые в истории Соединенных Штатов больше, чем ввоз промышленных продуктов. Это сделало Америку уже, так сказать, бухгалтерски, страной с активной мировой политикой. В 1901, не то в 1902 г. Америка обеспечивает за собою Панамскую провинцию Колумбии. У Америки есть своя на этот счет политика, которую она проводила на Гавайских островах, кажется, и на островах Самоа и, во всяком случае, в Панаме, и которую она проводит ныне в Мексике. Когда заатлантической республике нужно отторгнуть чужую территорию, подчинив ее себе, или заключить кабальное соглашение, она устраивает

БИБЛИОТЕКА Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
при Ц.К. Р.К.П. (б.) 1062655
120935

небольшую туземную революцию и затем является успокаивать, умиротворять, — точь в точь, как ген. Дауэс явился ныне успокаивать и умиротворять Европу, разоренную войною, ведшеюся при помощи той же Америки. В 1902 г. С. Штаты обеспечивают за собою таким путем Панаму, приступают к прорытию канала и к 1914 году прорывают его вчерне, а в 1920 г. уже вполне законченный Панамский канал открывает в подлинном смысле слова новую величайшую главу в истории Америки и всего земного шара. Соединенные Штаты радикально исправили географию в интересах и целях американского империализма. У нас нет здесь перед глазами карты, но вы все себе ее представляете. Промышленность Соединенных Штатов сосредоточена, как известно, в восточной части, со стороны Атлантики. Запад страны — преимущественно сельско-хозяйственный. Вся тяга Соединенных Штатов, вернее, основная тяга их направлена в сторону Китая, с его 400 миллионным населением, с его неисчислимыми, неисчисленными и неизмеренными богатствами. Через Панамский канал американская промышленность открывает себе с Востока на Запад водный путь, сокращая его на несколько тысяч верст. Эти даты — 1898, 1900, 1914 и 1920 г.г. — являются датами открытого выхода Соединенных Штатов на большую дорогу мировых грабежей, т.-е. на дорогу империализма. Решающей вехой на этом пути явилась империалистская война. Как памятно, Соединенные Штаты вмешались в войну к самому ее концу. Три года Соединенные Штаты не воевали. Больше того, за два месяца до вмешательства в войну Вильсон заявил, что не может быть и речи об участии Америки в кровавой свалке европейских безумцев. Соединенные Штаты удовлетворялись до известного момента тем, что кровь европейских «безумцев» разумно перечеканивали в доллары. Но в тот час, когда можно было опасаться, что война закончится победой Германии, наиболее опасного в будущем соперника, Соединенные Штаты вмешались активно. Именно это решило исход борьбы.

И замечательно следующее: Америка корыстно питала войну своей промышленностью, она корыстно вмешалась в войну, чтобы помочь разгромить возможного грозного конкурента, в то же время она сохранила репутацию пацифизма. Это один из интереснейших парадоксов, одна из любопытнейших шуток исто-

рии,— шуток, от которых нам уже приходилось и еще придется вовсе невесело. Американский империализм, по существу беспощадно грубый, хищнический, в полном смысле слова злодейский, благодаря специальным условиям Америки, имеет возможность прикрываться тогой пацифизма,— не так, как это делают империалистские проходимцы старого света: у тех все видать наружу, а у Соединенных Штатов, у их буржуазии, и их правительства, благодаря специальным условиям развития Америки, эта самая пацифистская маска как бы прилипла к империалистской роже так, что не отдерешь *(Смех.)* Это не случайно, этому помогла география, этому помогла история. Соединенные Штаты обходились без сухопутной армии. Почему? Да доберись до них: справа — Атлантический, а слева — Тихий океан, Пацифик (даже океан пацифистский!), — как добраться? Англия есть остров, в этом одна из основных причин ее своеобразия и вместе с тем одно из основных ее преимуществ. Соединенные Штаты представляют собой тоже гигантский остров по отношению к группе старых частей света. Англия ограждает себя флотом. Но если прорваться через линию английского флота, британские острова беззащитны, их можно пересечь кавалерийской шашкой — эту узкую полоску земли. А пересеки-ка Америку, Соединенные Штаты! Это остров, который имеет в то же время все преимущества России — ее гигантские пространства. Даже без флота Соединенные Штаты были бы почти неуязвимы для Европы или Японии, благодаря своим гигантским пространствам. Вот вам основная географическая причина этой пацифистской маски, которая стала вторым лицом. В самом деле: Америка невпример Европе, невпример всем прочим армии не создает... А если уж Америка создает армию, стало быть, ее вынудили к этому. Кто вынудил? Варвары, кайзер, немецкие империалисты, люди, не воспитанные в благодати пресвитерианской и квакерской религии. *(Смех.)* Другую причину пацифистского благочестия нужно искать, как уже упомянуто, в истории. Соединенные Штаты поздно выступили на мировую арену, когда весь уже мир захвачен и поделен. Империалистское продвижение Соединенных Штатов совершается поэтому под знаменем «свободы морей», «открытых дверей» и пр. Таким образом, когда Америка вынуждается на открытое милитаристское злодейство, ответственность в глазах населения Соединенных Штатов и до известной сте-

пени всего человечества падает на остальных граждан мира, только не на Америку самое.

Вильсон помог доконать Германию и потом явился, как вы помните, в Европу во всеоружии 14-ти пунктов, где было обещано всеобщее благосостояние и умиротворение, право наций на самоопределение, кара преступника кайзера, воздаяние добродетельным народам и проч. Евангелие от Вильсона! Мы все его еще помним. И вся мещанская Европа, в значительной мере и рабочая, рабоче-мещанская, т.-е. рабоче-меньшевистская Европа, жила в течение долгих и долгих месяцев евангелием от Вильсона. Этот провинциальный профессор, призванный к роли представителя американского капитала, по колени и по локти в крови, — ибо он ведь разжигал европейскую бойню, — явился в Европу как апостол пацифизма и умиротворения. И все говорили: Вильсон даст мир, Вильсон восстановит Европу. Сразу Вильсону, однако, не удалось достигнуть того, для достижения чего послан ныне ген. Дауэс со свитой из нескольких банкиров, и Вильсон обиженно повернулся спиной к Европе, Вильсон вернулся к себе в Америку. И сколько было демократически-пацифистских социал-демократических воплей и причитаний по поводу безумия европейской буржуазии, которая не захотела договориться с Вильсоном и не сумела достигнуть умиротворения в европейских делах.

Вильсон был смещен. Пришла к власти республиканская партия. В Америке начался торгово-промышленный подъем на основе почти исключительно внутреннего рынка, т.-е. на основе временного равновесия между промышленностью и сельским хозяйством, между востоком и западом страны. Этот подъем длился недолго, года два. С прошлого года он перешел в стационарное, но неустойчивое состояние, а с весны этого года обнаружились явные признаки торгово-промышленного кризиса, которому предшествовал жесточайший аграрный кризис, свирепо ударивший по земледельческим частям Соединенных Штатов. И, как всегда, кризис дал империализму новый живительный толчок. В результате финансовый капитал Соединенных Штатов прислал своих представителей в Европу для того, чтобы доделать то дело, которое началось, и солидно началось с империалистской войны и было продолжено через Версальский мир, т.-е. дело экономического принижения и закабаления Европы.

ПЛАН – ПОСАДИТЬ ЕВРОПУ НА ПАЕК

Чего хочет американский капитал, чего он ищет? Он ищет, говорят нам, устойчивости, он хочет восстановить европейский рынок, он хочет сделать Европу платежеспособной. Как, каким путем? И в каких пределах? Ведь американский капитал не может сделать Европу конкурентоспособной, он не может допустить того, чтобы Англия, а тем более Германия и Франция, прежде всего Германия, вернули себе свои мировые рынки, потому что ему самому, американскому капиталу, стало тесно, потому что он теперь — экспортирующий капитал: и продукты экспортирует, и себя экспортирует. Он, американский капитал, ищет миродержавного положения, хочет американского империалистского самодержавия на нашей планете, — вот чего он ищет. Что ему делать с Европой? Ему нужно, говорят, Европу умиротворить. Как? Под своей гегемонией. А это что значит? Это значит позволить ей подняться, но в заранее отмежеванных пределах, отвести ей определенные ограниченные участки мирового рынка. Американский капитал сейчас командует, приказывает дипломатам. Он готовится и собирается точно так же приказывать европейским банкам и трестам, европейской буржуазии в целом... Он к этому идет. Он будет нарезать участки рынка, он будет нормировать деятельность европейских финансистов и европейских промышленников. Если ответить ясно и отчетливо на вопрос, чего хочет американский капитал, то придется сказать так: он хочет капиталистическую Европу посадить на паек. *(Движение в зале.)* Это значит — указать ей, сколько тонн, литров или килограммов и чего именно она имеет право покупать и продавать. Еще в тезисах к III Конгрессу Коминтерна мы писали, что Европа балканизирована. Ныне это уподобление получает свое дальнейшее развитие. Государства Балканского полуострова всегда имели протектора в лице царской России или Австро-Венгрии. Вся политическая жизнь: смена правящих партий, даже смена династий (в Сербии) вращалась вокруг воли могущественных протекторов. Сейчас балканизированная Европа становится в подобное положение по отношению к Соединенным Штатам и отчасти к Великобритании. По мере развития их антагонизма европейские правительства будут обивать пороги Вашингтона и Лондона, смена партий

и правительств будет определяться в последнем счете волей американского капитала, указывающего Европе, сколько ей есть и пить... Паек — это мы знаем по собственному опыту, — не всегда сладкая вещь *(смех)*, особенно, когда этот американский, строго нормированный паек предлагается не только европейским народам, но и их господствующим классам, которые весьма привыкли к сладкому. Речь идет, в последнем счете, не только о Германии, не только о Франции, но и о Великобритании. Да, и ей нужно готовиться потихоньку к той же участи. Правда, часто говорят, что вот, дескать, сейчас Америка идет вместе с Англией, образовался англо-саксонский блок, — часто говорят: англо-саксонский капитал, англо-саксонская политика. Основной мировой антагонизм, говорят, — это вражда между Америкой и Японией. Но так говорят те, которые не понимают дела. Основной мировой антагонизм пролегает по линии интересов Соединенных Штатов и Великобритании. И это будет вскрываться чем дальше, тем больше...

АМЕРИКАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ЕВРОПЕЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Прежде, однако, чем подойти к этому в высшей степени важному вопросу, я хочу рассмотреть вместе с вами, какое место отводит американский капитал европейским радикалам и меньшевикам, социал-демократии в той самой Европе, которой предстоит быть посаженной на паек. Социал-демократии дается поручение, — это я отнюдь не для полемических целей говорю, — социал-демократии дается поручение подготовить эту новую обстановку, т.-е. политически помочь американскому капиталу перевести Европу на паек. Что делает сейчас в самом деле социал-демократия германская, французская, что делают социалисты всей Европы? Всмотримся и вдумаемся. Они воспитывают сейчас себя и стараются воспитать рабочие массы в религии американизма. Это не значит, что все они стали пресвитерианцами и квакерами, а это значит, что они из американизма, из роли американского капитала в Европе делают новую политическую религию. Они учат или пытаются учить трудящиеся массы, что без умиротворяющей роли американского капитала и без его займов Европе не устоять. Они ведут оппозицию

против своей буржуазии, как германские социал-патриоты, не под углом зрения пролетарской революции, даже не под углом зрения каких-либо реформ, а под углом зрения обличения ее, немецкой буржуазии, в том, что она нетерпима, своекорыстна, шовинистична и неспособна договориться с американским гуманным, демократическим, пацифистским капиталом. Это сейчас центральный вопрос политической жизни Европы и особенно Германии! Другими словами, европейская соц.-демократия становится на наших глазах политическим агентством американского капитала. Ожиданно это или неожиданно? Если вспомнить, — тут и вспоминать нечего, — что социал-демократия есть агентура буржуазии, то станет ясно, что социал-демократия должна была логикой своего политического вырождения стать агентурой самой сильной, самой могущественной буржуазии, буржуазии всех буржуазий. Это и есть американская буржуазия. Поскольку американский капитал берет на себя задачу «объединить» Европу, «умиротворить» Европу, «научить» Европу, как справиться с вопросами репараций, возмещений за войну и проч., и поскольку кошелек-то в руках американской буржуазии, постольку вся та зависимость, в которой социал-демократия находится у германской буржуазии в Германии, у французской — во Франции, переносится постепенно на главного хозяина. Да, большой хозяин пришел в Европу: американский капитал. И естественно, если социал-демократия попадает к хозяину своих хозяев в политически зависимое положение. Это основной факт для понимания нынешнего состояния и нынешней политики II Интернационала. Кто этого не уяснит себе, тот не поймет событий сегодняшнего и завтрашнего дня, тот будет скользить по поверхности, пробавляясь общими фразами.

Больше того: услуга за услугу! Социал-демократия подготовляет для американского капитала почву, бежит впереди колесницы, говорит о его спасительной роли, подметает, расчищает, благословляет. Это немаловажная работа! Империализм раньше посылал вперед миссионеров. Попа обыкновенно пристреливали дикари в колониях, иногда даже съедали. Тогда посылали воина, чтобы мстить за праведника, а затем в догонку отправляли купца и администратора. Американскому капиталу, чтобы колонизировать Европу, превратить ее в американский доминион нового типа, незачем посылать в Европу попов-миссионеров. На месте,

в Европе, есть политическая партия, вся задача которой в том, чтобы возвестить народам евангелие от Вильсона, евангелие от Кулиджа, священное писание от нью-йоркской и чикагской бирж. В этом и состоит нынешняя миссия европейского меньшевизма. Но, повторяю: услуга за услугу! Меньшевики при этом сами немало выигрывают. В самом деле, германской социал-демократии на-днях еще, в периоды острой гражданской войны, приходилось брать на себя прямую вооруженную защиту своей буржуазии, той самой, которая шла рука об руку с фашистами. Носке является ведь символической фигурой для послевоенной политики германской социал-демократии. А сегодня? Сегодня у нее роль иная. Сегодня германская социал-демократия позволяет себе роскошь оппозиции. Она критикует свою буржуазию и этим устанавливает известную дистанцию между собой и партиями капитала. Как она ее критикует? Она говорит: ты своекорыстна, тупа, злокозненна, — а вот есть буржуазия по ту сторону Атлантического океана, во-первых, богатая и мощная, во-вторых, гуманная, реформистская, пацифистская, которая снова пришла к нам, которая хочет дать 800 миллионов марок чистоганом на восстановление валюты, — а это очень хорошо в Германии звучит: золотая марка! — А ты, немецкая буржуазия, ерепенишься и после того как ты наше любезное отечество втянула по уши в болото нищеты, — ты смеешь артачиться перед американской буржуазией? Да мы тебя беспощадно обличим перед германскими народными массами!.. Говорит она почти-что тоном революционного трибуна..., защищая американскую буржуазию. *(Аплодисменты.)* Вот парадокс партии.

И то же самое во Франции. Конечно, в соответствии с политической обстановкой во Франции и в соответствии с более приличной репутацией французского франка, там все совершается под сурдинку, в смягченных тонах, но по существу делается то же самое. Партия Леона Блюма, Реноделя, Жана Лонге несет целиком ответственность за Версальский мир и за рурскую оккупацию. Ведь мы же знаем, ныне уже совершенно бесспорно, что правительство Эррио, поддерживаемое социалистами, стоит за сохранение оккупации Рура. Но теперь французские социалисты получают возможность сказать своему союзнику Эррио: «Американцы требуют, чтобы вы на известных условиях Рур очистили; сделайте это, — теперь и мы этого требуем». Они этого

требуют не волей и силой французского пролетариата, а во имя подчинения французской буржуазии воле буржуазии американской. Не забудьте при этом, что французская буржуазия должна американской 3.700 миллионов долларов. Это что-нибудь значит! Америка может в любой момент пошатнуть французский франк. Конечно, американская буржуазия на это не посягнет, о нет! — она ведь пришла в Европу наводить порядки, а не разорять. Не посягнет..., но сможет посягнуть, если захочет. Все в руке ее. Поэтому доводы Реноделя, Блюма и др. звучат на фоне этого почти четырех-миллиардного долга достаточно-таки убедительно для французской буржуазии. В то же время социал-демократия в Германии и во Франции да и в других странах получает возможность противопоставлять себя своей буржуазии, вести по конкретным вопросам «оппозиционную» политику и тем самым снова втираться в доверие известной части рабочего класса.

Мало того: для меньшевистских партий разных стран Европы открываются некоторые возможности общих «выступлений». Уже и сейчас социал-демократия Европы представляет собой довольно согласный хор. Это некоторым образом новый факт. Ведь уже 10 лет у нее не было случая выступать солидарно,— с начала империалистской войны. Теперь эта возможность появилась, и меньшевики выступают сейчас как солидарный хор, поддерживая Америку, ее программу, ее требования, ее пацифизм, ее великую миссию. И здесь мы подходим к вопросу о II Интернационале в Европе. Здесь ключ и разгадка некоторого оживания этого полутрупа. Второй Интернационал, как и Амстердамский, восстанавливается. Конечно, не в том виде, как он был до войны. Прошлого не воскресишь, былой силы не вернешь. Коммунистического Интернационала не вычеркнешь. Не вычеркнешь империалистской войны, которая позвоночник-то II Интернационалу повредила основательно, и притом в нескольких местах сразу. Это есть основной факт. Это непоправимо. И тем не менее, с этим поврежденным позвоночником они пытаются приподняться на американских костылях, кое-как выпрямляются. *(Аплодисменты.)* Происходящую перемену надо оценивать в полном объеме, товарищи. Во время империалистской войны немецкая социал-демократия была теснейшим и совершенно явным образом связана со своей буржуазией, со своей военной машиной. Французская — со своей.

Какой тут мог быть Интернационал, когда они бешено воевали друг с другом, обвиняли друг друга, чернили друг друга? Не оставалось никакой возможности для маски интернационализма, даже для тени его. Все было разрушено вдребезги. В эпоху заключения мира — то же самое. Версальский мир был только закреплением результатов империалистской войны на бумаге дипломатии. Где тут место для солидарности? В эпоху оккупации Рура по существу то же самое. Но теперь приходит в Европу великий—«я вас всех давишь», американский капитал и говорит: вот вам план репараций, народы, вот вам программа, господа меньшевики! И социал-демократия берет эту программу как основу для своей деятельности. И эта новая программа объединяет французскую, германскую, английскую, голландскую, швейцарскую социал-демократию. Ведь всякий швейцарский мещанин надеется, что Швейцария будет продавать больше часов, когда американец восстановит в Европе порядок и мир. И все мещанство, которое наиболее членораздельно выражает себя через социал-демократию, снова находит свою духовную общность на программе американизма. Другими словами, у II Интернационала есть теперь объединяющая программа: ее принес генерал Дауэс из Вашингтона. *(Аплодисменты.)*

Опять мы видим здесь тот же самый парадокс: когда американский капитал выступает для наиболее разбойного дела, он имеет полную возможность выступать при этом как устроитель, как миротворец, как некое гуманное историческое начало, — и он создает попутно платформу для социал-демократии несравненно более выгодную, чем ее вчерашняя национальная платформа. Своя, национальная буржуазия тут же, ее всю видать, как на ладони; американский же капитал далек, ясно его дел не видать, а дела эти, как известно, не всегда чистые, — в Европе же он выступает как умиротворитель..., а затем — могущество — это основное — колоссальное, неимоверное, небывалое в истории богатство, которое импонирует мещанину, которое импонирует социал-демократу. В скобках замечу: я за последний год по обязанностям службы разговаривал с несколькими американскими сенаторами республиканской и демократической партий. На вид — провинциалы жестокие. Не уверен, хорошо ли они знают географию Европы, не могу вам доложить, — будем из вежливости думать, что знают; но когда они разговаривают о политике, то

выражаются так: «Я сказал Пуанкаре», «я заметил Керзону», «я разъяснил Муссолини»... Они себя чувствуют в Европе как руководители и хозяева. Вот этакий разбогатевший фабрикант сгущенного молока *(смех)* — сгущенное молоко не хуже всякого другого продукта, товарищи *(аплодисменты)*..., я вижу здесь большие симпатии к сгущенному молоку *(аплодисменты)*, — этот разбогатевший фабрикант каких-нибудь чикагских или иных консервов разговаривает тоном прямо-таки покровительственного снисхождения по адресу ответственнейших буржуазных политиков Европы. Он предвидит, что станет хозяином, он чувствует себя уже хозяином. И вот именно поэтому кое-какие расчеты английской буржуазии на сохранение руководящей роли окажутся ложными. Я обещал к этому перейти и сейчас именно об этом скажу.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Основной мировой антагонизм пролегает по линии борьбы интересов между Соединенными Штатами и Англией. Почему? Потому что Англия все еще самая богатая и могущественная после Соединенных Штатов страна. Это главный соперник, основное препятствие на пути. Если Англию прижать, если Англию подкопать, а тем более свалить, что ж останется? * Конечно, с Японией Соединенные Штаты справятся. У них все козырные

* В написанном мною, по поручению V Конгресса, Манифесте (к десятилетию войны) эта мысль выражена следующим образом:

«Самый могущественный мировой антагонизм медленно, но упорно прощупывает ту линию, где интересы Великобританской империи сталкиваются с интересами Соединенных Штатов Северной Америки. За последние два года могло казаться, будто между этими двумя гигантами достигнуто прочное соглашение. Но видимость прочности будет сохраняться лишь до тех пор, пока экономический подъем Северо-Американской Республики развертывается, главным образом, на основе внутреннего рынка. Ныне этому явно наступает конец. Аграрный кризис, выросший из разорения Европы, явился предвестником уже надвигающегося торгово-промышленного кризиса. Производственные силы Америки должны искать все более широкого выхода на мировой рынок. Внешняя торговля Соединенных Штатов может развиваться прежде всего за счет торговли Великобритании; американский торговый и военный флот — за счет британского флота. Период англо-американских соглашений должен будет уступить место все возрастающей борьбе, которая в свою очередь знаменует военную опасность в невиданных миром размерах».

карты в руках: и деньги, и железо, и уголь, и нефть, и политические преимущества во взаимоотношениях с Китаем, который они ведь «освобождают» от Японии,—Америка всегда кого-нибудь освобождает, такая уж у нее профессия. *(Смех, аплодисменты.)* Главный антагонизм—между Соединенными Штатами и Англией. Он растет и надвигается. Английской буржуазии немножко не по себе уже с первых версальских годов. Она знает счет звонкой монете, — у нее большой опыт по этой части. И она не может не видеть, что доллар весит тяжелее фунта стерлингов. Она знает, что такой перевес реализуется неизбежно в политике. Английская буржуазия свою стерлингову мощь в международной политике проявила до конца, и она чувствует, что ныне надвигается эра доллара. Она ищет утешений, пытается создавать себе иллюзии. Серьезнейшие английские газеты говорят: Да, американцы очень богаты, но это в конце-концов все же провинциалы. Они не знают путей мировой политики. У нас, англичан, несравненно больше опыта. Янки нуждаются в нашем совете, в нашем руководстве. И мы, англичане, будем руководить ими, этими внезапно разбогатевшими провинциальными родственниками, на путях мировой политики и, разумеется, сохраним при этом соответственное положение, да еще получим надлежащий куртаж. Конечно, тут доля истины есть. Я уже говорил о своих сомнениях по части того, знают ли американские сенаторы географию Европы,— я по чистой совести в этом не уверен,—а для того, чтобы делать большие европейские дела, знать географию европейскую невредно. Но что значит для имущего класса—обучиться наукам? Мы знаем, что буржуазии, когда она быстро богатеет, обучиться наукам и искусствам нетрудно. Сыновья лапотных Морозовых и Мамонтовых выглядели почти что наследственными лордами. Это угнетенному классу, пролетариату, подняться, развиться, овладеть всеми элементами культуры — трудное дело. Но имущему классу, особенно столь баснословно богатому, как американская буржуазия, — это совсем нетрудно. Он найдет, воспитает или купит себе спецов во всех областях. Американец только начинает отдавать себе отчет в своем мировом значении, но отдал еще далеко не вполне: его американское «сознание» тоже отстает от его американского и мирового «бытия». Весь вопрос нужно брать не в разрезе сегодняшнего дня, а в перспективе. Но в перспективе не долгих десятилетий, а скорее коротких годов.

Эта Вавилонская башня экономического могущества Соединенных Штатов должна сказаться во всем, и она сказывается, но еще далеко не сказалась вполне. То, чем располагает сейчас капиталистическая Европа в мировой политике, есть наследие ее вчерашней экономической мощи, ее старого мирового влияния, которое не соответствует уже материальным условиям сегодняшнего дня. Америка еще не научилась реализовать свое могущество, это верно. Но она быстро учится на теле и костях Европы. Некоторое время Америка еще нуждается в Англии, как в проводнике по путям мировой политики. Но это срок недолгий. Мы знаем, как быстро имущий класс, идя в гору, меняет свой характер, свой облик и свои методы действия. Взять хотя бы немецкую буржуазию. Так ли давно считались немцы робкими голубоглазыми мечтателями, народом «поэтов и мыслителей»? А несколько десятилетий капиталистического развития превратили германскую буржуазию в самый агрессивный, бронированный империалистский класс. Правда, расплата пришла очень скоро. И снова характер немецкого буржуа изменился. Он быстро усваивает ныне на европейской арене все навыки и приемы битой собаки. *(Аплодисменты.)* Английская буржуазия посерьезнее. Ее характер складывался веками. Классовое самочувствие вошло у нее в плоть и кровь, в кости и нервы, и из нее выколачивать миродержавное самочувствие будет потруднее. Но американец выколотит, когда примется за эту работу как следует быть.

Напрасно английский буржуа утешает себя тем, что будет руководить неопытным американцем. Да, переходный период будет. Но дело не в навыках дипломатического руководства, а в реальной силе, в капитале, в индустрии. А Соединенные Штаты, если взять их хозяйство, начиная с овса и кончая лучшего типа большими линейными кораблями, занимают первое место. Они производят все то, что нужно для жизни, в размере от $^1/_3$ и до $^2/_3$ того, что производит все человечество вместе. Нефти, которая играет ныне исключительную военную и промышленную роль, они производят $^2/_3$ мировой продукции, в 1923 г. — даже около 72 проц.! Правда, они очень жалуются на то, что у них источники нефти грозят иссякнуть. В первое время после войны я, признаться, думал, что эти жалобы только благочестивое прикрытие для предстоящих покушений на чужую нефть. Но геологи действительно подтверждают, что американской

нефти, в нынешнем масштабе расходования, хватит — одни говорят лет на 25, другие — лет на 40. Но за 25—40 лет, имея свою промышленность и свой флот, Америка десять раз успеет отнять нефть у всех остальных. *(Смех.)* Так что нам из-за этого причинять себе беспокойные ночи нет никакого основания, товарищи. *(Аплодисменты.)*

Мировое положение Соединенных Штатов выражается в цифрах, против которых не поспоришь. Некоторые из них, важнейшие, я назову. Соединенные Штаты производят $^1/_4$ мирового сбора пшеницы, свыше $^1/_3$ мирового сбора овса, около $^3/_4$ мирового сбора кукурузы! $^1/_2$ мировой добычи каменного угля падает на Соединенные Штаты, около $^1/_2$ добычи железной руды, около 60 проц. производства чугуна, 60 проц. производства стали, 60 проц. добычи меди, 47 проц. добычи цинка. Железные дороги Соединенных Штатов составляют 36 проц. мировой сети, торговый флот, почти не существовавший до войны, составляет теперь свыше 25 проц. мирового тоннажа, наконец, число действующих в заокеанской республике автомобилей составляет 84,4 проц. мировой наличности! Если по добыче золота Соединенные Штаты занимают сравнительно скромное место (14 проц.), то, благодаря активности своего баланса, они стянули к себе 44,2 проц. мировых запасов золота. Национальный доход Соединенных Штатов в два с лишним раза больше национального дохода Англии, Франции, Германии и Японии, вместе взятых. Вот эти цифры решают все. Они пробьют себе дорогу и на суше, и на воде, и в воздухе.

Что эти цифры предрекают для Великобритании? Ничего хорошего. Они знаменуют одно: общей участи капиталистических стран не миновать и Англии. Америка посадит ее на паек. Хочет или не хочет лорд Керзон, а придется ему сесть на паек, это мы ему отсюда «ультимативно» говорим. Но мы должны прибавить: когда положение Англии станет таково, что ей придется открыто на американский паек садиться, то это будет делать непосредственно не лорд Керзон, — он не подойдет, слишком норовист, — нет, это будет поручено Макдональду. *(Аплодисменты.)* Самочувствие политиков английской буржуазии не таково, чтобы они были приспособлены для перевода государственной жизни этой величайшей мировой империи на скудные основы американского пайка. Здесь потребуется благочестивое краснoречие Макдональда, Гендерсона, фабианцев, чтобы давить на английскую бур-

жуазию и уговаривать английских рабочих: «Что ж, неужели воевать с Америкой? Нет, мы за мир, мы за соглашение». А что такое соглашение с дядей Самом? Приведенные цифры об этом говорят красноречиво. Садись на паек, — одно тебе соглашение, другого нет. А не хочешь — готовься к войне.

До сих пор Англия отступала перед Америкой шаг за шагом. Ведь на наших глазах, на нашей свежей памяти американский президент Гардинг пригласил Англию, Францию и Японию в Вашингтон и спокойнейшим образом предложил Англии — что? — не более и не менее, как ограничить флот. Ведь Англия исповедывала до войны доктрину, в силу которой английский военный флот должен быть сильнее двух вместе взятых флотов двух сильнейших морских государств, идущих вслед за Англией. Соединенные Штаты раз навсегда положили этому конец. В Вашингтоне Гардинг начал, как полагается, свою речь с того, что «совесть цивилизации пробудилась», а закончил так: садись, Англия, на паек, — тебе 5 единиц, мне (пока-что) — 5 единиц, Франции — 3 единицы, Японии — 3 единицы. Откуда это отношение? Американский флот был до войны несравненно слабее английского. За время войны он страшно вырос. Причем американские военно-морские писатели, когда англичане пишут с опаской об американском флоте, неизменно отвечают: ведь флот мы строили для чего? да для того, чтобы ваш же английский остров защищать от немецких подводных лодок. *(Аплодисменты.)* Вот для чего, видите ли, они строили свой флот. Но он пригоден и для других целей. Почему, однако, Соединенные Штаты прибегли к этой вашингтонской ограничительной программе? Не потому, что они не успевали строить военные суда, и прежде всего величайшие линейные корабли. Нет, на этот счет за ними не угнаться никому. Но создать, обучить и воспитать в короткий срок необходимые кадры моряков нельзя, — для этого нужно время, — вот источник выдвинутой в Вашингтоне десятилетней передышки. Отстаивая программу ограничения постройки линейных кораблей, военно-морские журналы Америки писали: «А вы попробуйте-ка с нами не согласиться, — мы будем тогда печь военные корабли как пирожное». Ответ руководящего английского военно-морского журнала был примерно таков: «Мы и сами готовы итти на пацифистское соглашение, зачем же вы нам еще угрожаете?» Здесь уже отражается

новая психология правящей Англии. Она приучается к тому, что нужно подчиняться Америке и — самое большое — требовать... вежливого обращения. *(Смех.)* Это и есть максимум того, на что европейская буржуазия сможет завтра рассчитывать со стороны Америки.

На пути соревнования Англии с Соединенными Штатами для Англии возможны только отступления. Ценою этих отступлений английский капитал покупает себе соучастие в делах американского капитала. Получается как бы коалиционный англо-саксонский капитал. Спасается лицо и — не без прибыли, ибо Англия имеет при этом солидные барыши. Но она получает их ценою отступления и очищения места перед Америкой. Америка усиливает свои мировые позиции, Англия ослабляет. Англия на-днях отказалась от уже решенного было укрепления Сингапура. Жаль, что перед нами нет карты. На Сингапуре и Гонконге можно бы показать важнейшие пути империализма. Сингапур — это ключ между Индийским и Тихим океанами. Это — одна из важнейших баз английской политики на Дальнем Востоке. Но политику в Тихом океане Англия может вести либо с Японией против Америки, либо с Америкой против Японии. На оборудование Сингапура были ассигнованы колоссальные суммы. И Макдональду пришлось решать: что же, с Америкой против Японии, или с Японией против Америки? И он отказался от вооружения Сингапура. Это, конечно, еще не последнее слово английской империалистской политики. Вопрос может быть снова перерешен. Но в данный момент это есть начало отказа Англии от самостоятельной — или в союзе с Японией — политики в Тихом океане. А кто приказал Англии (да, приказал!) порвать союз с Японией? Америка. Это был форменный ультиматум — разорвать союз с Японией. И Англия порвала. Англия пока-что уступает и отступает. Но значит ли это, что так дело пойдет до конца, и что война между ними исключена? Ни в каком случае. Наоборот: ценою уступок сегодня Англия покупает лишь удвоенные затруднения завтра. Под прикрытием сотрудничества накопляются противоречия небывалой взрывчатой силы. До войны не только может, но и неизбежно должно дойти, потому что двигаться на второстепенные позиции и свертывать свою империю Англии будет — ох, как тяжко. В известный момент она вынуждена будет попытаться мобилизовать все силы для отпора

вооруженной рукою. Но и в открытой борьбе, насколько можно предвидеть, все шансы на стороне Америки.

Англия — остров, и Америка — в своем роде остров, но побольше. Англия в повседневном своем существовании полностью и целиком зависит от заокеанских стран. А на американском «островном» материке есть все, что нужно для существования и для ведения войны. У Англии есть колониальные владения во многих морях, и Америка будет их «освобождать». Начавши войну с Англией, Америка призовет сотни миллионов индусов подняться во имя защиты своих неотъемлемых национальных прав. Она призовет к тому же Египет, Ирландию — есть кого призывать освобождаться из-под гнета английского капитала! Точно так же, как сейчас Америка для высасывания жизненных соков из Европы выступает в мантии пацифизма, она во время войны с Англией будет выступать, как великая освободительница колониальных народов.

Ворожит американскому капиталу бабушка-история: для всякого разбойного дела заранее приготовлен ею освободительный лозунг. По отношению к Китаю — политика «открытых дверей»! Япония хочет Китай расчленить и подчинить себе военной силой известные провинции, потому что в Японии нет железа, нет угля, нет нефти, а у Китая все это есть. Япония не может ни жить, ни воевать без угля, железа и нефти; это — три колоссальных минуса в ее борьбе с С. Штатами; поэтому она стремится путем захвата обеспечить себе богатства Китая. А Соединенные Штаты? Они говорят: «Открытые двери в Китай!» По отношению к океанам Америка что говорит? — «Свобода морей!» Звучит прекрасно! А что это значит на деле? — Английский флот, подвинься, дай-ка мне дорогу! «Открытые двери в Китай» — это значит: японец, посторонись и пропусти меня. Дело идет по существу об экономических захватах, о грабежах. Но в силу специфических условий развития Соединенных Штатов эта работа принимает то пацифистский, то почти освободительный облик.

Разумеется, и в Англии есть огромные преимущества, вытекающие из всего ее прошлого: прежде всего могущественные опорные пункты и военно-морские базы во всем мире. У Америки этого нет. Но, во-первых, все это можно создать; во-вторых все это можно по частям отнять силой; в-третьих, наконец, опорные

базы Англии связаны с ее колониальным владычеством и именно поэтому уязвимы. Америка найдет союзников и помощников во всем мире, - сильнейший всегда находит их, — а вместе с союзниками найдет и необходимые базы. Если теперь она связывает с собой Канаду и Австралию лозунгом защиты белой расы от желтой и этим обосновывает свое право на военно-морское превосходство, то на следующей стадии, которая может наступить очень скоро, благочестивый пресвитерианец заявит, что, в конце концов, и желтые люди созданы по образу и подобию божию и, следовательно, имеют право заменить английское колониальное владычество американским экономическим господством. Положение Соединенных Штатов при войне с Англией было бы страшно выигрышное, ибо они смогли бы с первого дня призвать индусов, египтян и прочие колониальные народы к восстанию, вооружая и поддерживая их. Англия вынуждена будет десять раз подумать, прежде чем решиться на войну. Но, не решаясь на войну, она будет вынуждена шаг за шагом отступать под давлением американского капитала. Для ведения войны нужны Ллойд-Джорджи и Черчилли; для отступления без боя— Макдональды.

Сказанное о взаимоотношениях Штатов и Англии с соответственными изменениями и, так сказать, в меньшем размере относится и к Японии, и в совершенно карманном формате — к Франции и к другим второстепенным европейским государствам. В Европе дело идет о чем? Об Эльзасе и Лотарингии, о Руре, о Саарской области, о Силезии, то-есть о каких-то клочках, полосках. Тем временем Америка строит план всех посадить на паек. В отличие от Англии Америка не собирается для колоний, в том числе и для Европы, строить американскую армию, американскую администрацию — она «позволит» им поддерживать у себя реформистский, пацифистский, беззубый порядок при посредстве социал-демократии, при посредстве радикалов или других мещанских партий за счет их собственных народов, и заставит благословлять при этом (до поры до времени) Америку за то, что она не посягнула на их «самостоятельность». Вот план американского капитала, и вот программа, на которой воссоздается II Интернационал!

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ

Эта американская «пацифистская» программа всесветной кабалы — отнюдь не мирная: наоборот, она чревата войнами и величайшими революционными потрясениями. Недаром же Америка свой флот продолжает развивать. Она деятельно занята постройкой легких и быстроходных крейсеров, подводных лодок и вспомогательных судов. И когда Англия вполголоса протестует, Америка отвечает: помните, что у меня не только отношение к вам, как 5:5, но и отношение к Японии, как 5:3; у Японии есть избыточное количество легких крейсеров, и мне необходимо восстановить пропорцию. Она берет то множимое, которое побольше, и умножает на свой вашингтонский коэффициент. А другим тягаться нельзя, потому что Соединенные Штаты могут печь военные корабли, по их собственным словам, как пирожные. Вот перспектива подготовления величайшей мировой свалки, ареной которой будут и Тихий и Атлантический океаны, при том предположении, что буржуазия будет еще в течение значительного периода править миром. Ибо представить себе, что буржуазия всех стран покорно отойдет на задворки, превратится в вассала Америки без попытки сопротивления — нет, это мало вероятно. Слишком велики противоречия, слишком чудовищны аппетиты, слишком велико стремление к сохранению старого господства, слишком велики навыки мирового владычества у Англии. Военные конфликты будут. Намечающаяся эра пацифистского американизма подготовляет новые войны небывалого размаха и невообразимой чудовищности.

Если вернемся теперь к вопросу о том,— а этот вопрос я поставил, как центральный, в моем изложении,— каковы шансы нынешнего европейского реформизма, мы должны будем ответить: шансы европейского реформизма до известного момента прямо пропорциональны шансам американского империалистского «пацифизма». Если работа по превращению Европы в американский доминион нового типа будет иметь известный успех, т.-е. не натолкнется в ближайшие же годы на сопротивление народов, если она не будет сорвана войной или революцией, то в соответствии с этим европейская социал-демократия, как тень американского капитала, будет сохранять до известной степени свое влияние, и в Европе будет держаться гнилое равновесие,

которое образуется из остатков старого могущества и начатков новой постной жизни на нормированном американском пайке. Все это будет прикрыто идеологической смесью из подогретых истин европейской социал-демократии и из квакерски-пацифистской американской стряпни. Отвратительнее и гаже подобной перспективы трудно себе что-либо и представить. Вопрос должен быть, следовательно, поставлен не так: какие силы у европейской социал-демократии,— а иначе: каковы шансы того, что американскому капиталу через скупое финансирование Европы удастся поддерживать в Европе новый режим? Каких-либо точных предсказаний тут сделать нельзя. Сроки называть тем более нет возможности. Достаточно того, если мы поймем новую механику мировых отношений, уясним себе основные факторы, которые будут определять положение в Европе, и в этой перспективе сможем следить за развитием событий, учитывать успехи и неудачи главного хозяина нынешней эпохи, Сев.-Американских Соединенных Штатов, понимать политические зигзаги европейской социал-демократии и тем самым усиливать плюсы на стороне пролетарской революции. Совершенно неоспоримо при этом с самого начала, что те противоречия, которые подготовили империалистскую войну и опрокинули ее на голову Европе 10 лет тому назад, противоречия, которые были обострены войной, дипломатически закреплены Версальским миром, углублены дальнейшим ходом классовой войны в Европе,— что все эти противоречия остаются и сейчас, как зияющие раны. И Соединенные Штаты столкнутся с этими противоречиями во всей их остроте.

На паек сажать голодную страну — трудное дело, мы знаем это по собственному опыту; правда, мы проделывали его при других условиях, исходя из совершенно других начал, повинуясь железной необходимости борьбы за спасение революционной страны. Но из этого опыта мы могли убедиться, что режим голодного пайка связан с волнениями, которые, нарастая, дали мрачное восстание Кронштадта. Ныне Америка по своим капиталистическим соображениям, вынужденная к этому логикой империалистического хищничества, делает пайковый опыт в гигантском масштабе по отношению ко многим народам. Без сопротивления, без жестокой борьбы по линии классовой и по линии национальной этот план не пройдет. Чем больше могущество амери-

канского капитала будет превращаться в его политическую самоуверенность, — а этот процесс растет, — чем больше американский капитал будет раздвигаться интернационально, чем больше американские банкиры будут командовать правительствами Европы,— тем больше, тем централизованнее, тем решительнее будет отпор самых широких, не только пролетарских, но и мелкобуржуазно-крестьянских масс Европы, — потому что перевести Европу на колониальное положение, это, господа американцы, совсем не такая простая задача, как вы думаете!.. *(Бурные аплодисменты.)*

Мы стоим перед этим процессом, мы стоим в самом его начале. Сейчас изголодавшийся немецкий пролетариат впервые почувствовал, после ряда лет, ничтожное, жалкое облегчение. Вы знаете, когда рабочий страшно истощен, долго голодал, то он очень чувствителен даже к самому маленькому облегчению. Оно дано ему сейчас в стабилизации марки, в стабилизации зарплаты; именно этим немецкой социал-демократии возвращена известная политическая стабилизация, т.-е. временная устойчивость. Но этого хватит ненадолго. Америка вовсе не собирается расширять немецкий паек, особенно ту его долю, которая должна прийтись немецкому рабочему. То же будет относиться и к французскому и к английскому рабочему, — во второй и третьей очереди. Ибо что нужно Америке? Ей нужно за счет трудящихся масс Европы и всего мира обеспечить свои барыши и тем самым — закрепить привилегированное положение верхов американского рабочего класса. Без американской рабочей аристократии американский капитал держаться не может; без Гомперса и его трэд-юнионов, без квалифицированных рабочих, хорошо оплачиваемых, политический режим американского капитала потерпит крушение. А держать в привилегированном положении американскую рабочую аристократию можно лишь посадивши европейский «плебс», «чернь» пролетарскую на голодный и холодный паек, жестко отмеренный, скупо взвешенный. Чем дальше пойдет развитие по этому пути, тем труднее будет европейской социал-демократии поддерживать евангелие американизма перед европейскими рабочими массами. Тем централизованнее будет становиться отпор европейских рабочих против хозяина хозяев, против американского капитала. Тем более непосредственное, практическое, боевое значение для европейских рабочих получит лозунг обще-европейской революции и ее государственной

формы: Советских Соединенных Штатов Европы. Чем усыпляет и отравляет сознание европейских рабочих социал-демократия? Она говорит им: мы — раздробленная, изрезанная Версальским миром Европа — не можем жить без Америки. А европейская коммунистическая партия скажет: лжете, — сможем, если захотим. Мы не обязаны быть раздробленной Европой. Мы можем стать объединенной Европой. Именно революционный пролетариат может объединить Европу, превратить ее в пролетарские Соединенные Штаты Европы. *(Аплодисменты.)* Америка могущественна. Против английского островка, опирающегося на колонии во всем мире, Америка могущественна. А мы говорим: против объединенной пролетарско-крестьянской Европы, связанной с нами в единый Советский Союз, Америка будет бессильна. *(Аплодисменты.)*

Американский капитал это чувствует. Нет более принципиального и заклятого врага большевизма, как американский капитал. Юз, его политика, это не случайная причуда, это не каприз, это есть выражение воли наиболее концентрированного капитала, который сейчас вступает в эпоху открытой борьбы за свое мировое самодержавие. Он наталкивается на нас уже потому, что через Тихий океан ведут пути к Китаю и Сибири. Мысль о колонизации Сибири есть одна из самых увлекательных мыслей американского империализма. Но там стоит страж. У нас — монополия внешней торговли. У нас социалистические основы хозяйственной политики. Это есть первое препятствие к самодержавию и единодержавию американского капитала. И даже когда американский капитал с лозунгом открытых дверей проникает в Китай,—а он туда проникает,—он находит там в народных массах не религию американизма, а переведенную на китайский язык политическую программу большевизма. *(Аплодисменты.)* Не Вильсон, не Гардинг и не Кулидж, не Морган и не Рокфеллер, не эти имена повторяются китайскими кули, китайскими крестьянами. Имя Ленина *(аплодисменты)* повторяется с восторгом не только в Китае, но и на всем Востоке. Подорвать Англию Соединенные Штаты могут только лозунгами освобождения народов. В их устах это — политика лицемерия, как и их политика пацифизма в Европе. Но на Востоке на ряду с американским консулом, с американским купцом и профессором, с американским газетчиком есть борцы, революционеры, которые сумели

перевести на свой язык освободительную программу большевизма. Империалистский американизм везде и всюду, в Европе и в Азии, сталкивается с революционным большевизмом. Это, товарищи, два начала новой истории.

Я вспоминаю, как в 1919 г., в разговоре с Владимиром Ильичем по поводу приезда Вильсона в Европу, когда вся пресса буржуазная полна была, с одной стороны, имени Вильсона, а с другой стороны, имени Ленина, я шутя сказал: «Ленин и Вильсон — вот два апокалиптических начала новой истории». Владимир Ильич смеялся. Я сам тогда, разумеется, не думал, какое большое содержание история вложит в эту шутку. Ленинизм и американский империализм — только эти два начала борются сейчас в Европе, только эти два начала пересекают Атлантику и Тихий океан; от исхода борьбы этих двух начал зависит судьба человечества.

Американский враг этот куда более централизованный и могущественный, чем разрозненные европейские враги, но в концентрации наша сила, а враг концентрирует рабочих Европы. Воссоздание II Интернационала есть только временный и внешний признак того, что пролетариат Европы вынуждается чувствовать себя и бороться не в национальных рамках, а в континентальных. А чем более широкие рабочие массы охватывает потребность сопротивления, чем шире база отпора, тем неизбежно революционнее идеи, которые получают перевес. А чем более революционны идеи, охватывающие массы, тем благоприятнее почва для большевизма. Каждый успех американизма, поскольку американизм будет иметь успех, будет тем самым означать централизацию почвы для роста большевизма — в более сосредоточенной, в более революционной форме, в более гигантском масштабе. Будущее за нами!

Так как я говорю на собрании, которое созвано обществом друзей физико-математического факультета, то позвольте, товарищи, после того как я дал революционно-марксистскую критику американизма, сказать, что мы этим вовсе не хотим осудить американизм огульно, что мы зарекаемся учиться у американцев и у американизма тому, чему у них можно и должно учиться. Техники американцев и их трудовой сноровки нам нехватает. Предпосылка техники — наука: естествознание, физика, математика. Вот по этой линии приблизиться к американцам нам нужно до зареза. По-американски подковать большевизм—вот наша задача,—

технически подковаться американскими гвоздями. Сейчас, когда мы еще плохо подкованы, мы все же устояли. Дальше, однако, борьба может принять более грозные размеры. Но нам подковаться по-американски легче, чем американскому капиталу взять Европу и весь мир на паек. Если нам подковаться еще физикой, математикой, техникой, если нам американизировать нашу еще слабую социалистическую промышленность, то мы сможем с удесятеренной уверенностью сказать, что будущее полностью и окончательно за нами. Американизированный большевизм победит и раздавит империалистский американизм. *(Аплодисменты).*

«Известия ЦИК» № 177,
5 августа 1924.

ЕВРОПА И АМЕРИКА

Доклад 15 февраля 1926 года

ДВА ПОЛЮСА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ. ЗАВЕРШЕННЫЙ ТИП СОГЛАШАТЕЛЬСТВА

Товарищи, современное мировое рабочее движение имеет два полюса, которые с небывалой в истории отчетливостью определяют собой две основные тенденции в мировом рабочем классе. Один полюс, революционный, проходит у нас; другой, соглашательский, в Соединенных Штатах Северной Америки. Американское рабочее движение за последние 2—3 года дает совершенно небывалые ранее по своей законченности формы и методы реформизма, т.-е. политики компромисса с буржуазией.

Мы видали политику классового соглашательства в прошлом, видали ее глазами истории и видали ее своими собственными глазами. Мы считали, — и в прошлом это было правильно, — что наиболее завершенный оппортунизм в предвоенную эпоху дала Англия, выработавшая законченный тип старого консервативного английского трэд-юнионизма. А сейчас приходится сказать, что английский трэд-юнионизм классической эпохи, т.-е. второй половины XIX столетия, относится к нынешнему американскому оппортунизму так, как кустарь относится к американской фабрике. В Соединенных Штатах мы имеем сейчас широкое движение так называемых «компанейских юнионов», т.-е. организаций, которые, в противовес трэд-юнионам, объединяют в своих руках не только рабочих, но и предпринимателей, точнее представителей тех и других. Иными словами: явление, которое имело место в эпоху цеховой организации производства, а потом отмерло, ныне в наиболее могущественной стране капитала приняло совершенно новые, небывалые формы. Кажется, Рокфеллер был инициатором этого движения еще до войны. Но только за последнее время, в сущности с 23 года, это движение

охватило величайшие северо-американские концерны. Американская Федерация Труда, официальная профессиональная организация рабочей аристократии, с теми или другими оговорками примкнула к этому движению, которое означает уже полное и окончательное признание тождества интересов труда и капитала и, следовательно, отрицание необходимости самостоятельных классовых организаций пролетариата хотя бы для борьбы за ближайшие задачи.

На ряду с этим в Соединенных Штатах наблюдается сейчас развитие рабочих сберегательных банков и обществ страхования, где представители труда и представители капитала заседают бок о бок. Незачем говорить, что представление об американской заработной плате, как о плате, обеспечивающей высокое довольство, крайне преувеличено; но во всяком случае эта плата позволяет рабочим верхам известное «сбережение». И вот капитал улавливает это накопление через сберегательные рабочие банки и пускает его в предприятия той же отрасли промышленности, где рабочие накапливают, урывая из своей платы. Таким путем капитал заодно увеличивает свои оборотные средства и, главное, заинтересовывает рабочих в процветании промышленности.

Американская Федерация Труда признала необходимым ввести скользящую скалу заработной платы на основе полной солидарности интересов труда и капитала: заработная плата должна изменяться в соответствии с производительностью труда и прибылью. Таким образом, практически закрепляется теория солидарности интересов и создается видимость «равноправия» в пользовании национальным доходом. Таковы основные экономические формы этого нового движения, к которому надо присматриваться, которое надо понять.

Что касается американской Федерации Труда, руководителем которой был Гомперс, и с именем которого она связана, то она за самые последние годы растеряла большую часть своих членов. Федерация сохранила сейчас не более как 2.800.000 членов, что составляет ничтожный процент американского пролетариата, если принять во внимание, что наемных рабочих в Соединенных Штатах — в промышленности, в торговле и в сельском хозяйстве — не менее 25 миллионов. Но Федерации Труда больше и не нужно. Поскольку официальным учением

самой Федерации является та мысль, что все вопросы решаются не борьбой масс, а соглашением труда и капитала; поскольку в «компанейских» союзах мысль эта нашла наивысшее свое выражение, постольку трэд-юнионы могут и должны свестись к организации аристократических верхов рабочего класса, действующих от имени класса в целом.

Областью промышленной и финансовой — банки, страховые общества — сотрудничество не ограничивается. Оно перенеслось полностью и целиком в область политики внутренней, и международной. Американская Федерация Труда и те новые компанейские, т.-е. двухклассовые юнионы, с которыми она тесно соприкасается, на которые прямо или косвенно опирается, ведут решительную борьбу против социализма, вообще против революционных доктрин Европы, относя к ним и доктрины II и Амстердамского Интернационалов. Американская Федерация приспособила для себя по-новому доктрину Монроэ «Америка для американцев», истолковывая ее так: «Мы вас, европейскую чернь, хотим и можем учить, а вы к нам не суйтесь!» И тут Федерация лишь вторит буржуазии. В отличие от прошлого, когда эта последняя учила: «Америка для американцев, Европа для европейцев», — сейчас доктрина Монроэ означает лишь запрет для других вмешиваться в дела Америки, но ни в коем случае не запрет для Америки вмешиваться в дела всех остальных частей света. Америка для американцев, но и Европа также!

Американская Федерация Труда создала ныне панамериканскую Федерацию, т.-е. организацию, которая распространяется и на Южную Америку, и прокладывает дорогу северо-американскому империализму в латинскую Америку. Лучшего политического орудия нью-иоркской бирже не найти. Но это означает вместе с тем, что борьба южно-американских народов против душащего их северного империализма будет вместе с тем борьбой против развращающего влияния панамериканской Федерации.

Созданная Гомперсом организация стоит, как вы знаете, вне Амстердамского Интернационала. Он является для нее организацией упадочной Европы, он слишком отравлен революционными предрассудками. Американская Федерация остается вне Амстердама, как американский капитал остается вне Лиги Наций. Последнее, как известно, нисколько не мешает американскому капиталу дергать за нити, управляющие Лигой; как и тот факт,

что американская Федерация стоит вне Амстердама, нисколько не мешает ей тянуть за собою реакционную бюрократию Амстердамского Интернационала. Мы и здесь, следовательно, видим полный параллелизм в работе Кулиджа и наследников Гомперса. Американская Федерация поддержала план Дауэса, когда его осуществлял американский капитал. Она ведет во всех частях света борьбу за права и претензии американского империализма и, стало быть, прежде всего и больше всего — против Советских Республик.

Это — новое соглашательство более высокого типа, соглашательство, доведенное до конца, организационно закрепленное в «междуклассовых» учреждениях, в компанейских юнионах, в коалиционных банках и страховых обществах, — это соглашательство сразу получило американский размах. Создались даже крупные капиталистические предприятия, которые с подряда организуют заводские комитеты на началах паритета с предпринимателями, или по типу Нижней и Верхней Палаты и пр. Для соглашательства устанавливается известный стандарт, оно механизируется и вводится в действие через крупные капиталистические фирмы. Это чисто американское явление, своего рода общественный конвейер соглашательства, путем которого механически закрепляется кабала рабочего класса.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОЩЬ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ, КАК ОСНОВА СОГЛАШАТЕЛЬСТВА

Можно спросить, зачем это капиталу нужно? Ответ кажется ясным сам по себе, если принять во внимание нынешнее могущество американского капитала и те замыслы, которые из этого могущества вырастают. Для американского капитала Америка уже не есть замкнутая арена действий, нет, это плацдарм для новых операций гигантского масштаба. И вот на этом плацдарме американской буржуазии необходимо застраховать себя путем соглашательства в его наиболее полной и законченной форме, чтобы тем увереннее разворачиваться во вне.

Другой вопрос: каким это образом ныне, после империалистской бойни, в которой участвовали Соединенные Штаты, со всем грузом опыта, который имеют трудящиеся всех стран, каким образом ныне, в начале второй четверти двадцатого сто-

летия, возможно осуществление этого стандартизованного соглашательства? Каким образом? Ответ на этот вопрос дается могуществом американского капитала, с которым ничто в прошлом не может быть сопоставлено.

Капиталистический строй делал не мало опытов в разных углах Европы и в разных частях света. Всю историю человечества можно рассматривать как запутанную цепь попыток создать, пересоздать, лучше построить, выше поднять общественную организацию труда — патриархальную, рабскую, крепостническую, капиталистическую. Больше всего опытов, экспериментов, попыток история сделала с капиталистическим строем. Прежде всего и разнообразнее всего в Европе. Но самая гигантская попытка и самая «удачная» пришлась на Северную Америку. Подумать только: Америка была открыта в конце XV столетия, когда у Европы была уже богатейшая история позади. В XVI-XVII, да и в XVIII веке, в значительной мере и в XIX, Соединенные Штаты оставались далеким самодовлеющим миром, гигантским захолустьем, питающимся подачками со стола европейской цивилизации. А между тем там слагалась и росла страна «неограниченных возможностей». Природа создала в Америке все условия для мощного хозяйственного расцвета. Европа выбрасывала за океан, волну за волной, такие элементы населения, которые лучше всего были пробуждены, подготовлены, закалены для развития производительных сил. Все европейские движения религиозно-революционного, как и политически-революционного характера что означали?— Борьбу более прогрессивных элементов, прежде всего мелкой буржуазии, потом рабочих против старого, феодального и поповского хлама, мешавшего развитию производительных сил. Что Европа извергала из себя, то уходило за океан. Цвет европейских наций, наиболее активные элементы, которые хотели проложить себе дорогу во что бы то ни стало, попадали в среду, где не было исторического хлама, а была девственная природа в своем неисчерпаемом обилии. Вот основа американского развития, американской техники, американского богатства!

Неисчерпаемой природе нехватало человека. Дороже всего в Соединенных Штатах была рабочая сила. Отсюда механизация труда. Принцип конвейера — не случайный принцип, — в нем выражено стремление механическим путем заменить человека, умножить рабочую силу, автоматически подать, поднести, унести,

спустить, поднять, — все это должна делать бесконечная лента, а не хребет человека. Таков принцип конвейера. Где выдумали элеватор? В Америке, чтобы не нуждаться в человеке, который на горбу своем поднимает мешок с зерном. А трубопроводы? В Соединенных Штатах 100 тысяч километров трубопроводов, т.-е. конвейера для жидких тел. Наконец, бесконечная лента внутризаводского транспорта, высшим образцом которой является организация Форда, известная всем.

Америка почти не знает ученичества; тратить время на учебу нельзя, рабочая сила дорога, — ученичество заменяется расчленением трудового процесса на мельчайшие части, которые не требуют или почти не требуют выучки. А кто собирает части трудового процесса воедино? — бесконечная лента, конвейер. Он же и учит. Из южно-европейского, балканского или украинского молодого крестьянина в короткий срок выходит индустриальный рабочий, сформированный на ходу.

Серийность производства связана с американской техникой, как и стандарт: это производство массовое. Продукты и изделия, предназначенные для верхов, приспособленные к индивидуальным вкусам и пр., несравненно лучше вырабатываются Европой. Дорогие сукна поставляет Англия, ювелирные изделия, перчатки, парфюмерия и пр. — Франция. Но где дело касается массового производства, рассчитанного на самый широкий рынок, там Америка неизмеримо выше Европы. Вот почему именно у Америки европейский социализм будет учиться технике.

Небезызвестный Гувер, наиболее авторитетная в Америке правительственная фигура в области хозяйства, ведет большую работу по стандартизации промышленных изделий. Он заключил уже несколько десятков договоров с крупнейшими концернами о производстве предметов потребления по определенным стандартам. К числу этих стандартизованных предметов потребления относятся между прочим: детская коляска и гроб. Так что американец рождается в стандарте и умирает в стандарте. *(Смех, аплодисменты.)* Я не знаю, удобнее ли это, но это дешевле на 40%. *(Аплодисменты, смех.)*

В составе американского населения, благодаря иммиграционным условиям его происхождения, на 45%, если не ошибаюсь, больше трудоспособных элементов, чем в европейском населении: прежде всего потому, что соотношение возрастов другое. Это

делает всю нацию более производительной. Этот коэффициент помножается на более высокую производительность каждого рабочего. Благодаря механизации и более правильной установке трудового процесса американский рудокоп добывает в $2^1/_2$ раза больше угля и руды, чем в Германии. Работник сельского хозяйства производит в два раза больше, чем в европейском сельском хозяйстве. А результаты перед нами.

Про древних афинян говорили, что это свободные люди, потому что на каждого из них приходилось четыре раба. В Соединенных Штатах на каждую душу населения приходится 50 рабов, только механических. Это значит: если подсчитать механические двигатели, переведя лошадиные силы на человеческие, то выйдет, что на каждого американского гражданина, считая и того, который сосет грудь матери, приходится 50 механических рабов.* Это, конечно, не исключает того, что американское хозяйство опирается на живых рабов, т.-е. наемных пролетариев.

Национальный доход Соединенных Штатов составляет 60 миллиардов долларов в год. Читай и пиши: 60 миллиардов долларов, т.-е. 120 миллиардов золотых рублей! Ежегодные сбережения, т.-е. то, что остается за покрытием всех необходимых расходов, составляют от 6-ти до 7-ми миллиардов долларов, около 14 миллиардов золотых рублей. Я имею при этом в виду только Соединенные Штаты, т.-е. то, что по старым учебникам так называется. На самом же деле Соединенные Штаты больше и богаче. Канада является, не в обиду британской короне будь сказано, составной частью Соединенных Штатов. Если возьмете справочник Департамента Торговли Соединенных Штатов, то торговля с Канадой относится в нем к внутренней торговле, и Канада вежливо и несколько уклончиво называется северным продолжением Соединенных Штатов *(смех)* — без благословения Лиги Наций, у нее об этом не спрашивали и с полным основанием: этот «заго» им не понадобился. *(Смех, аплодисменты.)* Экономические силы притяжения и отталкивания действуют уже почти автоматически. Английский капитал в канадской промышленности занимает вряд ли больше 10%, тогда как северо-американский — свыше трети, и эта часть непрерывно

* Год тому назад я назвал цифру 41, но она, повидимому, уже устарела: статистика говорит, что 50.

растет. Импорт из Англии в Канаду составляет 160 миллионов долларов, а из Америки — почти 600 миллионов. А 25 лет тому назад Англия ввозила в 5 раз больше, чем Соединенные Штаты. Канадцы в подавляющем большинстве чувствуют себя американцами, за исключением — о, ирония! — французской части населения, которая себя чувствует английской насквозь. *(Смех.)* Австралия проделывает ту же эволюцию, что и Канада, но отстает от этой последней. Австралия будет с той страной, которая флотом своим защитит ее от Японии и возьмет за эту защиту дешевле. На этом конкурсе Соединенным Штатам уже в близком будущем обеспечена победа. Во всяком случае, если бы дело дошло до войны между Соединенными Штатами и Англией, то «британский доминион» Канада явился бы одним из резервуаров живой силы и предметов продовольствия для Соединенных Штатов против Англии. Об этом секрете, кроме нас с вами, знают три политических лица: Соединенные Штаты, Англия и Канада. *(Смех.)*

Такова в основных своих чертах материальная мощь Соединенных Штатов. Именно она и позволяет им старую практику британской буржуазии: подкармливание рабочих верхов, чтобы держать пролетариат в узде, — доводить до такого завершения, о котором британская буржуазия не смела и мечтать.

НОВЫЕ РОЛИ АМЕРИКИ И ЕВРОПЫ

За последние годы в корне передвинулась хозяйственная ось земли, изменились в основе соотношения между Соединенными Штатами и Европой. Это пришло в результате войны. Подготовлялось, конечно, долго, симптомы были и раньше, но обрушилось на нас готовым фактом почти-что на-днях, и мы пытаемся теперь отдать себе отчет в той гигантской передвижке, которая произошла в области человеческого хозяйства, а значит и человеческой культуры. Один немецкий писатель вспомнил по этому поводу слова Гете о неописуемом впечатлении, какое произвела на современников мысль Коперника, что не солнце вращается вокруг земли, а земля вокруг солнца, как скромная планета среднего размера. Многие не верили, не хотели верить. Геоцентрический патриотизм ударился в обиду. И с Америкой ныне в том же роде. Европейскому буржуа не хочется верить,

что он отодвинут на задворки, что хозяином капиталистического мира являются Соединенные Штаты Северной Америки.

Я указал уже на основные природные и исторические причины, которые подготовили гигантскую мировую передвижку хозяйственных сил. Но понадобилась война, чтоб сразу поднять Америку, снизить Европу и обнаружить крутое перемещение мировой оси. Война, как предприятие по разорению и унижению Европы, обошлась Америке примерно в 25 миллиардов долларов. Если принять во внимание, что в американских банках сегодня имеется наличности 60 миллиардов долларов, то сумма в 25 миллиардов не так уже велика! Наряду с этим 10 миллиардов были даны взаймы Европе. Эти 10 миллиардов с неоплаченными процентами превратились с того времени в 12 миллиардов, и Европа по этим миллиардам начинает платить Америке за свое собственное разорение.

Вот, товарищи, механика, силою которой Соединенные Штаты сразу поднялись над всем миром, как хозяин его судеб. Страна с населением в 115 миллионов является в полном смысле судьей и распорядителем Европы. Разумеется, за вычетом нас. До нас дело не дошло, и твердо знаем — не дойдет. *(Аплодисменты.)* Но и за вычетом нас остается 345 миллионов европейского населения, т.-е. в три раза больше, чем в Соединенных Штатах.

Новое соотношение ролей определяется новым соотношением богатства. Вы знаете, что определения национальных богатств не очень точны, но для нашей цели и грубых цифр достаточно. Возьмем Европу и Соединенные Штаты, какими они были 50 лет тому назад, во время франко-прусской войны. Богатство Соединенных Штатов тогда определялось в 30 миллиардов долларов. Национальное достояние Англии исчислялось примерно в 40 миллиардов долларов, Франции — 33 миллиардов, Германии — 38 миллиардов. Как видим, разница между уровнями этих четырех стран была невелика: у всех от 30 до 40 миллиардов, причем Соединенные Штаты были среди четырех богатейших государств наименее богатыми. Это в 72 году. А сегодня, полвека спустя? Сегодня Германия, если взять ее в соответственных границах, не богаче, а беднее, чем была в 72 году (36 миллиардов), Франция примерно вдвое богаче (68 миллиардов), Англия также (около 89 миллиардов), а национальное

достояние Соединенных Штатов скромно оценивается сейчас в 320 миллиардов долларов. *(Движение в зале.)* Таким образом из европейских стран, названных мною, одна вернулась к старому уровню, две другие разбогатели вдвое, а Соединенные Штаты за тот же период стали богаче в 11 раз! Вот почему, израсходовав всего 15 миллиардов на разорение Европы, Соединенные Штаты достигли своей цели с полным успехом.

Перед войной Америка была должником Европы. До войны Европа была основной фабрикой мира. Европа была главным товарным складом мира. Наконец, Европа, и прежде всего Англия, была центральным банком мира. Все эти три руководящие роли Европа передала Америке. Европа отошла на задворки. Главная фабрика мира, главный торговый склад, главный банк мира — это Соединенные Штаты.

Вы знаете, что золото в капиталистическом обществе имеет кое-какое значение. Владимир Ильич писал, что при социализме мы из золота построим некоторые уличные учреждения. Но это при социализме. А при капитализме нет учреждения более высокого, чем наполненный золотом банковский подвал. Как обстоит на этот счет дело у Америки? До войны у ней было запасов золота, если не ошибаюсь, 1.900 миллионов; на 1-е января 1925 года Штаты имели $4^1/_2$ миллиарда долларов золота, т.-е. около 50% мирового запаса, а сегодня имеют не меньше 60%.

А что происходило с Европой за то самое время, когда Америка поднимала свой золотой запас до 60% мирового? Европа падала. Европа вверглась в войну, потому что европейскому капитализму стало не вмоготу в тесных рамках национальных государств. Капитал стремился раздвинуть эти рамки, создать для себя более широкую арену, причем бешенее всего напирал наиболее прогрессивный германский капитал, поставивший себе целью «организовать Европу», разгородив ее от таможенных застав. А результат? В Европе прибавилось по Версальскому миру около 17-ти новых государств и территорий. В Европе прибавилось около 7.000 километров новых границ, соответственное число новых таможней, и по всем этим таможням, с той и с другой стороны, заставы и войска. В Европе сейчас на миллион солдат больше, чем до войны. На пути к этим «достижениям» Европа разрушила огромные массы собственных материальных ценностей, опустилась, обеднела.

Мало того. За все свои бедствия, за хозяйственные разрушения, за новые бессмысленные таможенные перегородки, дезорганизующие торговлю, за новые границы и новые войска, — за все это, за свое расчленение, разорение, унижение, за войну и за Версальский мир. Европа должна платить Соединенным Штатам проценты с военных долгов.

Европа обеднела. Она перерабатывает по крайней мере на 10% сырья меньше, чем перерабатывала до войны. Удельный вес Европы в мировом хозяйстве понизился во много раз. Единственное, что в нынешней Европе устойчиво, это ее безработица. И замечательно, что, в поисках спасения, буржуазные экономисты извлекли из старых архивов наиболее реакционные теории эпохи первоначального накопления: средства против безработицы они снова видят в мальтузианстве и эмиграции. Победоносный капитализм в лучшие десятилетия своего развития не нуждался в этих теориях. А вот стареющий, дряхлеющий, пораженный склерозом капитализм идейно обращается в младенчество и возрождает старые знахарские рецепты.

ИМПЕРИАЛИСТСКАЯ ЭКСПАНСИЯ (РАСШИРЕНИЕ) СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Из могущества Соединенных Штатов и ослабления Европы вытекает неизбежность перераспределения мировых сил, рынков и сфер влияния. Северная Америка должна раздаться вширь, а Европа вынуждена сжиматься. В этом и состоит сейчас равнодействующая основных хозяйственных процессов, которые происходят в капиталистическом мире. Соединенные Штаты вышли на все мировые дороги и повсюду наступают. Они делают это строго «пацифистски», т.-е. пока еще без применения вооруженной силы, «без пролития крови», как говорила святейшая инквизиция, когда сжигала на костре живьем *(смех)*, они мирно раздаются вширь, потому что противники со скрежетом зубовным отступают перед новой мощью, не доводя дело до открытого столкновения. В этом основа «пацифистской» политики Соединенных Штатов. Главным орудием их является сейчас финансовый капитал со своим стержнем. Вот этим вот золотым резервом в 9 миллиардов золотых рублей. Это страшная, сокрушительная сила в отношении всех частей света и особенно — опустившейся

и обносившейся Европы. Дать взаймы или не дать взаймы той или другой стране Европы, значит во многих случаях решить судьбу не только правящей партии, но и буржуазного режима в целом. Соединенные Штаты вложили всего до сих пор в хозяйство других стран 10 миллиардов долларов, в том числе свыше 2 миллиардов Европе, сверх тех 10 миллиардов, какие они дали на разорение Европы. Теперь займы даются, как известно, на «восстановление» Европы. Эти две цели дополняют друг друга, а проценты с разорения, как и с восстановления, текут в тот же самый резервуар. Больше всего вложено капитала Соединенных Штатов в хозяйство Латинской Америки, которая в экономическом смысле все больше превращается в доминион Северной Америки. За Южной Америкой—по размеру кредитов—следует Канада и только за Канадой—Европа. Остальные части света получили значительно меньше.

Сумма в 10 миллиардов с точки зрения американского могущества ничтожна, но она быстро растет, а для понимания этого процесса важнее всего темп развития. За 7 лет после войны Соединенные Штаты инвестировали заграницей около 6 миллиардов; почти половина их дана за последние 2 года, причем за 25 год вложено гораздо больше, чем за 24-й.

Еще перед самой войной Соединенные Штаты нуждались в иностранном капитале, получали его у Европы и вкладывали в свою промышленность. Рост их производственного могущества на известной стадии привел к быстрому образованию финансового капитала. Как при нагревании воды много тепла переходит в скрытое состояние, прежде чем вода примет парообразный вид, так и здесь понадобились большие вложения средств, большой рост материального оборудования, прежде чем путем «выпаривания» стал получаться подвижной газообразный финансовый капитал. Но раз начавшись, процесс этот развивается в Соединенных Штатах неистовым темпом. То, что каких-нибудь два-три года тому назад (ничтожный срок) можно было лишь предполагать, теперь разворачивается на наших глазах во всей своей потрясающей реальности. Но настоящее еще только предстоит. Мировой завоевательный поход американского финансового капитала—это не вчера, это не сегодня, это—завтра.

Крайне знаменательно, что в истекшем году американский капитал стал все больше переходить от правительственных зай-

мов к промышленным. Смысл этого ясен. «Мы вам дали режим Дауэса, мы дали вам возможность починить валюту в Германии и Англии, — мы не прочь это сделать, при известных условиях, во Франции, но это для нас только средство к цели, а цель — прибрать к рукам ваше хозяйство!» На днях я читал в германской газете «Дер Таг» — орган металлургии — статью под заголовком: «Дауэс или Диллон». Диллон — это один из новых американских финансовых кондотьеров (завоевателей), предназначенных для Европы. Англия выдвинула Сесиля Родса — своего последнего колониального авантюриста крупного масштаба, основавшего на юге Африки новую страну. Сесили Родсы рождаются теперь в Америке, но не для Южной Африки, а для Центральной Европы. Задача Диллона — скупить немецкую металлургию по дешевой цене. Он собрал для этого 50 миллионов долларов, только всего, — Европа теперь продается дешево, — и Диллон с 50 миллионами в кармане не останавливается перед какими-то там европейскими перегородками, вроде границ Германии, Франции, Люксембурга, ему нужно сочетание угля и металла, он хочет создать централизованный европейский трест, он не стесняется политической географией, и я даже думаю, что он не знает ее. *(Смех.)* Да и к чему? 50 миллионов долларов в современной Европе это лучше всякой географии. *(Смех.)* Его мысль, как утверждают, объединить среднеевропейскую металлургию, а потом противопоставить ее американскому стальному тресту с ее королем Гэри. Таким образом, когда Европа «обороняется» против американского стального треста, то на деле оказывается, что это два американских спрута борятся друг с другом, чтобы в известный момент объединиться для более планомерной эксплоатации Европы. Именно по этому поводу газета немецкой металлургии рассуждает: Дауэс или Диллон, — в этих пределах ограничен выбор, — третьего не дано. За кем же итти? Дауэс есть вооруженный с ног до головы кредитор. С ним разговор короток. А Диллон — это все же в роде компаниона, правда, совсем особого типа, ну, авось все же не задавит... Статья кончается замечательной фразой: «Диллон или Дауэс, — вот вопрос немецкой жизни на 26 год».

В руки американцев перешел уже контрольный пакет акций четырех важнейших банков Германии, так называемых «Д» банков. Нефтяная промышленность Германии прилипает, очевидно, к американскому Стандарт-Ойлю. Цинковые рудники, бывшие

в руках германской фирмы, перешли к Гарриману, который тем самым приобретает монопольный контроль над цинковым сырьем на всем мировом рынке.

Американский капитал работает и крупно и по мелочам. В Польше американско-шведский спичечный трест проводит первые подготовительные меры. В Италии дело зашло гораздо дальше. Очень интересно соглашение, которое американские фирмы заключают с Италией. Ей поручается, так сказать, заведывание ближне-восточным рынком. Соединенные Штаты будут отправлять Италии свои недоделанные фабрикаты с тем, чтобы Италия их приспособляла к вкусу восточного потребителя. Америке мелочами заниматься некогда, она работает по стандарту. И великодержавный заокеанский подрядчик приходит к аппенинскому кустарю и говорит ему: «вот тебе все, что нужно, — подкрась и подмажь для азиатов».

Во Франции дело до этого еще не дошло, Франция еще упирается и храбрится. Но дойдет. Придется стабилизовать валюту. А это значит: надеть американскую петлю. Все они стоят в очереди у окошка дяди Сама. *(Смех).*

Сколько американцы израсходовали на то, чтобы обеспечить себе такое положение? Пока что — жалкие гроши. Я уже называл цифры; американские вклады за границей — 10 миллиардов, не считая военных долгов. На Европу пришлось всего на всего $2^1/_2$ миллиарда, а Америка уже начинает распоряжаться в Европе как у себя дома. Я пробовал прикинуть. Если взять достояние всей Европы, то окажется, что американцы вложили в ее хозяйство $1^0/_0$, одну сотую часть, а вернее и того меньше. Когда чаши весов колеблются, мизинцем нажми — перетянет. Американцы нажали пока что мизинцем, — и уже распоряжаются. В Европе не хватает ни капитала на восстановление, ни оборотного капитала на то, что восстановлено. Есть здание и оборудование, стоящие сотни миллионов, но не хватает десятка миллионов, чтобы пустить машину в ход. Приходит американец, кладет 10 миллионов и ставит условия. Он хозяин, он распоряжается.

Товарищи передали мне интереснейшую статью одного из новых Сесилей Родсов, которые выдвигаются теперь Америкой и имена которых нам придется заучивать. Это не очень приятно, но ничего не поделаешь. Заучили же мы имя Даурса.

Всему Дауэсу грош цена, а голыми руками его вся Европа не возьмет. Завтра будем заучивать имя Диллона или Макса Вирклера, который есть, видите ли, вице-президент «Компании финансового обслуживания». *(Смех.)* Прибирай на всем земном шаре где что плохо лежит, это называется финансовое обслуживание. *(Смех, аплодисменты.)* Макс Вирклер говорит о работе финансового обслуживания прямо-таки языком поэмы, даже библейской поэмы. Я сейчас вам прочитаю: «мы занимались финансированием правительств, местных и муниципальных властей и частных корпораций. Американские деньги помогли восстановить Японию от землетрясения, американские фонды помогли нанести поражение Германии и Австро-Венгрии и играли весьма крупную роль в восстановлении этих стран». Сперва разорили, потом восстановили. *(Смех, аплодисменты.)* И на том и на другом получили честный процент. Вот только землетрясение в Японии, повидимому, было устроено без участия американского капитала *(смех)*, но послушайте дальше:

«Мы занимаем деньги голландским колониям и Австралии, Аргентинскому правительству и городам, южно-африканской горной промышленности, чилийским производителям селитры, бразильским кофейным плантаторам, колумбийским табаководам и хлопководам. Даем деньги на санитарные проекты в Перу, датским банкам, шведским промышленникам, норвежским гидроэлектрическим станциям, финским банковским учреждениям, чехословацким машиностроительным заводам, юго-славским железным дорогам, итальянским общественным работам, испанским телефонным компаниям» и пр. и пр. Как вам угодно, но это «звучит». Это звучит звоном тех самых 60 миллиардов долларов, которые в данную минуту находятся в американских банках. Эту симфонию нам еще придется послушать в ближайший исторический период.

Вскоре после войны, когда создавалась Лига Наций, и пацифисты всех стран Европы врали, каждый на своем языке, английский экономист Джордж Пейш, человек, надо полагать, с самыми лучшими намерениями, предлагал организовать заем Лиги Наций на умиротворение и восстановление всего человечества. Он подсчитал, что на это прекрасное дело надо 35 миллиардов долларов, и предложил, чтобы Соединенные Штаты подписались на 15 миллиардов, Англия на 5 миллиардов, все остальные

страны вместе — на 15 миллиардов. По этому прекрасному замыслу Соединенные Штаты должны были получить почти половину великого займа, а так как остальные паи были бы раздроблены, то Соединенные Штаты имели бы контрольный пакет. Спасительный заем не осуществился. Но то, что происходит сейчас, есть более реальное осуществление того же по существу плана. Соединенные Штаты шаг за шагом прибирают к рукам контрольный пакет акций человеческого рода. Большое предприятие. Но и очень рискованное. Американцы в этом не замедлят убедиться...

О ПАЦИФИЗМЕ И О ПУТАНИЦЕ

Но прежде чем двинуться дальше, я должен рассеять кое-какую путаницу. Занимающие нас мировые процессы разворачиваются, с такой быстротой и обнаруживают такой размах, что мысль лишь с трудом улавливает, охватывает и усваивает их. Немудрено, если вокруг этого вопроса в международной печати, и в буржуазной, и в пролетарской, идет за последний период горячее обсуждение. В Германии вышел ряд книг, специально посвященных роли Соединенных Штатов по отношению к балканизированной Европе. В интернациональной борьбе мнений, которая вокруг этого вопроса возникла, затронут был и тот доклад, который я читал два года тому назад с этой же трибуны. У меня в руках американский рабочий журнал, который я раскрыл на днях и как раз на странице, посвященной вопросу о взаимоотношениях Америки к Европе, и случайно попал глазом на фразу насчет американского «пайка». Меня это естественно заинтересовало, я статью прочитал и вот, товарищи, что я из этой статьи к великому для себя изумлению узнал.

> «Троцкий поддерживал ту мысль, что мы вошли в период мирных англо-американских отношений; влияние англо-американских отношений будет (по мнению Троцкого) больше способствовать консолидации, чем разложению мирового капитализма». Недурно, не правда ли? Самому Макдональду впору. И далее: «Старая теория Троцкого об Европе на пайке»... Почему она, позвольте спросить, старая? — ей с небольшим два года. *(Смех, аплодисменты.)* «Старая теория Троцкого об Европе на пайке и об Европе, превращенной в доминион Америки, была свя-

зана с этой оценкой англо-американских отношений»... и пр. и пр. (Джей Ловстон. «Рабочий Ежемесячник», ноябрь 1925 г.).

Когда я прочитал эти строки, я минуты три потирал лоб с величайшим изумлением; где и когда я говорил, что Англия и Америка связаны узами мирных отношений, и что благодаря этому они будут возрождать европейский капитализм, а не разлагать его? Вообще говоря, если бы коммунист, который вышел из пионерского возраста, сказал нечто подобное, его надо было бы просто гнать из коммунистических рядов. Естественно, если, прочитав столь любезно приписываемую мне чепуху, я перелистал то, что по этому поводу пришлось говорить с этой самой трибуны. И если я воспользуюсь сейчас произнесенной два года тому назад речью, то не для того чтобы разъяснить Ловстону и ему подобным, что, если о чем-нибудь хочешь писать, — все равно на английском или на французском языке, в Европе или в Америке, — надо ясно знать, о чем пишешь, и куда читателя ведешь, — нет, не для этой второстепенной цели оборачиваюсь я назад, — а потому что тогдашняя постановка вопроса пригодна не только для вчерашнего дня, но и для сегодняшнего, ибо в основе она остается та же. Вот почему я вынужден прочитать несколько цитат.

«Чего хочет американский капитал? чего он ищет»? спрашивали мы два года назад. И отвечали: «Он ищет, говорят нам, устойчивости, он хочет восстановить европейский рынок, он хочет сделать Европу платежеспособной. Как? каким путем? И в каких пределах? — Под своей гегемонией. А что это значит? — Это значит позволить ей подняться, но в заранее отмежеванных пределах, отвести ей определенные, ограниченные участки мирового рынка. Американский капитал сейчас командует, приказывает дипломатам. Он готовится и собирается точно так же приказывать европейским банкам и трестам, европейской буржуазии в целом». Два года тому назад мы говорили: «он приказывает дипломатам (в Версале, Вашингтоне) и собирается приказывать банкам и трестам». А сегодня мы говорим: — он уже приказывает банкам и трестам ряда европейских государств и собирается приказывать банкам и трестам остальных капиталистических государств Европы. Продолжаю цитату: «Он будет нарезать участки рынка, он будет норми-

ровать деятельность европейских финансистов и европейских промышленников. Если ответить ясно и отчетливо на вопрос — чего хочет американский капитал, то придется сказать так: он хочет капиталистическую Европу посадить на паек». Не посадил и даже не посадит, а сказано: хочет посадить на паек. Вот как мы говорили два года тому назад.

А как обстояло у нас дело по части «мирного сотрудничества» с Англией, идею которого мне подсовывает Ловстон? Заглянем в стенограмму далее. «Речь идет, в последнем счете не только о Германии, не только о Франции, но и о Великобритании. Да, и ей нужно готовиться потихоньку к той же участи». Теперь прошу особенного внимания. «Правда, часто говорят, что вот, дескать, сейчас Америка идет вместе с Англией, образовался англо-саксонский блок, — часто говорят англо-саксонский капитал, англо-саксонская политика... Но так говорят те, которые не понимают дела. Основной мировой антагонизм пролегает по линии интересов Соединенных Штатов и Великобритании. И это будет вскрываться чем дальше, тем больше... Почему? Потому что Англия все еще самая богатая и могущественная после Соединенных Штатов страна. Это главный соперник, основное препятствие на пути».

Ту же самую мысль, но еще более резко, мне пришлось развивать в манифесте V Конгресса. Но я не буду утомлять ваше внимание текстами. Прочтем еще из доклада то, что относится к организуемым Америкой «мирным» отношениям: «Эта американская «пацифистская» программа всесветной кабалы отнюдь не мирная: наоборот, она чревата войнами и величайшими революционными потрясениями... Ибо представить себе, что буржуазия всех стран покорно отойдет на задворки, превратится в вассала Америки без попытки сопротивления, — нет, это мало вероятно. Слишком велики противоречия, слишком чудовищны аппетиты, слишком велико стремление к сохранению старого господства, слишком велики навыки мирового владычества у Англии. Военные конфликты будут. Намечающаяся эра «пацифистского» американизма подготовляет новые войны небывалого размаха и невообразимой чудовищности».

Вот какая речь у нас шла два года тому назад относительно «мирных» отношений... Тут же позволю себе напомнить, что, когда мы вели агитацию за развитие нашей химической промыш-

ленности, мы прежде всего назвали Веджвудский арсенал, как один из источников американского милитаризма, наиболее угрожающего народам Европы.

Наконец, насчет прекращения европейских противоречий под влиянием Америки, — вот что мы говорили с этой трибуны: «Совершенно неоспоримо, что те противоречия, которые подготовили империалистскую войну и опрокинули ее на голову Европе 10 лет тому назад, противоречия, которые были обострены войной, дипломатически закреплены Версальским миром, углублены дальнейшим ходом классовой войны в Европе, — что все эти противоречия остаются и сейчас, как зияющие раны. И Соединенные Штаты столкнутся с этими противоречиями во всей их остроте».

Прошло два года. Может быть тов. Ловстон и хороший критик — по-русски о таких критиках говорится: пальцем в небо! — но время еще лучший критик.

Чтобы не возвращаться больше к этому вопросу, закончим здесь советом, преподанным некогда Энгельсом некоему Штибелингу, тоже американцу: «Желая заниматься научными вопросами, необходимо прежде всего научиться читать сочинения, которыми хочешь воспользоваться так, как их написал автор, и прежде всего не вычитывать из них того, чего в них нет». Слова старика Энгельса очень хороши и годятся не только для Америки, но для всех пяти частей света.

АМЕРИКАНСКИЙ ПАЦИФИЗМ НА ПРАКТИКЕ

Время — самый лучший критик во всех вопросах. Поглядим же, как выглядели на деле методы американского мирного проникновения в течение этих последних лет. Простой перечень важнейших фактов покажет нам, что американский «пацифизм» торжествовал по всей линии, но именно как метод бесшумного (пока) империалистического хищничества и полузамаскированной подготовки к величайшим столкновениям.

Наиболее ярким выражением и обнаружением сущности американского «пацифизма» является Вашингтонская конференция 1922 г. В 1919—20 гг. многие, и я в их числе, спрашивали себя: что будет в 1922 — 23 гг., ведь к этому времени военно-морская программа Соед. Штатов должна обеспечить им равен-

ство с Великобританией? Неужели Англия — островок, владычество которого держалось перевесом флота над двумя другими странами, вместе взятыми, — неужели Англия сдаст свое превосходство без боя? Многие, и я в том числе, считали не исключенной войну между Англией и Америкой, с участием Японии, в 1922 — 23 гг. А вместо этого что вышло? Вместо войны вышел... чистейший «пацифизм». Соед. Штаты пригласили Англию в Вашингтон и сказали: «извольте сесть на карточку: у меня будет 5 единиц, у вас 5 единиц, у Японии 3 единицы, у Франции 3 единицы». Вот флотская программа! И Англия приняла.

Что это такое? «Пацифизм». Но пацифизм, который навязывает свою волю чудовищным экономическим превосходством и «мирно» подготовляет свое военное превосходство на ближайший исторический период.

А система Дауэса? Когда Пуанкаре со своими игрушечными планами копошился в Центральной Европе, захватив Рурский бассейн, то американцы откуда-то там глядели в зрительные трубы и выжидали. А когда падающий франк и другие неудобства заставили Пуанкаре свернуться, пришел американец и принес план умиротворения Европы. Американец купил право руководить Германией за 800 миллионов марок, да и то половину дала Англия. И за эту дешевую цену за 200 миллионов рублей, нью-йоркская биржа посадила своего контролера на шею немецкому народу. «Пацифизм»? Не отвертишься. Удавная пацифистская петля!

А со стабилизацией валюты? Американцу неудобно, когда в Европе шатается валюта. Неудобно, потому что это дает Европе возможность дешево экспортировать. Устойчивая валюта нужна американцу и для правильного поступления процентов по долгам и вообще для финансового порядка. Как иначе инвестировать капиталы? И вот американец заставил немцев ввести эту твердую валюту, заставил и англичанина, давши ему на это взаймы 300 миллионов долларов. Ллойд-Джордж недавно сказал: «теперь фунт стерлингов смотрит доллару прямо в лицо». Этот Ллойд-Джордж — храбрейший старикашка. *(Смех.)* Фунт смотрит доллару прямо в лицо, потому что у него, у фунта, за спиной 300 миллионов долларов, чтобы выпрямить ему спину, этому гордому фунту стерлингов. *(Смех.)*

А с Францией? Французская буржуазия боится перехода к стабилизированной валюте. Это очень болезненная операция. Американец говорит: иначе взаймы не дам, живи так. Американец требует от Франции разоружения, чтоб платила долги. Чистейший пацифизм — разоружение, стабилизация валюты, чего лучше. Америка готовится «мирно» поставить Францию на колени.

Вопрос о золотом паритете и о долгах с англичанами уже урегулирован. Англия платит отныне Соединенным Штатам около 330, если не ошибаюсь, миллионов рублей в год. В свою очередь Англия урегулировала вопрос о долге с Италией, причем будет получать с нее незначительную долю по обязательствам. Франция должна и Англии и Америке больше всех, но не платит еще ничего. Однако платить придется, если события другого порядка — не финансового, а революционного — не погасят все старые обязательства. Германия платит Франции и Англии, которые требуют уплаты долгов и от нас. Что же в результате мы сейчас видим в Европе? Английский буржуа собирает или «собирается» собирать по крохам со всей Европы долги, чтобы передавать затем собранные суммы с приплатой через Атлантический океан дяде Саму. Что такое по должности своей ныне мистер Болдуин или король Георг? Это только старший податной инспектор Америки в европейской провинции *(смех)*, его назначение — выколачивать недоимки из народов Европы и переправлять их Соединенным Штатам. Организация, как видите, совершенно пацифистская, мирная: по карточкам американского долга организуются финансовые взаимоотношения народов Европы под надзором наиболее исправного налогоплательщика, Великобритании, которой за это присвоено звание старшего податного инспектора. Европейская политика Америки построена на этом целиком. Германия — плати Франции, Италия — плати Англии, Франция — плати Англии, Россия, Германия, Италия, Франция и Англия, платите мне, Америке. Это иерархия задолженности есть одна из основ американского пацифизма.

Мировая борьба Англии и Америки за нефть приводила уже к революционным потрясениям и военным конфликтам в Мексике, в Турции, в Персии. Но, может быть, завтра газета нам расскажет, что между Англией и Америкой устанавливается мирное сотрудничество в области нефти, — что это будет значить? —

это будет значить — нефтяная Вашингтонская конференция, другими словами: Англия, садись на более скромный нефтяной паек. Опять, значит, пацифизм 96-й пробы.

В области борьбы за рынки тоже происходит до поры до времени «пацифистская» регулировка. Германский писатель, бывший министр, — не знаю какого правительства, в Германии бывших министров много, — барон Рейбниц говорит следующее по вопросу о борьбе Англии и Америки за рынки: Англия сможет, мол, избегнуть войны, если откажется в пользу Соединенных Штатов от посягательств на Канаду, Южную Америку, Тихий океан, восточное побережье Азии и Австралии; «за Англией же останутся другие внеевропейские области». Что собственно останется при этом за Англией, мне не вполне ясно. *(Смех.)* Но альтернатива поставлена правильно: либо вступай в войну, либо «пацифистски» сползай на скудный паек.

А вот последняя глава, совсем свежая, это по части иностранного сырья, — в высшей степени интересная глава. Многого, мол, нам, Соединенным Штатам, не хватает, а у других есть. Американские газеты печатали по этому поводу сырьевую карту земного шара. Они теперь рассуждают и размышляют целыми континентами. Европейские пигмеи беспокоятся об Албании, о Болгарии, о каких-то коридорах и жалких клочках. Американцы мыслят континентами, это облегчает изучение географии, а главное дает надлежащий размах грабежу. *(Смех.)* Так вот, американские газеты дали карту земного шара и на ней десять черных пятен, десять великих пробелов в сырьевом хозяйстве Соединенных Штатов: каучук, кофе, селитра, олово, поташ, сейзель (текстильщики знают это растение: оно растет в Мексике, делают из него шпагат и веревки) и еще кое-какие виды сырья менее важные. Оказывается, что названные виды сырья монопольно (о, ужас!) принадлежат не Соединенным Штатам, а другим странам. Каучук, в размере 70% мирового сбора, добывается на тропических островах Англии, причем 70% мирового сбыта Америка употребляет для своих шин и других надобностей. Кофе идет из Бразилии. В Чили добывается селитра, которую финансируют англичане. И так далее, и так далее. Мистер Черчилль — храбрец, не хуже Ллойд Джорджа — решил вернуть уплачиваемые Америке суммы по долгам повышением цен на каучук. А Гувер, руководитель американской торговли, на костяшках подсчитал,

что Штаты за один 25-й год переплатили англичанам за каучук от 600 до 700 милл. долларов сверх «честной» цены, так у Гувера и сказано. *(Смех.)* А насчет честных и нечестных цен мистер Гувер разбирается превосходно, его должность таковская. Итак, чуть не полтора миллиарда рублей переплачено за один год. Американские газеты, узнав об этом расчете, подняли невероятный вопль. Прочту одну цитату: «Зачем все эти Локарно и Женевы, Лиги и протоколы, конференции по разоружению и экономические конференции, если могущественная группа наций умышленно изолирует Америку?» («The Evening Post».) Представьте себе эту бедную Америку, которую изолируют, которую со всех сторон эксплоатируют. *(Смех.)* Каучук, кофе, олово, сейзель для веревок, селитра, кали, поташ — все это захвачено и монополизировано, так что хорошему американскому миллиардеру ни на автомобиле проехаться, ни кофе вдоволь напиться, ни на хорошей веревке повеситься *(смех)*... ни даже простой оловянной пули в череп себе пустить *(смех)* никак нельзя, — со всех сторон эксплоатация! Поистине, хоть заживо ложись в стандартизованный гроб. Вот по этому самому поводу мистер Гувер написал статью, — да что за статья! — она вся состоит из вопросов, — 29 вопросов! — я подсчитал. И один другого звучит лучше. Как, дескать, вы думаете — все вопросы острием к Англии: хорошо ли наживать сверх честной цены? А если нехорошо, то не может ли это внести раздражение в отношения между нациями? А если может внести раздражение, то не обязано ли вмешаться в дело правительство? А если уважающее себя правительство вмешается, то не проистекут ли из этого тяжкие последствия? *(Смех.)* Одна английская газета, менее чем другие вежливая, но более откровенная, написала по этому поводу: один, мол, дурак может поставить столько вопросов, что сто умных не ответят. *(Смех.)* На этом патриотическая газета просто сердце отвела. Прежде всего, я никак не смею допустить, что дурак занимает столь ответственный пост... А если бы даже это и было так *(смех)*..., товарищи, это не признание, а только логическое допущение *(смех)*... если бы, говорю, это даже и было так, то ведь Гувер стоит на гигантском аппарате американского капитала, ему ум не нужен, за него думает вся буржуазная «машина». И во всяком случае после 29 вопросов Гувера, из которых каждый звучал как пистолетный выстрел над самым ухом мистера Болдуина, каучук сразу

стал дешевле. И этот факт лучше освещает мировое положение, чем десятки цифр. Таков, товарищи, американский пацифизм на практике.

ЕВРОПЕЙСКОМУ КАПИТАЛИЗМУ ВЫХОДА НЕТ

Вот этим Соединенным Штатам, которые уже не терпят на пути никаких препятствий, которые каждое вздорожание нехватающего им сырья рассматривают как злостное покушение на их неотъемлемое право эксплоатировать весь мир, этой новой бешено напирающей Америке противостоит расчлененная, раздробленная Европа, более бедная, чем до войны, с более тесными рамками рынка, опутанная долгами, раздираемая антагонизмами и придавленная разбухшим милитаризмом!

Насчет возможности возрождения Европы у буржуазных и социал-демократических экономистов и политиков не мало было иллюзий, связанных с восстановительным периодом. Европейская промышленность, в первую голову французская, затем германская, после войны в известные моменты довольно бурно поднималась. Немудрено: во-первых, возродился, хоть и не полностью, нормальный спрос,—ведь все запасы разошлись, ничего не осталось; во-вторых, у Франции были огромные разоренные области—это рынок дополнительный. Пока заполнялись наиболее неотложные потребности вот этих рынков, оголенных, опустошенных войной, промышленность работала бодрым темпом, возбуждала большие надежды и порождала большие иллюзии. Сейчас, по существу дела, этим иллюзиям баланс уже подведен, даже более вдумчивыми буржуазными экономистами. У европейского капитализма выхода нет.

Беспримерное экономическое превосходство Соединенных Штатов, даже независимо от сознательной политики американской буржуазии, уже не позволит европейскому капитализму подняться. Американский капитализм, все больше загоняя Европу в тупик, будет автоматически гнать ее на путь революции. В этом важнейший ключ к мировому положению.

Ярче и бесспорнее всего это обнаруживается на положении Англии. В своем заокеанском экспорте Англия урезана Америкой, Канадой, Японией, индустриальным развитием собственных колоний. Достаточно сказать, что на текстильном рынке Индии, т.-е. британской колонии, Япония вытесняет Англию. А на евро-

пейском рынке каждое расширение сбыта Англии сужает Германию, Францию и наоборот. Чаще наоборот: экспорт Германии и Франции бьет по экспорту Великобритании. Европейский рынок не расширяется. В тесных пределах его происходят сдвиги в ту и другую сторону. Надеяться на то, что условия радикально изменятся к выгоде Европы, значило бы надеяться на чудеса. Как в условиях внутреннего рынка победа обеспечена более крупному и передовому предприятию над мелким и отсталым, так в условиях мирового рынка неизбежна победа Соединенных Штатов над Европой, значит в первую голову—над Англией.

В 1925 году Англия ввезла 111% от довоенного ввоза, а вывезла 76% от довоенного вывоза. Это означает небывалую пассивность торгового баланса. Сжатие вывоза означает промышленный кризис, который бьет не по второстепенным, а по основным отраслям промышленности: по углю, по стали, по судостроению, по шерсти и пр. Временные, даже значительные улучшения возможны, даже неизбежны, но основная линия упадка предопределена.

Законнейшим презрением исполняешься к «государственным людям» Великобритании, у которых сохранились старые повадки, столь неуместные в новых условиях, но нет элементарного понимания новой мировой обстановки и заложенных в ней неотвратимых последствий. За последнее время правящие английские политики Болдуин и Черчилль снова подарили нас своими откровениями. Черчилль говорил в конце прошлого года, что у него имеется 12 причин (так и сказал!) для оптимистического настроения. Во-первых, стабилизованная денежная система. Английский экономист Кейнс показал Черчиллю, что это означает снижение цен на экспортируемые товары по крайней мере на 10%, а значит и соответственное увеличение пассивности баланса. Вторая причина быть оптимистом, это хорошие цены на каучук. Увы, 29 вопросов мистера Гувера значительно снизили каучуковый оптимизм Черчилля. В-третьих, уменьшение числа стачек. Подождем на этот счет конца апреля, когда будет пересматриваться коллективный договор углекопов. Четвертая причина оптимизма — Локарно. Час от часу не легче. Англо-французская борьба после Локарно не ослабела, а усилилась. Подождем и на счет Локарно: цыплят по осени считают. Остальных резонов оптимизма перечислять не будем: их цена на ньюйоркской бирже

еще ниже. Любопытно, что «Таймс» написал на ту же тему передовицу под заглавием: «Два луча надежды». «Таймс» скромнее Черчилля, у него не дюжина, а только два луча надежды, да и это скорее икс-лучи, т.-е. лучи, стоящие под знаком неизвестности.

Профессиональному легкомыслию Черчилля можно с успехом противопоставить более серьезные голоса американцев, оценивающих британское хозяйство под своим углом зрения, а также и голоса самих британских промышленников. Клайн, директор департамента торговли Соединенных Штатов, вернувшись из поездки по Европе, делал промышленникам доклад, в котором, несмотря на чисто условный успокоительный тон, правда выпирает наружу: «Единственным (!) темным пятном в более общем смысле, — говорил Клайн, — если мы исключим (?), конечно (?), финансовое положение Франции и Италии и сравнительно (!) медленное восстановление Германии, — единственным (!) темным пятном с экономической точки зрения в Европе являет собой Соединенное Королевство. Мне кажется, что Англия как будто (!) находится в сомнительном (именно!) коммерческом состоянии. Я не хочу быть слишком пессимистичным, потому что (!) Англия является нашим лучшим покупателем, но там развивается ряд факторов, которые, как я думаю, дают пищу для серьезных размышлений... (именно!) Там существуют ужасные налоги, которые, по мнению некоторых, должно приписать нашей жадности к деньгам, выражаясь вежливо. Это, однако, не вполне (!) справедливо... (не вполне, но все же?..) Оборудование угольной промышленности таково, каким оно было несколько десятилетий тому назад, так что стоимость рабочей силы на тонну угля обходится в три-четыре раза больше чем в Соединенных Штатах». И т. д. в том же духе.

А вот другой отзыв. Дж. Харвей, бывший американский посол в Европе, к которому англичане относятся как к «другу и благожелателю» Великобритании, что в известном смысле верно, так как он высказывается обычно в сентиментальном духе о необходимости помочь Англии, этот самый Дж. Харвей в недавней статье «Конец Англии» (одно заглавие чего стоит!) приходит к выводу, что «английское производство отжило свой век. Отныне единственное призвание Англии — стать посредником», т.-е. торговым приказчиком и банковским клерком Соединенных Штатов. Таков вывод друга и благожелателя.

А вот Джордж Хунтер, крупнейший английский судостроитель, который подал правительству записку, вызвавшую сенсацию во всей английской печати. Вот что он говорит: «Осознало ли правительство (а правительство — это ведь Черчилль с его 12-ю причинами оптимизма), осознало ли правительство полностью и до самой глубины отчаянное положение английской промышленности. Знает ли оно, что положение не улучшается, но постепенно ухудшается? Число наших безработных и работающих неполное время составляет не меньше $12^1/_2\%$ занятых рабочих. Наш торговый баланс неблагоприятен. Наши железные дороги и большая часть наших промышленных предприятий выдают дивиденды из резервов или совсем не выдают. Эти условия, если они будут продолжаться, означают банкротство и гибель. Никакого улучшения не видно».

Угольная промышленность — краеугольный камень британского капитализма. Сейчас она держится государственной субсидией. Тот же Хунтер говорит об этом: «Мы можем субсидировать угольную промышленность до одурения, а наша промышленность в целом будет итти вниз». Если же не субсидировать, то английские промышленники не смогут выдавать ту зарплату, которую выдают теперь, а это означало бы с 1 мая текущего года грандиозный экономический конфликт: не трудно себе представить, что означала бы стачка, охватившая не менее миллиона углекопов, которых, по всем данным, поддержат около миллиона железнодорожных и транспортных рабочих. Англия вступила бы в период величайших экономических потрясений. Либо продолжение разорительной и безнадежной субсидии, либо глубокий социальный конфликт.

У мистера Черчилля 12 причин для оптимизма, а социальная статистика Англии свидетельствует, что число занятых рабочих падает, число углекопов уменьшается, но растет число ресторанной прислуги, кафе-шантанного персонала, элементов люмпен-пролетарского типа, за счет производителей умножается число лакеев, причем в эту статистику не включены лакеи политические и министры, с салфеткой под мышкой добивающиеся помощи американцев. *(Смех.)*

Сопоставьте еще раз Америку и Англию. В Америке растет сверх-аристократия рабочего класса, строящая компанейские юнионы, а в Англии, утратившей первородство, растут на низах

люмпен-пролетарские слои. В этом сопоставлении и противопоставлении ярче всего выражается перемещение мировой хозяйственной оси. И оно будет итти дальше, пока не переместится классовая ось общества, т.-е. до пролетарского переворота.

Мистер Болдуин с этим, конечно, не согласен. Хотя мистер Болдуин и тяжеловеснее Черчилля, но понимает не больше его. На собрании промышленников Болдуин указывал, как выйти из положения: у консервативного премьера имеются всегда хорошие домашние рецепты от всех болезней. Он говорил: «Иногда мне кажется, что некоторые из нас проспали больше 6 — 7 лет» — гораздо больше: сам мистер Болдуин проспал лет 50, не менее! (смех, аплодисменты), — в то время, как другие бодрствовали. «Мы сделаем хорошо, — продолжал премьер, — если будем брать пример с прогресса, который сделан за это время Соед. Штатами». Попробуйте-ка, возьмите-ка пример с «прогресса» Соед. Штатов. Там 320 миллиардов национального достояния, 60 миллиардов в банках, ежегодного накопления 7 миллиардов, а у вас дефицит. Возьмите-ка пример! Попробуйте! «Обе стороны — продолжал Болдуин,— (капиталисты и рабочие) могут научиться гораздо большему у Соед. Штатов, вместо того чтобы тратить хотя бы гроши для изучения условий Москвы». Мистеру Болдуину не следовало бы плевать в московский колодезь. Мы можем кое-чему научить его. Мы умеем разбираться в фактах, анализировать мировое хозяйство, умеем кое-что предвидеть, в частности упадок капиталистической Англии. А мистер Болдуин этого не умеет. *(Смех, аплодисменты.)*

Черчилль, министр финансов, тоже упоминал Москву. Без этого хорошей речи ныне не скажешь. Черчилль читал, видите ли, утром ужасную речь мистера Томского. Мистер Томский — член палаты лордов, мистер Томский, как справедливо рассказывает Черчилль, человек, который занимает очень ответственный пост в Советской Республике. Мистер Томский проводил свою юность не в Оксфорде, не в Кембридже с мистером Черчиллем, а в Бутырках, здесь в Москве. Тем не менее мистеру Черчиллю приходится говорить о мистере Томском. И нужно сказать: не очень дружелюбно говорит мистер Черчилль по поводу речи мистера Томского на конференции трэд-юнионов в Скарборо. Томский там действительно речь произнес, и весьма неплохую, судя по впечатлению, какое она произвела на мистера

Черчилля. Последний приводил выдержки из этой речи и характеризовал ее как сплошную варварскую бессмыслицу. «Я держусь того мнения — сказал он, — что мы в этой стране в достаточной степени способны вести свои собственные дела, безо всякой помощи извне». Он очень горд, мистер Черчилль, но неправ: его патрон, Болдуин, говорит, что надо учиться у Соед. Штатов Америки. «Мы не хотим, продолжал Черчилль, иметь на своем столе свежеснесенное крокодилово яйцо к завтраку». Это Томский, видите ли, снес в Англии крокодилово яйцо. Мистер Черчилль этого не любит: он предпочитает политику страуса, который прячет голову, а вы знаете, что страус и крокодил водятся в одних и тех же тропических владениях Англии. Дальше, мистер Черчилль совсем расхрабрился. «Я не боюсь большевистской революции в этой стране. Я не критикую личностей». И пр. и пр. Однако, он произносит бешеную речь против Томского, — значит боится. Он не критикует личность Томского, ни боже мой, он только называет его крокодилом. *(Смех.)* «Британия — не Россия!»... Это что и говорить!.. Черчилль продолжает: «Какое добро от того, что их (английских рабочих) заставляют глотать скучное учение Карла Маркса и петь, фальшивя, Интернационал?» Что английские рабочие поют Интернационал, иногда фальшиво, по нотам Макдональда, это правда, но именно в Москве они научатся петь Интернационал без фальши. *(Аплодисменты.)* Мы думаем, что хозяйственная обстановка Великобритании, несмотря на все 12 причин для оптимизма, приближает тот час, когда английский рабочий класс споет Интернационал полным голосом, — готовьте ваши барабанные перепонки, мистер Черчилль. *(Бурные аплодисменты.)*

Что касается Германии и Франции, то здесь я ограничусь самыми короткими замечаниями.

Третьего дня я получил от нашего инженера, который по делам заказов посетил германские заводы, письмо, в котором он характеризует обстановку такими словами: «У меня, как у заводского инженера, впечатление осталось очень тяжелое. Промышленность здесь умирает от недостатка рынка, и никакие американские займы этого рынка не устроят». Число безработных в Германии перевалило за 2 миллиона. А рационализация производства привела к тому, что квалифицированные рабочие

в общем числе безработных составляют около трех четвертей. Германия проделала кризис инфляции, кризис дефляции, — теперь должно бы начаться процветание, а вместо этого — жестокий крах,— свыше 2 миллионов безработных. А ведь наиболее тяжкие последствия режима Дауэса для Германии — целиком впереди.

Во Франции промышленность после войны сделала значительный шаг вперед. Это многих обманывало, порождая «восстановительные» иллюзии. На самом деле Франция жила не по средствам, промышленность ее поднялась, опираясь на временный рынок (разрушенные районы), и притом за счет всей страны (обесценение франка). А теперь приходит час расплаты. Американец говорит: «Разоружайся, сокращайся, ужимайся, переходи на устойчивую валюту». Устойчивая валюта означает сокращение производства и экспорта, означает безработицу, высылку иностранных пролетариев, понижение заработной платы французских рабочих. Период инфляции разорил мелкую буржуазию, период дефляции поставит на ноги пролетариат. Французское правительство не осмеливается и подступить к разрешению финансового вопроса. Министры финансов сменяются каждые два месяца и продолжают фабриковать фальшивые ассигнации. Это у них единственный метод регулировать хозяйство. Адмирал Хорти в Венгрии, сообразив, что это не есть хитрое искусство, стал подделывать французские ассигнации у себя, но не для поддержания республики, а для восстановления монархии. Республиканская Франция не согласилась терпеть монархической конкуренции (смех) и произвела в Венгрии аресты, но кроме этого для восстановления французской валюты сделано немного. Франция идет навстречу экономическому и политическому кризису.

В этих условиях, т.-е. в обстановке распадающейся Европы, Лига Наций хочет собрать в этом году два совещания: одно по разоружению, другое по хозяйственному возрождению Европы. Не будем, однако, торопиться брать билеты: подготовка у них идет крайне медленно, наталкиваясь на каждом шагу на противоречия интересов.

В связи с подготовкой конференции по разоружению исключительное значение получает появившаяся на днях в английском журнале официознейшая статья, красноречиво подписанная Авгуром. Как все данные свидетельствуют, этот Авгур тесно связан с министерством иностранных дел и вообще прекрасно знает,

где раки зимуют. Под флагом подготовки конференции по разоружению британский Авгур угрожает нам «мерами, которые будут не мирными мерами». Это означает прямую угрозу войной. Кто грозит? Англия, которая теряет внешние рынки, Англия, где царит безработица, Англия, в которой растет люмпен-пролетариат, Англия, у которой один оптимист остался, да и тот Уинстон Черчилль; эта Англия угрожает нам в нынешней обстановке войной. Почему? по какому поводу? Не потому ли, что хочет па ком-нибудь отвести душу за обиды, нанесенные ей Америкой? Мы-то войны не хотим. Но, если господствующие классы Англии хотят ускорить муки родового процесса, если история хочет лишить их рассудка, прежде чем лишить власти,— то именно теперь она и должна толкнуть их на покатую плоскость войны. Страданий будет несчетное количество. Но в случае, если преступные безумцы обрушат новую войну па Европу, победителями выйдут не Болдуин, не Черчилль, и не их американские хозяева, а революционный рабочий класс Европы. *(Аплодисменты.)*

ИЗЖИЛ ЛИ СЕБЯ КАПИТАЛИЗМ?

В заключение поставлю вопрос, который вытекает, как мне кажется, из существа сделанного мною доклада. Вопрос таков: изжил ли себя капитализм, или нет? Или иначе: способен ли еще капитализм в мировом масштабе развивать производительные силы и вести человечество вперед? Это вопрос основной. Он имеет решающее значение для пролетариата Европы, для угнетенных народов Востока, для всего мира и прежде всего для судьбы Советского Союза. Если бы оказалось, что капитализм еще способен выполнять прогрессивную историческую миссию, что он способен делать народы богаче, их труд производительнее, это означало бы, что мы, коммунистическая партия Советского Союза, слишком рано пропели ему отходную, или другими словами, слишком рано взяли в руки власть, чтобы строить социализм. Ибо, как объяснял нам Маркс, ни один общественный строй не сходит со сцены, не исчерпав всех заложенных в нем возможностей. Перед лицом новой хозяйственной обстановки, которая разворачивается перед нами, теперь, когда Америка поднялась над всем капиталистическим человечеством, передвинув радикально соотношение хозяйственных сил, мы должны

заново себя спросить: изжил ли себя капитализм, или же имеет еще перед собою перспективу прогрессивной работы?

Для Европы вопрос, как я старался показать, решается твердо, и решается отрицательно. Европа после войны попала в положение более тяжелое, чем до войны. А война ведь была не случайным явлением. Война была слепым восстанием производительных сил против капиталистических форм и в том числе против национального государства; не могли больше вмещаться производственные силы, созданные капитализмом, в рамках общественных форм капитализма и в том числе в рамках национальных государств. Отсюда война. К чему привела война Европу? К положению десятикратно ухудшенному: те же капиталистические общественные формы, но более реакционные; те же таможни, но более жесткие; те же границы, но более тесные; те же войска, но более многочисленные, увеличенная задолженность, суженный рынок. Вот общее положение Европы. Если Англия сегодня слегка поднимается, значит за счет Германии; завтра Германия поднимется за счет Англии. Если заглянете в их торговые балансы и найдете плюс у одной страны, то ищите соответствующий минус у другой. В этот тупик загнало Европу мировое развитие, прежде всего, развитие Соединенных Штатов. Это ныне основная сила капиталистического мира, и характер этой силы автоматически предопределяет безвыходность Европы в рамках капиталистического режима. Европейский капитализм стал реакционным в абсолютном смысле слова, т.-е. он не только не ведет нации вперед, но даже не способен отстоять для них тот жизненный уровень, которого они достигли в прошлом. Это и есть экономическая база нынешней революционной эпохи. Политические приливы и отливы развиваются на этой базе, не изменяя ее.

Но как с Америкой? В отношении Америки картина рисуется как-будто совершенно иначе. А в Азии? Ведь Азию со счетов никак не скинешь. Азия и Африка это 55% поверхности, это 60% населения земли. О них, конечно, должен быть особый и большой разговор, который в рамки моего сегодняшнего доклада не входит. Но из всего сказанного ясно, что борьба Америки с Европой есть прежде всего борьба за Азию. Как же обстоит дело: капитализм в Америке способен ли еще выполнять прогрессивную миссию? а капитализм в Азии, в Африке?

В Азии капиталистическое развитие сделало только первые крупные шаги, а в Африке только с периферии новые отношения стали разъедать толщу материка. Каковы же тут перспективы? Вывод как будто напрашивается такой: капитализм изжил себя в Европе, в Америке он еще ведет вперед производительные силы, а в Азии и Африке перед ним работы непочатый край, на многие десятилетия, если не на столетия. Так ли? Если бы дело стояло так, товарищи, то это значило бы, что в масштабе мирового хозяйства капитализм своей миссии еще не исчерпал. А мы живем ведь в условиях мирового хозяйства. Но это-то именно и решает судьбу капитализма — для всех материков. Он не может развиваться изолированно в Азии, независимо от того, что происходит в Европе или в Америке. Время провинциальных хозяйственных процессов прошло безвозвратно. Конечно, американский капитализм неизмеримо крепче и устойчивее европейского, несравненно увереннее может взирать на свой завтрашний день. Но американский капитализм уже не довлеет себе. На внутреннем равновесии он держаться не может. Ему нужно мировое равновесие. Европа все больше зависит от Америки, но это значит и то, что Америка все больше зависит от Европы. Америка имеет 7 миллиардов накопления в год. Куда их денешь? Если положить просто в подвал, они, как мертвый капитал, будут снижать прибыль страны. Всякий капитал требует процентов. Куда эти средства пустить? Внутри? Но страна не нуждается, не принимает, внутренний рынок насыщен. Надо искать выхода наружу. Начинаются займы другим странам, вклады в иностранную промышленность. А проценты куда? Ведь проценты возвращаются в Америку. Либо их опять надо вкладывать заграницей, если это золото; либо надо, вместо золота, ввозить европейские товары. Но ведь товары будут подрывать американскую промышленность, которая и без того нуждается в выходе наружу. Таково противоречие. Либо ввозить золото, которого и так избыток; либо ввозить товары во вред своей промышленности. Золотая «инфляция» (назовем ее так!) для хозяйства в своем роде так же опасна, как и бумажная инфляция. Умереть можно не только от худосочия, но и от полнокровия. Если золота слишком много, новых доходов оно не дает, то оно снижает процент по отношению к капиталу и тем самым делает нецелесообразным, даже бессмысленным дальнейшее расширение

производства. Производить и вывозить, а золото прятать в подвал — то же самое, что топить товар в море. Значит чем дальше, тем больше Америка вынуждается к экспансии, т.-е. ко вложению своих избыточных средств в латинскую Америку, в Европу, в Азию, в Австралию, в Африку. Но тем более хозяйство Европы и других частей света становится составной частью хозяйства Соединенных Штатов.

В военном деле говорят, что кто заходит в тыл и отрезает, тот сам бывает отрезан. И в хозяйстве происходит нечто подобное: именно потому, что Соединенные Штаты ставят чем дальше, тем больше в зависимость от себя весь мир, они сами, чем дальше, тем больше, попадают в зависимость от всего мира со всеми его противоречиями и грозящими потрясениями. Революция в Европе означает потрясение американской биржи уже сегодня и будет означать сугубое потрясение завтра, когда вклады американского капитала в европейское хозяйство возрастут.

А национально-революционное движение в Азии? Здесь та же обоюдоострая зависимость. Развитие капитализма в Азии означает неизбежно рост национально-революционного движения, которое все более враждебно сталкивается с иностранным капиталом, носителем империализма. Мы видим, как в Китае развитие капитализма, происходящее при содействии и под давлением империалистских колонизаторов, приводит к революционной борьбе и к потрясениям.

Я говорил о могуществе Соединенных Штатов перед лицом ослабленной Европы и экономически отсталых колониальных народов. Но в этом могуществе Соединенных Штатов их ахиллесова пята, в этом могуществе их растущая зависимость от экономически и политически неустойчивых стран и континентов. Соединенные Штаты вынуждены базировать свое могущество на неустойчивой Европе, т.-е. на завтрашних революциях Европы и на национально-революционном движении Азии и Африки. Нельзя рассматривать Европу, как самостоятельное целое. Но и Америка уже не самодовлеющее целое. Для поддержания внутреннего равновесия Соединенные Штаты нуждаются во все большем выходе наружу; а выход наружу все больше вводит в их хозяйственный строй элементы европейской и азиатской неурядицы. Победоносная революция в Европе и Азии неизбежно откроет при таких условиях революционную эпоху для Соединенных Штатов.

И можно не сомневаться, что, раз начавшись, революция развернется в Соединенных Штатах с «американской» быстротой. Вот что вытекает из связной оценки мирового положения в целом.

Из сказанного вытекает в то же время, что Америка стоит во второй очереди революционного развития. Первая очередь за Европой и Востоком. Переход Европы к социализму надо мыслить себе именно в этой перспективе: против капиталистической Америки и при ее могущественном противодействии. Конечно, было бы выгоднее начать обобществление средств производства с богатейшей страны, Соединенных Штатов, и затем распространить этот процесс на весь мир. Но наш собственный опыт показал нам, что нельзя по произволу устанавливать революционную очередь. Мы, экономически более слабая и отсталая страна, оказались первыми призванными к пролетарской революции. Сейчас очередь за странами Европы. Америка не даст капиталистической Европе подняться. В этом сейчас революционное значение американского капиталистического могущества. Каковы бы ни были политические колебания в самой Европе, ее экономическая безвыходность останется основным фактом. Этот факт годом раньше или позже направит пролетариат на революционный путь.

Сможет ли европейский рабочий класс удержать власть и построить социалистическое хозяйство без Америки и против Америки? С этим тесно связан вопрос о колониях. Капиталистическое хозяйство Европы и особенно Англии тесно связано с колониальными владениями, с поставкой оттуда как средств питания, так и необходимого промышленного сырья. Население Англии, предоставленное самому себе, т.-е. отрезанное от внешнего мира, обречено на хозяйственную и физическую смерть в самый короткий срок. Промышленность всей Европы в огромной степени зависит от связей с Америкой и с колониями. Между тем, европейский пролетариат, вырвав у буржуазии власть, первым делом поможет колониальным угнетенным народам разбить колониальные цепи. Сможет ли, при таких условиях, европейский пролетариат удержаться и построить социалистическое хозяйство?

Мы, народы царской России, продержались в годы блокады и гражданской войны. В нищете, голоде и эпидемиях, — но продержались. Наша отсталость оказалась тут временно и нашим

преимуществом. Революция держалась, опираясь на свой гигантский крестьянский тыл. Голодая и извиваясь в эпидемиях — революция устояла. Иное дело — индустриализованная Европа, особенно Англия. Не может быть и речи о том, чтобы раздробленная Европа могла хозяйственно устоять, хотя бы и под диктатурой пролетариата, сохраняя свое раздробление. Пролетарская революция означает объединение Европы. Сейчас буржуазные экономисты, пацифисты, хитрые дельцы, фантазеры и просто болтуны не прочь поговорить о Соединенных Штатах Европы. Но эта задача не по плечу европейской буржуазии, разъеденной насквозь противоречиями. Объединить Европу может только победоносный пролетариат. Где бы революция ни началась и каким бы темпом она ни развернулась, хозяйственное объединение Европы есть первая необходимая предпосылка к ее социалистическому переустройству. Это уже провозгласил однажды Коминтерн в 1923 году: прогнать тех, кто раздробил Европу, взять власть в раздробленной Европе, чтобы объединить Европу, чтобы создать Соединенные Социалистические Штаты Европы. *(Аплодисменты.)*

Путь к сырью, к продовольствию, путь к деревне революционная Европа найдет. Мы сами настолько окрепли, что кое в чем революционной Европе в самые трудные дни и месяцы поможем. А сверх того мы явимся для Европы хорошим мостом в Азию. Пролетарская Англия рука об руку с народами Индии обеспечит независимость этой страны. Но это не значит, что Англия потеряет возможность тесного экономического сотрудничества с Индией. Свободная Индия будет нуждаться в европейской технике и культуре; Европа будет нуждаться в продуктах Индии. Соединенные Советские Штаты Европы вместе с нашим Союзом представят могущественный магнит для народов Азии, которые будут тяготеть к установлению теснейших экономических и политических связей с пролетарской Европой. Если пролетарская Британия потеряет Индию, как колонию, то она ее найдет, как собрата в европейско-азиатской федерации народов. Могущественный блок народов Европы и Азии будет несокрушим и, прежде всего, неуязвим для могущества Соединенных Штатов. Мы ни на минуту не преуменьшаем это могущество. В наших революционных перспективах мы исходим, прежде всего, из ясного познания фактов, как они есть. Более того, мы считаем, что могущество Соединенных Штатов—такова диалектика!—является

сейчас величайшим рычагом европейской революции. Мы не закрываем глаз на то, что рычаг этот в политическом и военном смысле бешено повернется против европейской революции, когда она разразится. Мы знаем, что американский капитал, когда дело пойдет об его шкуре, разовьет неистовую энергию борьбы. Весьма возможно, что все то, что мы знаем из книг и собственного опыта насчет борьбы привилегированных классов за свое господство, померкнет перед картиною тех насилий, какие попытается обрушить на революционную Европу американский капитал. Но объединенная Европа, в революционном сотрудничестве с народами Азии, будет неизмеримо могущественнее, чем Соединенные Штаты. Через Советский Союз трудящиеся Европы и Азии свяжутся несокрушимым узлом. Революционный европейский пролетариат в союзе с восставшим кабальным Востоком вырвет контрольный пакет мирового хозяйства из рук американского капитала и заложит основы федерации социалистических народов всего земного шара. *(Бурные аплодисменты.)*

ПРИЛОЖЕНИЯ

О СВОЕВРЕМЕННОСТИ ЛОЗУНГА «СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЕВРОПЫ»

(В порядке международной дискуссии)

Я думаю, что наряду с лозунгом: «правительство рабочих и крестьян», своевременно выдвинуть лозунг: «Соединенные Штаты Европы». Только в соединении этих двух лозунгов мы получим известный перспективный этапный ответ на наиболее жгучие вопросы европейского развития.

Последняя империалистская война была в основе своей европейской войной. Эпизодическое участие в ней Америки и Японии не нарушило этого ее характера. Добившись того, что ей нужно было, Америка выдернула руку из европейского костра и вернулась к себе домой.

Движущей силой войны явились капиталистические производительные силы, переросшие рамки европейских национальных государств. Германия ставила себе задачей «организовать» Европу, т.-е. экономически объединить под своим руководством европейский континент, чтобы затем, по-настоящему, начать борьбу с Англией за мародержавие. Франция ставила себе задачей раздробить Германию. Малочисленность населения Франции, ее преобладающий аграрный характер, консерватизм экономических форм делает для французской буржуазии недостижимой даже постановку проблемы — организовать Европу, — разрешение которой оказалось не по зубам германскому капитализму, вооруженному военной машиной Гогенцоллернов. Свое господство победоносная Франция поддерживает ныне, балканизируя Европу. Великобритания проводирует и протежирует французскую политику расчленения и истощения Европы, прикрывая свою работу традиционным ханжеством. В результате наш несчастный континент изрезан, раздроблен, истощен, дезорганизован, балканизирован — превращен в сумасшедший дом. Рурская экспедиция есть проявление буйного помешательства, сопряженного с дальновидным расчетом (окончательное разорение Германии) — сочетание, не раз наблюдавшееся психиатрией.

Как в основе войны лежала потребность производительных сил в широкой, очищенной от таможенных перегородок, арене развития, так и в гибельной для Европы и для человечества оккупации Рура находит свое искаженное выражение потребность в сочетании рурского угля

и лотарингского железа. Европа не может развивать свое хозяйство в тех государственно-таможенных границах, какие навязаны Версалем. Она должна снять эти границы, иначе ей грозит полный экономический упадок. Но те методы, какие правящая буржуазия применяет для преодоления ею же созданных границ, только увеличивает хаос и ускоряет распад.

Неспособность буржуазии подойти к разрешению основных вопросов хозяйственного восстановления Европы обнаруживается все ярче перед трудящимися массами. Лозунг «правительство рабочих и крестьян» идет навстречу этому возрастающему стремлению трудящихся найти выход собственными силами. Необходимо ныне конкретнее этот выход указать: это — теснейшая экономическая кооперация народов Европы, как единственное средство спасения нашего континента от хозяйственного разложения и закабаления могущественным американским капиталом.

Америка отошла от Европы, спокойно выжидая, когда агония европейского хозяйства дойдет до уровня, при котором можно будет скупить Европу, — как Австрию, — за небольшие деньги. Но Франция отойти не может от Германии, ни Германия от Франции. А Германия с Францией уже составляют основное ядро Западной Европы. Здесь завязка и развязка европейской проблемы. Все остальное — только дополнение. Что балканские государства не способны жить и развиваться вне федерации, это мы признали еще задолго до империалистской войны. Совершенно то же относится к осколкам Австро-Венгерской империи и оставшимся вне Советского Союза западным частям царской России. Аппенины, Пиринеи, Скандинавия являются вдвинутыми в океан органами европейского тела. Самостоятельно существовать они не могут. Европейский континент при данном уровне производительных сил есть хозяйственное единство, — не замкнутое, разумеется, но внутренне глубоко связанное, — обнаружившееся в страшной катастрофе империалистской войны и ныне снова вскрытое в бешеном припадке рурской оккупации. Европа не географический термин, а экономический, несравненно более конкретный, — особенно в нынешних, послевоенных условиях, — чем мировой рынок. Если для Балканского полуострова мы давно признали необходимость федерации, то ныне пора ясно и отчетливо поставить эту задачу по отношению к балканизированной Европе.

Остается вопрос о Советском Союзе, с одной стороны, о Великобритании, с другой. Само собой разумеется, что не Советский Союз будет противиться федеративному объединению Европы и с Европой. Тем самым обеспечивается прочный мост между Европой и Азией.

Вопрос о Великобритании решается более условно, — в зависимости от того, каким темпом пойдет ее революционное развитие. Если «правительство рабочих и крестьян» победит на континенте Европы до низвержения английского империализма, — что весьма вероятно, — то европейская федерация рабочих в крестьян будет тем самым направлена против британского капитала. Разумеется, с момента низвержения последнего британские острова входят желанным членом в европейскую федерацию.

Можно спросить: почему европейская федерация, а не мировая? Но такая постановка вопроса слишком абстрактна. Разумеется, мировое эко-

номическое и политическое развитие тяготеет к единому мировому хозяйству, с той степенью централизации, которая будет соответствовать уровню техники. Но речь идет не о будущем социалистическом хозяйстве мира, а о выходе нынешней Европы из тупика. Нужно указать рабочим и крестьянам раздираемой и разоряемой Европы пути выхода — независимо от того, каким темпом пойдет революция в Америке, в Австралии, в Азии, в Африке. С этой точки зрения лозунг «Соединенные Штаты Европы» стоит в том же историческом плане, что и лозунг «правительства рабочих и крестьян»: это переходный лозунг, указывающий выход, открывающий перспективу спасения и тем самым толкающий трудящиеся массы на революционный путь.

Было бы неправильно стричь все мировое революционное развитие под одну гребенку. Америка вышла из войны не ослабевшей, а окрепшей. Внутренняя устойчивость американской буржуазии еще очень велика. Свою зависимость от европейского рынка она сводит к минимуму. Революция в Америке, — если абстрагироваться от Европы, — уходит, таким образом, в даль десятилетий. Значит ли это, что революция в Европе должна равняться по Америке. Конечно, нет. Если отсталая Россия не стала (да и не могла) ждать революции в Европе, тем более Европа не станет и не сможет ждать революции в Америке. Рабоче-крестьянская Европа, блокированная капиталистической Америкой, — на первых порах, может быть, даже Великобританией, — сможет продержаться и развиваться на основах тесного военного и экономического союза.

Нельзя закрывать глаза на то, что именно опасность со стороны С.-Американских Соединенных Штатов, поддерживающих разрушение Европы и готовящихся вступить в права владения ее наследством, делает особенно настоятельным сплочение взаимно разоряющих друг друга европейских народов в «Соединенные Штаты европейских рабочих и крестьян». Это противопоставление, естественно, вытекает из различия в объективном положении европейских стран и могущественной заатлантической республики, и ни в какой степени, разумеется, не направлено против международной солидарности пролетариата или против интересов американской революции. Наоборот. Одной из причин замедленного развития революции во всем мире являются пошлые европейские надежды на американского дядюшку (вильсонизм, филантропическое подкармливание наиболее голодающих уголков Европы, американские «займы» и пр.. и пр.). Чем скорее народные массы вернут себе доверие к своим собственным силам, подкошенное войною, чем плотнее они сомкнутся под лозунгом Союза рабоче-крестьянских республик Европы, тем быстрее пойдет развитие революции — и здесь, и по ту сторону океана. Ибо, подобно тому, как победа пролетариата в России дала могущественный толчок развитию коммунистических партий в Европе, — победа европейской революции в такой же и даже в несравненно большей степени даст толчок революции в Америке и во всем мире. Если, абстрагируясь от Европы, мы вынуждены были выше американскую революцию рассматривать в тумане десятилетий, то, становясь на почву наиболее естественного чередования исторических событий, можем с уверенностью сказать, что победа рево-

люции в Европе в течение немногих лет расшатает могущество американской буржуазии.

Не только вопрос о Руре, т.-е. об европейском топливе и металле, но и вопрос о репарациях целиком укладывается в схему «Соединенных Штатов Европы». Вопрос репараций есть чисто европейский вопрос, и в ближайший период он может и будет разрешаться только европейскими средствами. Европа рабочих и крестьян будет иметь свой репарационный бюджет, как она будет иметь свой военный бюджет, — до тех пор, пока ей будут угрожать опасности извне. Этот бюджет будет построен на подоходно-прогрессивном обложении, налогах на капитал, конфискации богатств, награбленных во время войны, и проч. Распределение его будет регулироваться соответственными органами европейской рабоче-крестьянской федерации.

Мы не станем заниматься здесь предсказаниями насчет того, каким темпом пойдет объединение европейских республик, в какие хозяйственные и конституционные формы оно выльется, какой степени централизации достигнет европейское хозяйство в первый период рабоче-крестьянского режима. Все это можно спокойно предоставить будущему, — с учетом того опыта, который имеет уже Советский Союз, сложившийся на почве старой царской России. Но совершенно очевидно, что таможенные перегородки должны быть опрокинуты. Европейские народы должны взглянуть на Европу, как на арену объединенного и все более планомерного хозяйства.

Можно, пожалуй, возразить, что у нас речь идет, собственно, об европейской социалистической федерации, как составной части будущей мировой федерации, и что этот режим осуществим только при условии диктатуры пролетариата. Мы не будем, однако, останавливаться на этой аргументации, так как она подвергнута была достаточному международному разбору при обсуждении вопроса о «рабочем правительстве». «Соединенные Штаты Европы» представляют собою лозунг, во всех отношениях соответственный лозунгу «рабочего (или рабоче-крестьянского) правительства». Осуществимо ли «рабочее правительство» вне диктатуры пролетариата? На это могут быть лишь условные ответы. Во всяком случае, мы берем «рабочее правительство», как этап к диктатуре пролетариата. В этом для нас и состоит огромная ценность лозунга. Но совершенно однородное, вполне параллельное значение имеет и лозунг «Соединенных Штатов Европы». Без этого дополнительного лозунга основные европейские проблемы повисают в воздухе.

А не сыграет ли этот лозунг на-руку пацифистам? Не думаю, чтобы в природе существовали ныне такие «левые», которые сочли бы эту опасность достаточным основанием для отвержения лозунга: мы все же живем в 1923 году и кое-чему научились. Бояться пацифистского истолкования Соединенных Штатов Европы можно с таким же основанием или отсутствием основания, как и опасаться демократически-эсеровского истолкования лозунга рабоче-крестьянского правительства. Конечно, если выдвинуть Соединенные Штаты Европы, как самостоятельную программу, как панацею умиротворения и восстановления, отделив этот лозунг от рабочего

правительства, от единого фронта, от классовой борьбы, то немудрено скатиться к демократизированному вильсонизму, т.-е. к каутскианству и ниже (если вообще есть что-либо ниже каутскианства). Но мы все-таки, повторяю, живем в 1923 г., и кое-чему научились. Коммунистический Интернационал представляет ныне реальность, и не Каутский будет осуществлять и контролировать связанную с нашими лозунгами борьбу. Наша постановка дела прямо противоположна каутскианской. Пацифизм есть академическая программа, имеющая своей задачей освободить от необходимости революционного действия. Наоборот, наша постановка толкает на путь борьбы. Рабочим Германии, не коммунистам (последних убеждать не нужно), рабочим вообще и в первую голову рабочим социал-демократам, которые боятся экономических последствий борьбы за рабочее правительство; рабочим Франции, мысль которых еще скована вопросом о репарациях и о государственном долге; рабочим Германии, Франции и всей Европы, которые опасаются, что установление рабочего режима поведет к изоляции их стран и к экономическому упадку, мы говорим: даже временно изолированная Европа (а изолировать ее будет не так-то легко при наличии великого моста на Восток, в виде Советского Союза) не только удержится, но и поднимется и окрепнет, уничтожив внутренние таможенные перегородки и сомкнув свое хозяйство с необъятными естественными богатствами России. «Соединенные Штаты Европы» — чисто революционная перспектива, — ближайший этап общей нашей революционной перспективы, вырисовывающийся из глубокого различия в положении Европы и Америки. Кто игнорирует это коренное для текущего периода различие, тот поневоле будет реальную революционную перспективу топить в исторических абстракциях. Разумеется, рабоче-крестьянская федерация не замкнется на европейском этапе. Через наш Советский Союз она, как сказано, откроет себе выход в Азию и тем самым откроет Азии выход в Европу. Дело, таким образом, идет только об этапе, но это очень большой исторический этап, и через него-то нам и нужно в первую голову перевалить.

«Правда» № 144, 30 июня 1923 г.

ИЗ ДОКЛАДА «МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА»

(3 октября 1918 г.)

Англия вынуждена была заниматься военной импровизацией, т.-е. создавать армию из ничего. Вот почему весь первый период войны принадлежал Германии. Ее военная промышленность, более кастовая организация германского дворянства, большая дисциплинированность, интеллигентность германского народа,—все это в соединении создавало такую машину войны, перед которой пасовали объединенные силы Франции Италии, России и других более мелких союзников. Затем с большим,

запозданием выступили Соединенные Штаты Америки, без большой армии, но с могущественной техникой.

К этому моменту чудовищная машина германского империализма уже изнашивалась, и прежде всего изнашивались рабочие силы и фабрики истребления; с другой стороны, экономическая и военная мощь Америки росла и развивалась за счет разрушения Европы, и в решительный момент Соединенные Штаты обратили свою военную мощь против Германии. Почему это случилось? Первые три года войны Америка стояла в стороне, американский Шейлок поставлял Европе орудия и средства истребления, и только, когда германская неограниченная подводная война поставила под угрозу американскую торговлю со странами Согласия, американский Шейлок потребовал создания внутреннего рынка для пушек, снарядов, винтовок, которые скоплялись на побережьи Америки, так как вывоза в Европу не было. Вот где возник последний толчок, развитый американской дипломатией, бросившей Америку на путь новой авантюры, вот на основе чего Америка сыграла огромную роль в развитии Европейской войны. Правда, в Германии было тупоумное юнкерство, которое по недомыслию приветствовало вступление Соединенных Штатов в войну. Мы покончили одним ударом со всеми врагами—т.-е. с мировыми конкурентами, — говорили они,—но они просчитались. Чудовищная по своим силам американская машина была колоссальна и по своим запасам, и это поняли только те люди, которые отдавали себе отчет в характере совершающихся событий, сохранили ясный, трезвый, политический взгляд и оценивали события под углом зрения исторического материализма. Теперь, когда мы, марксисты, оглядываемся на пройденный путь и рассматриваем программы, которые развивали империалисты, их лакеи, демократы, и лакеи их лакеев, шейдемановцы, реноделевцы,—мы видим, что эти 4 года усеяны не только трупами рабочих, погибших в этой борьбе, но и трупами разных программ, планов и теорий.

«Как вооружалась революция». Том I, стр. 367.

ИЗ ДОКЛАДА «НА СТРАЖЕ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

(18 ноября 1918 г.)

Соединенные Штаты — могущественная капиталистическая страна, вмешавшаяся в войну после того, как европейские народы уже почти три года истощали друг друга. Критические месяцы — январь и февраль 1917 г.— я был в Америке и наблюдал период подготовки к вступлению Соединенных Штатов в войну. Может быть, вы помните, как тогда писала наша патриотическая печать и печать всех стран Согласия о том, что благородный президент Вильсон, выведенный из себя всеми бесчинствами и преступлениями германского милитаризма, в особенности, подводной войной, истреблением пассажирских пароходов и пр. и пр., бросил, наконец, и свой меч на весы мировой борьбы,—«для того, чтобы дать перевес

добродетели над пороком». В действительности дело выглядело гораздо прозаичнее, чем писала буржуазная печать.

Америка заняла с самого начала по отношению к обоим лагерям то положение, которое в предшествующих войнах занимала Англия по отношению к континенту,—она делала это посредством организации и поддержки разных дипломатических комбинаций и союзов. Я сказал уже, что Англия делила Европу на две враждебные части; она сидела на своем острове и говорила: «пусть они ослабляют друг друга, я буду поддерживать более слабых, чтобы для меня не выросло слишком сильных соперников». Когда Германия слишком усилилась, Англии пришлось перейти в лагерь открытых врагов Германии. Тогда Америка у себя на своем гигантском острове, по ту сторону «большой воды»,—так американцы называют океан,—стала в выжидательную позу и сказала: «Европа вместе с Англией разбита на два лагеря. Мы, американцы, сначала будем наблюдать, как они будут друг друга обескровливать и истощать. Занимаясь наблюдением, мы не будем, однако, оставаться пассивными, будем по возможности заботиться о «бизнессе», о гешефте, о барыше, будем продавать динамит, снаряды, винтовки той и другой стороне и за наш нейтралитет беспрерывно получать хорошие капиталистические проценты».

Вот в чем была первоначальная политика буржуазного класса Северной Америки. И с самого начала войны «честный» американский купец направлял таким образом политику «честного» президента Вильсона. Со своим честным динамитом он совался в оба воюющие лагеря и предлагал его воюющим сторонам по самым честным ростовщическим ценам. Но Англия объявила блокаду и сказала Америке:—«Нет, своего динамита в Германию ты не повезешь». Получилось сразу величайшее обострение отношений между Америкой и Англией. Вильсон выступил перед лицом своей биржи: «справедливость попрана, свобода морей поругана, честный американский динамит не имеет доступа в Германию». Разумеется, вся биржа, вся военная промышленность клокотали от нравственного негодования против Англии, которая установила блокаду. Шли тревожные заседания тузов военной промышленности с банковскими заправилами и дипломатами, и они обсуждали вопрос, объявлять или нет войну Англии. Нейтральный Вильсон возражал так: «Сейчас мы отрезаны блокадой от центральных империй. Если же мы с Англией порвем, то исчезнут также и англо-французский, русский и итальянский рынки для нашей военной промышленности, и мы с вами останемся на бобах». Интересы американской промышленности и торговли требовали, чтобы Вильсон стоял за нейтралитет, который позволял бы американскому купцу вывозить свои товары в колоссальных размерах в страны Согласия.

В самом деле, внешняя торговля Соединенных Штатов за время войны увеличилась в два с половиной раза. Эта была уже не старая торговля, когда вывозились хлеб, машины и вообще все продукты, нужные для человеческой жизни. Это была торговля почти исключительно военными запасами. Это была, главным образом, торговля орудиями истребления и смерти. Таким образом, вильсоновский нейтралитет позволял американской промышленности делать прекрасные дела.

Но вот в противовес Англии выступила Германия со своей неограниченной подводной войной. Это было в январе 1917 г. Положение получилось такое: вся Америка покрыта заводами военной промышленности, которые рассчитывают на европейский сбыт. Их отрезала английская блокада от центральных империй, а потом немецкая подводная блокада грозила отрезать их от Англии, Франции, России, Италии, и естественно, что тут уже переполнилась чаша терпения военной индустрии, а стало быть и вильсоновского «пацифизма» и его «нейтральности».

Я забыл вам сказать, что Вильсон являлся апостолом «пацифизма», т.-е. идеи мирного сожительства народов — до тех пор, пока эта идея была торговым флагом для «нейтрального американского динамита». Но с того момента, когда две блокады встали на его пути, великий апостол лицемерия Вильсон начал склоняться к тому, что сейчас время вмешаться. Американская буржуазия давала ему много времени для размышлений. Она указала ему: — «Вот вавилонская башня военной промышленности, вот Монблан снарядов и патронов, которые мы создали для Европы, — куда их нам девать?» Вильсон развел руками и заявил, что против подводной войны он не изобрел средств. Ему сказали: «Ты должен взять эти товары для американского государства. Если ты не можешь их все перевести в Европу, так заплати за них средствами американского рабочего и американского фермера».

Вот где источник чудовищно выросшего в короткий срок американского милитаризма, — американская промышленность готовила этот милитаризм на вывоз для Европы, потом он перерос через голову американского народа, и этот последний вынужден был сам поглощать его в Америке. Вмешательство Вильсона в войну было, следовательно, вызвано, с одной стороны, стремлением придушить Германию, а с ней вместе и всю Европу, а с другой стороны, — непосредственными барышническими интересами американской военной промышленности. Вот каковы нравственные принципы старого ханжи Вильсона.

* * *

В лице Соединенных Штатов Америки мы имеем централизованную милитаристическую империалистическую страну. Власть американского президента нисколько не меньше власти какого-нибудь короля или царя. Во всех основных вопросах жизни и смерти, в вопросах войны и мира американский президент, как исполнитель воли финансового капитала, сосредоточил в своих руках за время войны всю власть. Милитаризм там создан истинно-американского масштаба и размаха. Жизненное положение масс ухудшено до последней степени.

«Как вооружалась революция». Том I, стр. 386—388.

ИЗ ДОКЛАДА НА ЗАСЕДАНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ X СЪЕЗДА СОВЕТОВ С УЧАСТИЕМ БЕСПАРТИЙНЫХ ДЕЛЕГАТОВ

(28 декабря 1922 г.)

Но в отношении к Америке неправильно было бы сказать, как мы говорим по отношению к Европе, что капитализм для нее уже сегодня означает приостановку хозяйственного развития. Европа гниет, а Америка живет. В первые годы или, вернее, в первые месяцы, в первые 20 месяцев после войны могло казаться, что Америка будет сейчас же немедленно подкошена хозяйственным упадком Европы, ибо Америка не пользовала, а эксплоатировала европейский рынок вообще и военный рынок в особенности. Этот рынок для нее зачах, иссяк, и чудовищная вавилонская башня американской индустрии грозила подкоситься, лишившись одного из устоев, и повалиться окончательно. Но Америка, лишившись в прежней степени европейского рынка, тем вернее (помимо эксплоатации собственного внутреннего рынка, стомиллионног богатого населения) захватывает и захватила рынки некоторых европейских стран — Германии, в значительной мере Англии. И мы видим, как в 1921 и 1922 гг. американское хозяйство переживает подлинный торгово-промышленный подъем, в то время как Европа проходит только через отдаленные отражения этого подъема. Стало быть, в Америке производительные силы развиваются еще и при капитализме, медленнее, конечно, чем развивались бы при социализме, но все же развиваются. Как долго — это другой вопрос. Американский рабочий класс, конечно, по своей хозяйственной и социальной мощи вполне созрел для того, чтобы овладеть государственной властью, но, по своим политическим и организационным традициям он несравненно дальше от этого, чем европейский рабочий, и наша сила — сила Коммунистического Интернационала — в Америке еще очень слаба. И если спросить себя (разумеется, это только условная постановка вопроса), что произойдет раньше, победоносная пролетарская революция в Европе, или же создание сильной коммунистической партии в Америке, то я бы рискнул сказать на основании всех тех данных, которые имеются у нас сейчас (разумеется, возможны всякие новые факторы, в виде, скажем, войны Америки с Японией, а война есть, товарищи, большой локомотив истории), и если брать нынешнее состояние в его дальнейшем логическом развитии, то я сказал бы, что несравненно больше шансов, что пролетариат победит раньше в Европе, чем в Америке выдвинется и разовьется могущественная коммунистическая партия. Другими словами, — подобно тому, как победа революционного рабочего класса в октябре 1917 года была предпосылкой к созданию Коммунистического Интернационала и росту коммунистических партий в Европе, так, по всей вероятности, победа пролетариата важнейших стран Европы будет предпосылкой быстрого революционного развития Америки. Вот в чем разница этих двух областей: Европы с хозяйством, загнивающим и распадающимся, с пролетариатом, уже производственно не растущим (потому

что некуда расти), а дожидающимся, пока разовьется его коммунистическая партия, — и Америки, которая еще хозяйственно идет вперед, эксплоатируя распад Европы.

* * *

Товарищи, мы до последнего времени недостаточно дифференцировали Европу и Америку, и, под этим углом зрения, медленность развития коммунизма в Америке могла внушить кое-кому пессимистические идеи в том смысле, что в деле революции Европа должна дожидаться Америки.

Этого нет. Европа ждать не может. Другими словами, — если бы революция в Европе оттянулась на десятки лет, это значило бы, что Европа вообще вычеркивается, как культурная сила. Вы знаете, что в Европе есть теперь модная философия Шпенглера о закате Европы. Это есть в своем роде правильное классовое предчувствие буржуазии. Не замечая пролетариата, который бы заменил буржуазию и взял власть, они говорят о закате Европы. Разумеется, если бы это было так, то хоть и не закат, но длительное, хозяйственно-культурное гниение Европы было бы неизбежно, и тогда с запозданием пришла бы американская революция и взяла бы Европу на буксир. Но для такого прогноза, пессимистического с точки зрения срока, нет никаких серьезных оснований. Конечно, в отношении сроков гадание — вещь довольно ненадежная и не всегда серьезная, но, я говорю, нет никакого основания думать, что между 1917 г. — началом новой революционной европейской эпохи — и между ее крупнейшими победами в Западной Европе должно пройти больше лет, чем между нашим 1905 и 1917 гг. У нас прошло 12 лет между началом революции, между первым опытом и победой. Сколько лет пройдет между 1917 г. и первой крупной и прочной победой в Европе, мы, конечно, не знаем. Не исключено, что пройдет меньше 12 лет. Во всяком случае, величайшим преимуществом является факт существования сейчас Советской России и Коммунистического Интернационала, как централизованной организации революционного авангарда, и связанный с этим факт систематического организационного укрепления коммунистических партий в разных странах.

* * *

Если даже Америка и отстанет, мы свое все равно возьмем. Американская буржуазия грела руки у европейского костра во время империалистической войны. Но, товарищи, когда зажжется революционный пожар в Европе, американская буржуазия долго не устоит. А нигде не сказано, что европейский пролетариат должен дожидаться, пока американский пролетариат научится не поддаваться обманам своей трижды растленной буржуазии. Нигде этого не сказано. В настоящее время американская буржуазия поддерживает сознательно Европу в состоянии гниения. Американская буржуазия, обожравшись европейской кровью и золотом, хозяйничает во всем мире, посылает своих уполномоченных на конференции без обязательств, там они молчат и решают, а время от времени кладут свою американскую ногу на стол, и дипломаты европейских стран видят, что нога эта в превосходном американском башмаке, и этой ногой Аме-

рика диктует Европе свои законы. Европейская буржуазия — не только Германии, Франции, но и Англии, на задних лапках ходит перед буржуазией американской, которая во время войны извела Европу своей поддержкой, своими займами, своим золотом, а теперь поддерживает Европу в состоянии агонии. И американской буржуазии достанется от европейского пролетариата. И эта месть будет тем скорее, чем тверже будут наши советские успехи. Пропаганда наша, хороша она или плоха, — это факт 3-й или 4-й степени, а факт первостепенный — это наше хозяйство. Товарищи крестьяне, — насколько я знаю, здесь присутствуют и беспартийные товарищи крестьяне,—я могу сказать с полной уверенностью, что каждый лишний сноп урожая есть маленькая гирька на чашу весов европейской революции. Чего боится рабочий класс Англии, чего боится германский рабочий класс? Голодная Европа живет 3 года войны и послевоенные годы американским хлебом. Американская буржуазия, разумеется, открыто грозит, что, в случае новых революционных замешательств в Европе, она учинит голодную хлебную блокаду, подобно тому, как Англия и Франция учинили промышленную блокаду по отношению Советской России. И этот вопрос очень важен в расчетах европейского и, в первую голову, германского рабочего класса. И мы, Советская Россия, должны сказать—и делом подготовить это,—что европейскую пролетарскую революцию хлебом будет кормить Советская Россия.

Это, товарищи крестьяне, не слова, не фраза, ибо вся судьба Европы зависит от решения этого вопроса. Есть две возможности: европейский пролетариат, под страхом американского сапога, или европейский пролетариат, получающий поддержку русских рабочих и крестьян, поддержку хлебом в самые трудные дни и месяцы революции.

«Пять лет Коминтерна»,
Изд. II, стр. 537, 538, 539, 548, 549.

ИЗ РЕЧИ «НА ПУТЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

(11 апреля 1924 г.)

Развитие Европы может в ближайший период пойти по двум путям, в зависимости от того, даст ли Антанта дышать Германии, или нет. После того опыта, который был в прошлом году, когда красный призрак коммунизма чуть-чуть не стал в Германии плотью и кровью, буржуазия Франции, Англии и Соединенных Штатов может попытаться несколько облегчить положение Германии, дать ей некоторые кредиты и предоставить ей в платежах ту рассрочку, при которой хозяйственная жизнь Германии будет возможна. Это вызовет неизбежно известный подъем германской промышленности, а в связи с этим возрастет и германский экспорт. Германская промышленность работает сейчас примерно на 50% против своей мощности, и если чуть-чуть облегчить хозяйственное

и финансовое положение Германии, мы будем иметь быстрый рост германского экспорта. Емкость рынка Европы, однако, мала, и в результате роста германского вывоза мы будем через год, а то и ранее, наблюдать катастрофический кризис английской и французской промышленности. Малейшее облегчение участи Германии неизбежно увеличит кризис в Англии, в которой и сейчас около миллиона безработных. Совершенно ясно, что это должно будет дать могущественный толчок борьбе английского пролетариата. Макдональд, нынешний английский министр-президент, о котором нам придется еще сказать несколько теплых слов, понимает, конечно, что при нынешних условиях помощь германской промышленности может нанести удар английской промышленности. Решив так он может умыть руки. От пересмотра Версальского мира он ведь уже отказался. Допустим, что и Соединенные Штаты не придут на помощь Германии, и что Пуанкарэ продолжит свою политику удушения Германии. При этих условиях германская марка через несколько недель начнет падать еще более бешеным темпом, чем это было раньше, цены будут не менее бешено расти, промышленность будет падать, безработица снова возрастет, и революция будет развиваться еще более быстрым темпом, чем в прошлом году.

* * *

Да мы вместе с рабочей Англией помогли бы Европе уменьшить бремя вооружений, мы приблизили бы создание рабоче-крестьянских Соединенных Штатов Европы, без чего Европе грозит неминуемый экономический и политический упадок.

* * *

Соединенные Штаты продолжают переваривать в своем огромном хозяйственном желудке те богатства, которые они заграбили во время и после империалистической войны у Европы. Соединенные Штаты — ведь это тоже архи-демократическая страна. Их вмешательство в последнюю империалистическую войну произошло из чисто идейных побуждений — помочь демократии против милитаризма. Мы все это помним... Ограбив, обессилив и обескровив Европу, Соединенные Штаты стали колоссальной вавилонской башней буржуазного могущества. Переваривая награбленное, они держатся в стороне от европейских дел. Но в то же время тщательно готовятся к войне будущего. Авиация и газы стоят на первом месте. Соединенные Штаты, огромная фабрика мира, становятся все более фабрикой удушливых газов. Это готовится не только для ослабленной Японии, но и для Европы. В газетах попадаются сообщения в том смысле, что просвещенные американцы считают, что старые методы войны слишком варварские, устарелые, средневековые, и что необходимо применение новых методов, более тонких, химических, гуманных, которые не будут умерщвлять, но будут усыплять, и даже навевать радостные сны. Вы знаете, товарищи, какое значение имеет веселящий газ в некоторых операциях; насколько знаю, дантисты часто выдергивают зубы под этим газом. Но когда американский капитал подготовляет

веселящий газ для того, чтобы, при случае, вырвать революционные зубы у Европы, то нам нужно очень и очень быть на-чеку. Пока-что просвещенная Америка пробует свои газы на своих преступниках, которых там уже не электрифицируют — отсталый способ, — а подвергают воздействию «веселящих» газов. Это последнее слово техники и квакерской гуманности! Действию своих газов американцы обещают подвергать целые города, районы, области. Вы представьте себе эту перспективу: богатая и сытая Америка посылает на голодную революционную Европу эскадрильи самолетов и сбрасывает на наши головы свои веселящие газы.

«Запад и Восток», стр. 13, 14, 18, 23 и 24.

ИЗ РЕЧИ «ПЕРСПЕКТИВЫ И ЗАДАЧИ НА ВОСТОКЕ»

(21 апреля 1924 г.)

Если вы возьмете такие прозаические книги, как счета английских и американских банков за 1921—22—23 гг., то в цифрах банковских балансов Лондона и Нью-Иорка вы прочтете завтрашнюю революционную судьбу Востока. Англия снова восстановила свою роль мирового ростовщика. Соединенные Штаты накопили невероятное количество золота: в подвалах Центрального Банка хранится золота на 3 миллиарда долларов, т.-е. на 6 миллиардов золотых рублей. Это затопляет хозяйство Соединенных Штатов. Если вы спросите: кому дают взаймы Англия и Соединенные Штаты, — нам, Советскому Союзу, как вы, вероятно, слушали, они еще не дают, Германии не дают, Франции дали жалкие крохи на спасение франка, — кому же они дают? Они дают, главным образом, колониальным странам, финансируют промышленное развитие Азии, Южной Америки, Южной Африки. Я не буду приводить вам цифры, — они у меня имеются, но это слишком затянуло бы мой доклад, — достаточно сказать, что до последней империалистической войны колониальные и полуколониальные страны получали от Соединенных Штатов и Англии, вероятно, раза в два меньше кредитов, чем страны развитого капитализма, а сейчас финансовые вклады в страны колониальные превышают, и очень значительно превышают, вклады в старые капиталистические страны. Почему? Причин много, но главных две: недоверие к старой Европе, разоренной, обескровленной, с этим бешеным французским милитаризмом в сердцевине — милитаризмом, который грозит новыми и новыми потрясениями; а, с другой стороны, нужда в колониальных странах, как в поставщиках сырья и потребителях машин и фабрикатов Англии и Соединенных Штатов. Мы наблюдали за время войны и наблюдаем сейчас бешеную индустриализацию колониальных, полуколониальных, вообще запоздалых стран: Японии, Индии, Южной Америки, Южной Африки...

* * *

Мы видим, как Европа, обеспечивши своим прошлым развитием чудовищный консерватизм верхов рабочего класса, все больше и больше подвергается экономическому распаду и разложению. Ей нет выхода. И это выражается, в частности, в том, что Америка не дает ей взаймы, справедливо не доверяя ее хозяйственной жизнеспособности. С другой стороны, мы видим, как та же Америка, та же Англия вынуждены финансировать хозяйственное развитие колониальных стран, толкая их бешеным темпом на путь революции. И если Европа будет задержана в нынешнем состоянии гниения этой тупоумной цеховщиной, аристократической, привилигированной макдональдовщиной верхов рабочего класса, то центр тяжести революционного движения перенесется целиком и полностью на Восток. И тогда окажется, что если нужен был ряд десятилетий капиталистического развития Англии, чтобы при помощи этого революционного фактора поднять на дыбы нашу старую Россию и старый Восток, то понадобится затем революция Востока, чтобы, вернувшись в Англию, прошибить или расшибить, если понадобится, кое-какие толстые черепа и дать толчок революции европейского пролетариата. Такова одна из исторических возможностей. Ее нужно иметь перед своим умственным оком.

«Запад и Восток», стр. 32, 33 и 38.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГЕ «ПЯТЬ ЛЕТ КОМИНТЕРНА»

(22 мая 1924 г.)

Предсказывать, насколько затянется нынешняя полоса соглашательства, трудно. Но, во всяком случае, не может быть и речи о том, чтобы буржуазная Европа восстановила экономическое равновесие как внутри себя, так и с Америкой. В отношении проблемы репараций делается, правда, широкая попытка соглашательского разрешения. Пришествие к власти левого блока во Франции укрепляет эту попытку. Но основное противоречие всей проблемы остается: чтобы платить, Германия должна вывозить; чтобы платить много, Германия должна много вывозить, а германский вывоз угрожает английскому и французскому. Чтобы вернуть себе возможность победоносной борьбы на европейском рынке, крайне урезанном, германская буржуазия должна была бы преодолеть гигантские внутренние затруднения, что, в свою очередь, не может не сопровождаться новым обострением классовой борьбы. С другой стороны, у самой Франции есть чудовищные долги, к уплате которых она не приступала. Чтобы начать платить, Франции надо усилить вывоз, т.-е. усугубить затруднения Англии в деле внешней торговли. Между тем, сама Англия едва достигла 75% своего довоенного вывоза. Перед лицом основных хозяйственных, политических и военных проблем соглашательское правительство Макдональда обнаруживает свою несостоятельность даже в большей мере, чем следовало ожидать. Незачем говорить, что с прави-

тельством левого блока во Франции дело будет обстоять не лучше. Безвыходность Европы, маскируемая ныне международными и внутренними сделками, снова вскроется в своем революционном существе.

«Пять лет Коминтерна». 1 изд. II, стр. XVIII.

ИЗ МАНИФЕСТА V КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА К МИРОВОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ

(6 июля 1924 г.)

Самый могущественный мировой антагонизм медленно, но упорно прощупывает ту линию, где интересы Великобританской империи сталкиваются с интересами Соединенных Штатов Северной Америки. За последние два года могло казаться, будто между этими гигантами достигнуто прочное соглашение. Но видимость прочности будет сохраняться лишь до тех пор, пока экономический подъем Северо-Американской Республики развертывается, главным образом, на основе внутреннего рынка. Ныне этому явно наступает конец. Аграрный кризис, выросший из разорения Европы, явился предвестником уже надвигающегося торгово-промышленного кризиса. Производственные силы Америки должны искать все более широкого выхода на мировой рынок. Внешняя торговля Соединенных Штатов может развиваться прежде всего за счет торговли Великобритании; американский торговый и военный флот — за счет британского флота. Период англо-американских соглашений должен будет уступить место все возрастающей борьбе, которая, в свою очередь, знаменует военную опасность в невиданных миром размерах.

Антагонизм Японии и Соединенных Штатов сохраняет всю свою напряженность. Японское землетрясение изменило соотношение сил, но не смягчило вражды. Запрещение желтой иммиграции в Соед. Штаты придает борьбе тихоокеанских империалистов окраску расовой борьбы. В случае схватки между Соединенными Штатами и Великобританией роль японского милитаризма будет несравненно активнее, чем во время прошлой империалистской войны.

Неисчислимые богатства буржуазии Соединенных Штатов представляют ныне вообще могущественнейшую взрывчатую силу мировой обстановки. Временная замкнутость Соединенных Штатов, пытавшихся переварить награбленные богатства, приходит к концу. Северо-американскому капиталу нужно расширение по всем направлениям. Один из его путей ведет на юг. Натиск на Мексику должен усилиться, наряду с дальнейшим проникновением в Южную Америку, вытеснением оттуда европейского капитала и полным ее подчинением. Милитаризм в Соединенных Штатах не только на море, но и на американском континенте примет более активный и наступательный характер.

* * *

Война и сегодня царит над человечеством в скрытом состоянии. Что такое новое решение вопроса о германских платежах — «план экспертов» — как не применение методов войны к решению основных экономических вопросов? Америка, карманы которой набиты европейским золотом, опирается на военную силу Франции и предписывает Германии определенный хозяйственный режим в наказание за то, что та дала себя победить. Только отпетые шарлатаны могут говорить, будто решение экспертов есть мирное, демократическое, пацифистское решение вопроса. На самом деле Антанта диктует свое решение, приставив браунинг к виску Германии. Нам повторяют, будто возрождение европейского хозяйства мыслимо только путем свободной игры капиталистических сил, желая этим осудить идею социалистической организации хозяйства. А на деле основной вопрос европейского хозяйства разрешается при помощи непрерывного военного насилия над Германией, которая еще недавно была руководящей капиталистической страной Европы.

* * *

Наконец, американский капитал собирается при помощи своих экспертов «контролировать» Европу, т.-е. фактически управлять ею, как отдельные американские магнаты контролируют десятки трестов и железных дорог. Вместе с тем он рассчитывает при помощи европейских прибылей подкармливать верхушку американского рабочего класса, его аристократию, руководимую самым желтым из всех изменников Гомперсом, и беспощадно подавлять десятки миллионов пролетариев, держа их под угрозой новой волны иммиграции из разоряемой Европы.

Этот чудовищный план закабаления европейских трудящихся масс англо-саксонским капиталом через посредство французского милитаризма принят и одобрен партиями II Интернационала. Социалисты Антанты получают, таким образом, ханжески-пацифистское прикрытие для грабительской политики своей буржуазии, с которой они идут нога в ногу. Германская социал-демократия рассчитывает на то, что восстановление твердого капиталистического порядка даст ей победу над коммунистической опасностью. В то же время она получает возможность свое сотрудничество с немецкой буржуазией объяснять массам необходимостью совместного отпора внешнему давлению. Под крики и вопли о коммунистических заговорах и международной Чека развертывается на наших глазах гигантский заговор капитала против трудящихся Европы и всего мира. Организатором заговора является финансовый капитал с генеральным штабом в Нью-Йорке и отделением в Лондоне. Важнейшая исполнительная работа возложена на маршалов французской биржи. Истолкователями, защитниками, мелкими адвокатами заговора выступают социал-демократы и амстердамские профессионалисты.

Экспертам капитала приходят на помощь эксперты измены.

«Пять лет Коминтерна», изд. II, стр. 611, 612, 613 и 614.

ИЗ РЕЧИ «ЧЕРЕЗ КАКОЙ ЭТАП МЫ ПРОХОДИМ?»

(21 июня 1924 г.)

Особое место попрежнему занимает Америка. Темпы развития Европы и Америки и до войны были уже не одинаковы, а после войны различие еще более усугубилось. Когда мы говорим о международной революции, мы ее сплошь и рядом представляем себе слишком суммарно, слишком общо. Тут будут свои этапы, отделенные друг от друга значительными промежутками. Все говорит за то, что американская революция развернется значительно позже европейской. Исторически весьма вероятен такой ход событий, при котором Восток сбрасывает с себя империалистское иго, пролетариат завладевает властью в Европе, а Америка попрежнему остается оплотом капитала. В этом смысле Соединенные Штаты могут стать и становятся основной контр-революционной силой истории. Этого могут не понимать филистеры, для которых вопрос решается мнимо-демократической формой, пацифистскими фразами и прочей дребеденью. Четырехлетняя длительность войны, истощившей Европу, была возможна только благодаря особой роли Америки. Америка же после войны помогла европейской буржуазии отстоять свои позиции. Сейчас Америка, через посредство «плана экспертов», организует сложную систему закабаления европейских трудящихся масс. Америка наиболее упорно противостоит признаниям Советской Республики. Соединенные Штаты чудовищно богаты. В распоряжении американской буржуазии имеются небывалые рессурсы для маневрирования как во внутренней, так и во внешней политике. Все это в совокупности говорит за то, что победоносному европейскому пролетариату придется еще, по всей видимости, считаться с американским капиталом, как с непримиримым и могущественным врагом. Социал-демократия— в первую голову немецкая — делает все для возвеличения политической роли «заокеанской демократии». Социал-демократия запугивает рабочих гневом Америки в случае их непочтительности и, наоборот, обещает им великие блага в результате соглашения европейских демократий под командой европейских буржуа. На этом сейчас построена вся политика европейского меньшевизма. Будучи вообще агентурой буржуазии, европейская социал-демократия ходом вещей становится неизбежно агентурой самой богатой и самой могущественной буржуазии—американской. Гипнозом американского капиталистического могущества социал-демократия стремится парализовать революционную энергию европейских рабочих. Мы это наблюдаем особенно в Германии со времени 1918 года, когда каутскианский вильсонизм явился важнейшим контр-революционным фактором в рядах самого рабочего класса. Можно ждать, что в ближайший период, в соответствии с проведением плана экспертов, социал-демократия только усилит работу терроризирования пролетариата призраком всемогущей, благодетельной и грозной в одно и то же время Северной Америки. Борьба против этого террора и гипноза является необходимым условием успешной подготовки европейских рабочих к революции. Они должны понять, что объединенная Европа вполне способна не только самостоятельно существовать в эконо-

мическом смысле, но и отстоять себя в открытой борьбе против американской контр-революции. Когда мы говорим об объединенной Европе, мы имеем в виду Европейскую Федеративную Советскую Республику, неразрывно связанную с нашим нынешним Союзом и через его посредство протягивающую руку на Восток народам Азии. Мы говорим европейскому рабочему: если придешь к власти, если создашь Советские Соединенные Штаты, включая и нас, ты объединишь сразу два могущественные континента, получишь в свои руки великолепную технику, необъятные пространства и естественные богатства, величайший энтузиазм революционного класса, пришедшего к власти. Если тебе придется столкнуться лицом к лицу с вооруженной мировой контр-революцией, — а придется! — ты построишь свою Красную Армию и тебе не придется начинать сначала, ибо мы дадим тебе на закваску Красную Армию Советского Союза, уже опаленную войною и окрыленную победой.

«Запад и Восток», стр. 137, 138.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГЕ «ЗАПАД И ВОСТОК»

(15 июля 1924 г.)

Остается вопрос прогноза (предвиденья путей дальнейшего развития). Его, однако, нельзя сделать сколько-нибудь обоснованно, если, оставаться исключительно в рамках Запада (Европы) и Востока (Азии), не подвергая рассмотрению вопроса о роли Соединенных Штатов Северной Америки, — ибо, при нынешних условиях, это значило бы пытаться подводить счет без хозяина.

Этот основной факт надо понять твердо: хозяином положения являются Соединенные Штаты, потому что они неизмеримо богаче Европы и всего мира. Экономическое могущество заатлантической республики еще только должно в ближайший период в полном объеме сказаться не только на международной обстановке, но и на внутренних отношениях в Европе. С остановками и поворотами вспять политика Соединенных Штатов направлена на «умиротворение» Европы путем полного подчинения ее гегемонии американского капитала. Европейская социал-демократия стремится ныне к этому, как к высшему идеалу. В этом смысле европейский меньшевизм все больше превращается в политическую агентуру англо-саксонского, т.-е., в последнем счете, американского капитала. Ход соглашательской главы в развитии Европы будет в огромной степени зависеть от того, с каким успехом — и с успехом ли вообще — пойдет превращение капиталистической Европы в американский доминион особого типа.

«Запад и Восток», стр. 1.

ИЗ РЕЧИ «РОСТ МИРОВОГО МИЛИТАРИЗМА И НАШИ ВОЕННЫЕ ЗАДАЧИ»

(25 октября 1924 г.)

Империалистическая война разорила Европу в пользу Америки. Европа пытается восстановиться, — пытается пока малоуспешно. Но частичные успехи все же есть. Однако, поскольку она восстанавливает свои производительные силы, они сейчас же наталкиваются на историческую преграду, на национально-государственные перегородки, созданные версальским миром, на таможенные стены, на общее понижение емкости мирового рынка. Отсюда стремление вырваться из этих тисков, — как? — хотя бы с оружием в руках. И вот эти еле поднимающиеся производительные силы снова превращаются в силы истребления. Затянувшаяся агония капиталистического мира дает нам картину наиболее пышного расцвета милитаризма.

Наряду с Европой, как арена милитаризма, выдвинулись на первое место Соединенные Штаты Сев. Америки и в таком масштабе, о котором не только нынешняя, дезорганизованная, балканизированная Европа, но и довоенная Европа не смела и мечтать. Я не буду приводить цифры, характеризующие экономическое могущество Северной Америки. Они стали довольно популярны и известны всем. Но два данных я все же приведу. Для военной техники не последнее значение имеет, как вы знаете, механический двигатель (локомобиль, паровоз, пароход, автомобиль, трактор и пр. и пр.). Во всем мире механические двигатели оцениваются в 500 миллионов лош. сил. Цифра эта крайне не точна, но для нашей цели все же достаточна. Вы знаете, что механическая лошадиная сила, — это 10 человеческих сил. Значит 500 милл. лош. сил всемирного механического двигателя, если перевести их на живую человеческую силу, составят, примерно, 5 миллиардов человеческих сил. Если взять теперь все народонаселение земного шара — 1 миллиард и $^3/_4$ — и откинуть детей, стариков, старух, больных и инвалидов, то можно сказать, что способных к труду будет, примерно, около 1 миллиарда на всем земном шаре. Стало быть на 1 миллиард единиц живой человеческой силы приходится 5 миллиардов единиц механической силы, т.-е. машинная энергия, которой распоряжается человечество, в 5 раз сильнее самого человечества, как механ. двигателя. Но как эта механическая энергия распределена? В Соединенных Штатах не много более 100 миллионов душ населения. Во всем остальном мире, кроме Соединенных Штатов, 1 миллиард 600 миллионов, т.-е. отношение получается 1 : 16, а 500 миллионов лошадиных сил механической тяги распределяются таким образом, что половина приходится на долю Соединенных Штатов, а другая половина — на долю всего остального человечества. Итак, основа всей новой техники — механическая энергия — обеспечивает Соединенным Штатам колоссальный перевес над всем остальным миром. Что это означает для военной техники, понятно само собой. И другую цифру приведу — насчет золота, всеобщего эквивалента, тех бесспорных, несомненных мировых денег, на которые можно все

купить. Их масса во всем мире оценивается в 18 миллиардов золотых рублей. Из этих 18 миллиардов золотых рублей мировых денег ровно половина, 9 млрд., хранится в подвалах федерального американского банка и казначейства, — половина мирового золота! А вы знаете, давно уж сказано было, что нервом войны являются три вещи: деньги, деньги и деньги. Это кто-то из стариков сказал, чуть ли не Фридрих II, но не ручаюсь. Механическая тяга, золото—а в соответствии с этим и все что между ними!.. Золото есть как бы увенчание, золотой купол капиталистического храма: механическая тяга есть его техническая основа; а все то, что между этим механическим фундаментом и золотым куполом, приблизительно в такой же, а нередко в еще более поразительной пропорции, распределяется между Соединенными Штатами и всем остальным человечеством. Этим в достаточной степени характеризуется техническая и экономическая основа американского милитаризма, который пришел позже других, но чудовищно перерастает их на наших глазах.

Соединенные Штаты были страной немилитаристической до недавнего времени. Резкий перелом наступил с империалистической войны. Соединенные Штаты вмешались в конце этой войны, они достигли того, что им было нужно в этой войне, т.-е. они разгромили Германию вконец, чего не хотела Англия, главная помеха на пути мирового господства Соединенных Штатов. Англии нужна была ослабленная, но не разгромленная Германия — против Франции, а Соединенным Штатам нужна была могущественная Франция — против Англии. Соединенные Штаты добились своей цели полностью, и сейчас, несмотря на то, что цель последней империалистической войны для Соединенных Штатов разрешена— на самом деле именно потому, — мы видим, что на территории и на водах Северной Америки милитаризм справляет свои наиболее бешеные оргии. Недавно в «Известиях» была интереснейшая корреспонденция из Нью-Иорка, которую я рекомендовал бы вниманию всех, посвященная так называемому «дню защиты», проведенному недавно в Соединенных Штатах. Корреспонденция не военно-технического, а публицистического характера, но она приоткрывает перед нами и политические и военные перспективы. Морской статс-секретарь (министр), звать его, кажется, Вильбур, сейчас, в эпоху, когда мир едва-едва прошел через так называемую «последнюю» из войн, — Вильбур на национальном празднике американского милитаризма выразился в том смысле, что в разных местах мира вздымаются де против нас страсти, а ничто так не охлаждает страсти, как холодный кусок стали. Когда читаешь эту речь вчерашнего мирного филистера, — думаю, что этот самый Вильбур до империалистической войны торговал либо молочными консервами, либо чикагскими сосисками, — то поражаешься, в какой мере старательно почтенный статс-секретарь копирует давно знакомые речи блаженной памяти Вильгельма Гогенцоллерна. Да и весь этот национально-военный парад до последней степени напоминает приемы, повадки, манеры германского милитаризма в последнее десятилетие, предшествовавшее войне. Не так давно мне пришлось заметить, что психология американского буржуа, пожалуй, еще весьма отстает от его могущества, но психология, прибавлял я, выравнивается, в конце

концов, по факторам объективным; должен сказать, что я не думал тогда, что процесс милитаризации зашел так далеко, и что в Америке общественное мнение, которое до недавнего времени водили на удочке пацифизма, квакерства, филантропиии, 14-ти пунктов Вильсона и т. п., и т. п., что это американское общественное мнение в недели, предшествующие выборам президента, не только позволит, но и одобрит такого рода милитаристическую инсценировку и такого рода гогенцоллернскую речь морского министра. И не в 17—18 году, когда Америка с оружием в руках «спасала» Европу, а теперь, в 1924 году, когда плательщику налогов приходится расплачиваться за недавно разбитую посуду, — этому я, признаться, не поверил бы еще несколько недель тому назад. Это означает, что богатства американской буржуазии, эти 250 миллионов сил механической тяги, эти 9 миллиардов золотых рублей, накопленных в подвалах банка, превращаются на наших глазах в бешеные пары американского милитаризма. Американский капитал задыхается от полнокровия. В рамках внутреннего рынка он достиг известного предела. Тут может быть только еще частичное развитие, а он развивался до сих пор неистовой спиралью со все возрастающим радиусом, и для того, чтобы эта спираль не сломалась с размаху, ударившись в рамки мирового рынка, американскому капиталу нужно растолкать всех остальных, нужно расширить мировой рынок, а расширить его одними экономическими средствами нельзя, ибо он захвачен и распределен, — тут уж нужно остальных отодвинуть, отбросить силой. Вот отсюда это поистине неистовое развитие милитаризма, как материального аппарата и как милитаристской наступательной чисто-гогенцоллернской психологии. Что сталось за это время с американским флотом? Вы знаете, он выравнялся в общем с флотом британским. В военной авиации Соединенные Штаты занимают первое место, в области химии точно так же. Кстати, во время этого самого «дня защиты» происходил съезд американских химиков и произвел две милитаристские демонстрации: сперва 69 секций Всеамериканского Общества Химиков заявили, что каждая из них по своей специальности работает над делом обороны, а затем председатель съезда от имени 15 000 членов Общества заверил Химическое Управление Военного Министерства в том, что все силы Общества предоставлены в распоряжение дела национальной «обороны». А что означает понятие «обороны» для Америки, для этого гигантского материка, для Соединенных Штатов, которые не имеют возле себя соседей, которые могли бы им угрожать, это совершенно ясно.

Мы входим в эпоху наступательного развертывания американского милитаризма. Чтобы лучше понять его развитие в ближайший период, надо припомнить, как бешено рос германский милитаризм на основе быстрого расцвета германского капитализма. Немецкому капитализму, который пришел позже других, нужно было локтями или бронированными кулаками раздвинуть себе место под солнцем. Та же самая обстановка создается и для американского капитала, только в несравненно более грандиозных пропорциях. А в то же время, благодаря условиям своего географического положения и исторического развития, американский капитализм пользовался до вчерашнего дня и еще пользуется

с большей для себя выгодой, сегодня — маской пацифизма. Еще и сегодня агрессивное и наступательное вмешательство американского финансового капитала в дела Европы порождает и питает пацифистские иллюзии в самой Европе. Между тем по существу американский капитализм и его милитаризм являются сейчас основными нарушителями мирового капиталистического равновесия, т.-е. той анархии, которая называется этим именем. Американский империализм поднимается сейчас над всем миром, как самая наступательная, необузданная и разрушительная сила кровавых переворотов и потрясений. И нам, военным работникам, не упуская из виду непосредственные и ближайшие опасности, надо и этот мировой фактор учитывать при оценке общих военных перспектив мирового масштаба, ибо свою «умиротворительную» работу, т.-е. работу по ограблению и закабалению всего человечества, американский капитал не сможет выполнить одними лишь «сухими» средствами; наталкиваясь на сопротивления, он будет натравливать одно европейское или азиатское государство на другое, финансируя войны, как коммерческие предприятия. А мы — не последнее из препятствий на миродержавных путях Соединенных Штатов. Вот почему, заглядывая вперед, нам нужно держать ухо востро!

* * *

Есть в нынешней эпохе, как и всегда, процессы основные и есть процессы второстепенные, подчиненные, надстроечные, временные, или вовсе поверхностные. Мы наблюдаем сейчас и в Европе и в Америке смену правительств. Кто придет к власти в Америке? По всей вероятности, Кулиджа выберут президентом. Но если бы пришел демократ Девис, или если бы пришел даже Лафолет, американский милитаризм продолжал бы итти в гору, агрессивность его продолжала бы возрастать. Кстати, Лафолет считался нашим с вами ближайшим другом, ибо в течение последних лет он вел агитацию за признание Советского Союза, но во время президентских выборов он как воды в рот набрал — и не случайно: Соединенные Штаты, это сейчас единственная страна с наступательными мировыми задачами; с планами, охватывающими весь земной шар, — за невозможностью пока-что пробраться на другие планеты. И поскольку их мысли направляются на все мировые пути и, прежде всего, в сторону Китая, как потенциального могущественного рынка с населением в четыреста миллионов душ, они без удовольствия констатируют, что на Китайско-Восточной железной дороге они встретят советских распорядителей и советских рабочих, что в Пекине, в Кантоне и в Шанхае не только над посольством, но уже и над консульствами вздымается советское знамя. Для них не секрет то колоссальное обаяние, которое в среде китайцев имеет знамя Советского Союза. Мировой большевизм есть единственный, настоящий, серьезный и непримиримый враг всякого империализма, а, следовательно, и агрессивнейшего американского империализма. Вот откуда отнюдь не случайная ненависть лидеров американского капитала, в роде Юза, против нас.

Итак, говорю я, есть процессы двоякого порядка: основные и второстепенные; с точки зрения политики мы не можем не учитывать и вре-

менных процессов. Появился Макдональд,—не случайно тоже появился! Мы пытались заключить с ним договор, не довели до конца—осложнения в карьере Макдональда помешали. Вернется Керзон, мы и с Керзоном будем вести переговоры. Все это процессы второго, третьего и пр. порядка, а основное — рост противоречий, бешеный рост милитаризма, безвыходность производительных сил, подготовка мировой бойни. Политика обязана считаться и с второстепенными и с третьестепенными явлениями,— иначе это не политика, но направлять основную линию нужно по основным процессам. Для нас вытекает из этого тот вывод, что Красная армия и Красный флот остаются по-прежнему фактором жизни и смерти для революции и Советского Союза. Никакому «ликвидаторству» в области вооруженных сил Советского Союза не может быть и не будет места. Было бы, разумеется, величайшим легкомыслием, если бы мы сказали себе, что можно полегоньку сводить наши вооруженные силы на-нет — в связи, с одной стороны, с тем, что к нам как будто бы привыкли, вот уже существуем 7 лет, мозолим глаза капиталистическому миру (а это есть также завоевание — «привыкли» к нам!), а, с другой стороны — нас многие уже признали... Конечно, это тоже не последнее дело, это тоже завоевание, но какого порядка? Второго и третьего порядка, а в основах, в фундаменте международных отношений происходит накопление антагонизма и рост сил милитаризма.

Разумеется, можно уныло сказать: да что же мы тогда означаем с нашей армией и нашим флотом, с нашей военной техникой по сравнению с милитаризмом капиталистической Европы и Соединенных Штатов, что мы означаем, если на все остальное человечество Соединенные Штаты отпустили ровным счетом половину механических сил, половину золота и все прочее в такой же, примерно, пропорции? Несомненно, если бы дело стояло так, что, с одной стороны, Соединенные Штаты и с ними весь капиталистический мир, а, с другой стороны — мы, с нашей армией и нашим флотом, с нашей техникой и нашими рессурсами, то нам давно бы не сдобровать. Но главный залог нашей непобедимости, доколе мы остаемся в капиталистическом окружении, — в тех глубочайших противоречиях, которые раздирают капиталистический мир, государство противопоставляют государству, класс — классу. Это основная гарантия, не теоретическая, а практически проверенная гарантия нашей устойчивости.

«Правда» № 253. 5 ноября 1924 г.

ИЗ КНИГИ «КУДА ИДЕТ АНГЛИЯ?»

(24 мая 1925 г.)

И если уж искать виновников, то на вопрос о том, кто и что толкает Англию на путь революции, пришлось бы ответить: не Москва, а Нью-Иорк.

Такой ответ может показаться парадоксальным. Тем не менее, он целиком отвечает действительности. Могущественное и все возрастаю-

щее мировое давление Соединенных Штатов делает положение британской промышленности, британской торговли, британских финансов, британской дипломатий все более безвыходным и безнадежным.

Соединенные Штаты не могут не стремиться к расширению на мировом рынке, иначе собственной их промышленности грозит удар от полнокровия. Расширяться Соединенные Штаты могут только за счет других экспортирующих стран и, в первую голову, за счет Англии. Ироническую улыбку могут вызвать речи о революционном значении той или иной московской брошюры перед лицом патентованной системы Дауэса, при помощи которой хозяйственная жизнь великого народа берется в стальные тиски американского руководства. Под покровом умиротворения и оздоровления Европы подготовляются величайшие революционные и военные потрясения и конфликты завтрашнего дня. Мистер Юлиус Барнес, близко стоящий к вашингтонскому министерству торговли, предлагает отвести европейским должникам Соединенных Штатов такие участки мирового рынка, на которых бедные и задолжавшие европейские родственники не мешали бы экспансии своего заокеанского кредитора. Содействуя восстановлению европейской денежной системы, Соединенные Штаты лишь разрушают одну инфляционную иллюзию за другой и помогают Европе перевести свою бедность и зависимость на язык твердой валюты. Нажимая на своих должников или давая им отсрочку, кредитуя европейские страны или отказывая им в кредите, Соединенные Штаты создают для них все более и более стесненное, экономически зависимое, в последнем счете безысходное положение, которое и является предпосылкой неизбежных социально-революционных потрясений. Коммунистический Интернационал является сейчас... почти консервативным учреждением по сравнению с Нью-Иоркской биржей. Мистер Морган, мистер Дауэс, мистер Юлиус Барнес — вот атлетические кузнецы грядущих европейских революций.

Свою работу в Европе и во всем мире Соединенные Штаты совершают в значительной мере в сотрудничестве с Англией, через ее посредство. Но для Англии это сотрудничество является только формой возрастающей зависимости. Англия вводит, так сказать, Соединенные Штаты во владение. Сдавая свое мировое господство, английские дипломаты и дельцы рекомендуют своим бывшим клиентам нового владыку мира. Сотрудничество Америки с Англией прикрывает глубочайший мировой антагонизм между этими двумя державами и подготовляет грозные конфликты будущего, может быть, не столь отдаленного.

В рамках этого краткого предисловия не место говорить о судьбах самой Америки. Ясно, что нигде капитал не чувствует себя сегодня так прочно, как здесь. Американский капитал чудовищно возрос и окреп сперва за счет войны в Европе, а ныне — путем ее «умиротворения» и «восстановления». Но американский капитализм, при всем своем могуществе, является не самодовлеющим целым, а частью мирового хозяйства. Более того: чем могущественнее становится промышленность Соединенных Штатов, тем глубже и теснее ее зависимость от мирового рынка. Загоняя Европу все больше в тупик, американский капитал подготовляет

войны и революционные потрясения, которые затем страшным рикошетом ударят по хозяйству Соединенных Штатов. Такова перспектива для самой Америки. На линии революционного развития Америка занимает лишь вторую очередь. Американская буржуазия будет еще иметь возможность наблюдать великое крушение своей старшей европейской сестры. Но и для американского капитала пробьет неотвратимый час. Магнаты американских трестов, великие плантаторы, нефтяники и экспортеры, миллиардеры Нью-Иорка, Чикаго и Сан-Франциско неудержимо, хотя и бессознательно, выполняют свое революционное предназначение. Американский пролетариат в конце концов выполнит свое.

* * *

За время войны гигантский экономический перевес Соединенных Штатов развился и обнаружился полностью и целиком. Выход Соединенных Штатов из стадии заокеанского провинциализма сразу сдвинул Великобританию на второстепенное место.

«Сотрудничество» Америки с Великобританией есть та мирная пока форма, в которой происходит дальнейшее, все более глубокое отступление Англии перед Америкой.

Это «сотрудничество» может направляться в тот или другой момент против третьего; тем не менее, основным мировым антагонизмом является англо-американский, и все остальные антагонизмы, более острые в данный момент и более непосредственно угрожающие, могут быть поняты и оценены только на основе англо-американского антагонизма.

Англо-американское «сотрудничество» так же подготовляет войну, как эпоха реформ подготовляет эпоху революции. Именно тот факт, что Англия на пути «реформ», т.-е. вынужденных сделок с Америкой, будет очищать одну позицию за другой, заставит ее, в конце концов, сопротивляться.

Производительные силы Англии и, прежде всего, ее живая производительная сила, пролетариат, не соответствуют более месту Англии на мировом рынке. Отсюда — хроническая безработица.

* * *

Одним из условий «сотрудничества» Англии с Америкой является выплата гигантского британского долга Америке без надежды когда либо получить уплату долгов со стороны континентальных государств. Экономическое соотношение сил этим еще более изменяется в пользу Америки.

5 марта этого года Английский Банк поднял учетный процент с 4 до 5 вслед за Нью-Иоркским Федеральным Банком, который повысил свой процент с 3 до $3^1/_2$. В лондонском Сити очень болезненно почувствовали это резкое напоминание о денежной зависимости от заатлантического кузена. Но что поделаешь? Американский запас золота составляет приблизительно 9 миллиардов рублей, тогда как английский не превосходит $1^1/_2$ миллиарда, т.-е. в шесть раз меньше. В Америке — золотое обращение, тогда как Англия лишь делает отчаянные усилия, чтобы восстановить его. Естественно, если на повышение учета в Америке с 3 до $3^1/_2$ Англия вынуждена откликнуться повышением с 4 до 5 процентов. Эта мера

ударяет по английской торговле и промышленности, удорожая необходимые средства. Таким образом Америка на каждом шагу указывает Англии ее место, в одном случае — приёмами дипломатического нажима, в другом — мерой банковского характера, всегда и везде — давлением своего колоссального экономического перевеса *.

* С того времени, как была написана наша работа, английское министерство приняло ряд мер законодательного и банковско-финансового характера, обеспечивающих переход к золотой валюте. Мы имеем здесь как бы «крупную победу» английского капитализма. На самом деле, ни в чём упадок Англии не выражается ярче, как в этом финансовом достижении. Англия вынуждена была совершить эту дорого стоящую операцию под давлением полновесного американского доллара и финансовой политики своих собственных доминионов, которые все более ориентировались на доллар, поворачивая спину фунту стерлингов. Совершить последний скачек к золоту Англия не смогла без крупной финансовой «помощи» Соединенных Штатов. Но это значит, что судьба фунта стерлингов попадает в непосредственную зависимость от Нью-Иорка. Соединенные Штаты получают в свои руки могущественное орудие финансовой репрессии. За эту зависимость Англия вынуждена платить высоким процентом. Высокий процент ложится на хворающую и без того промышленность. Чтобы препятствовать экспорту своего золота, Англия вынуждена подсекать экспорт своих товаров. В то же время она не может отказаться от перехода к золотой валюте, не ускоряя своего упадка на мировом рынке капиталов. Это фатальное стечение обстоятельств вызывает чувство острого недомогания у правящих кругов Англии и порождает злое, но бессильное ворчание самой консервативной печати. «Дэйли Мэйль» пишет:... «Принимая золотой базис, английское правительство дает возможность федеральным банкам (практически находящимся под влиянием правительства Соединенных Штатов) в любой момент инсценировать в Англии денежный кризис... Английское правительство подчиняет всю финансовую политику своей страны чужой нации... Британская империя отдается в заклад Соединенным Штатам». «Благодаря Черчиллю, — пишет консервативная газета «Дэйли Экспресс», — Англия попадает под пяту американских банкиров». Еще решительнее выражается «Дэйли Кроникл»: «Англия фактически низводится на положение сорок девятого штата Америки». Ярче и выразительнее сказать нельзя. На все эти резкие самообличения — без выводов и перспектив — министр финансов Черчилль отвечает в том смысле, что Англии ничего другого не остается, как привести свою финансовую систему в соответствие с действительностью (With reality). Слова Черчилля означают: мы стали неизмеримо беднее, Соединенные Штаты неизмеримо богаче; нам надо либо сражаться с Америкой, либо подчиниться ей; ставя судьбу фунта стерлингов в зависимость от американских банков, мы лишь переводим наш общий экономический упадок на язык валюты; нельзя прыгнуть выше собственной головы; надо быть «в согласии с действительностью».

Англия все более оттесняется ныне на задний план. Этот неотвратимый процесс и создает революционную ситуацию. Английская буржуазия, вынужденная смиряться перед Америкой, отступать, лавировать, выжидать, преисполняется величайшего ожесточения, которое в грозных формах обнаружится в гражданской войне.

* * *

В решающей борьбе против пролетариата английская буржуазия будет пользоваться наиболее могущественной поддержкой буржуазии Соединенных Штатов, тогда как английский пролетариат будет опираться в первую голову на рабочий класс Европы и на угнетенные народные массы британских колоний.

«Куда идет Англия?»
стр. 4, 6, 11—14, 144, 145.

ИЗ РЕЧИ «К ВОПРОСУ О СТАБИЛИЗАЦИИ МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА»

(25 мая 1925 г.)

Тов. Варга ставил такой вопрос: развиваются ли капиталистические производительные силы или нет? и взвешивал мировую продукцию для 1900 года, 1913 года и для 1924 года, при чем он суммировал Америку, Европу, Азию и Австралию, — это для решения вопроса о стабилизации капитализма не годится. Революционную ситуацию таким путем измерить нельзя,—можно измерить мировую продукцию, но не революционную ситуацию, потому что революционная ситуация в Европе, в данных исторических условиях, определяется в очень значительной мере антагонизмом американской и европейской продукции, а внутри Европы — взаимоотношением германской продукции и английской, конкуренцией между Францией и Англией и проч. Эти антагонизмы и определяют ближайшим образом революционную ситуацию, по крайней мере в ее экономической основе. Что производительные силы в Америке возросли за последнее десятилетие, в этом нельзя сомневаться; что производительные силы в Японии выросли за время войны и растут сейчас, сомнения нет; в Индии тоже росли и растут. А в Европе? В Европе в общем и целом не растут. Поэтому основной вопрос решается не суммированием продукции, а анализом экономического антагонизма: суть в том, что Америка, а отчасти Япония загоняет Европу в тупой переулок, не дают выхода ее производительным силам, частично выросшим за время войны.

* * *

Конечно, не может быть и речи о том, чтобы Америке удалось организовать хаос мирового рынка и таким образом обеспечить устойчивость капитализма на долгие годы, если не навсегда. Наоборот, оттесняя европейские страны на все более и более узкие участки, Америка подготовляет

новое, еще небывалое обострение международных отношений, и американо-европейских и внутриевропейских. Но в данной стадии развития Америка осуществляет целый ряд своих империалистических целей «мирным», почти «филантропическим» путем.

* * *

То, что было официально применено по отношению к Германии, то, что назрело по отношению к Франции,—система Дауэса,—сейчас, по крайней мере частично намечается и по отношению к Англии. Это, конечно, вовсе не значит, что Америке удастся довести до конца и стабилизировать «дауэсизацию» Европы. Об этом не может быть и речи. Наоборот, дауэсизация, дающая сегодня перевес «пацифистским» тенденциям, обостряет безвыходность Европы и подготовляет величайшие взрывы.

* * *

Но восстановляя свои элементарнейшие экономические функции, европейские страны восстановляют все свои антагонизмы, наталкиваясь друг на друга. Поскольку могущество Америки заранее втискивает восстановительный процесс Европы в узкие рамки, постольку антагонизмы, непосредственно приведшие к империалистской войне, могут возродиться раньше, чем будет восстановлен хотя бы довоенный уровень производства и торгового оборота. Это означает, что под финансово-«пацифистским» контролем Америки, несмотря на сегодняшнюю «видимость», происходит не смягчение, а обострение международных противоречий.

* * *

Все «сотрудничество» Америки и Англии состоит в том, что Америка в рамках мирового «пацифистского» сотрудничества—все больше и больше оттесняет Англию, пользуясь ею как проводником, как посредником, маклером в дипломатической и коммерческой области... Мировой удельный вес английской и всей вообще европейской экономики падает, — между тем экономическая структура Англии и центрально-западной Европы выросла из мировой гегемонии Европы и на эту гегемонию рассчитана. Это противоречие, неустранимое, неотвратимое, все углубляющееся, и есть основная экономическая предпосылка революционной ситуации в Европе. Таким образом охарактеризовать революционную ситуацию вне антагонизма Соединенных Штатов и Европы, мне кажется, абсолютно невозможно, и это—основная ошибка тов. Варга.

* * *

Золотая стабилизация фунта стерлингов есть несомненный элемент «упорядочения», но в то же время стабилизация валюты лишь ярче, точнее обнаруживает общий упадок Англии и ее вассальную зависимость от Соединенных Штатов.

Нам надо в наших оценках выйти из европейского провинциализма. До войны мы мыслили Европу как вершительницу судеб мира, и вопрос революции мы мыслили национально и европейски-провинциально по Эрфуртской программе. Но война показала, обнаружила, вскрыла и закре-

пила самую нераздельную связь всех частей мирового хозяйства. Это есть основной факт, и мыслить о судьбе Европы вне связей и противоречий мирового хозяйства нельзя. А то, что в последнее время происходит каждый день и каждый час, — показывает на мировом рынке рост американского могущества и рост европейской зависимости от Америки. Нынешнее положение Соединенных Штатов напоминает в некоторых отношениях положение Германии до войны. Это тоже выскочка, который пришел тогда, когда весь мир уже поделен, но Америка отличается от Германии тем, что она неизмеримо могущественнее Германии, она может реализовать многое и многое, не извлекая непосредственно меча, не применяя оружия. Америка заставила Англию порвать японо-английский договор. Как это она сделала? Без извлечения меча. Америка заставила Англию признать равенство ее флота с американским, тогда как все традиции Англии покоились на неоспоримом первенстве британского флота. Чем она этого достигла? Давлением своего экономического могущества. Она навязала Германии режим Дауэса. Она заставила Англию уплатить ей долги. Она толкает Францию к уплате долгов, а для этого заставляет ее ускорить возвращение к твердой валюте. Что все это означает? — Новый колоссальный налог на Европу в пользу Америки. Передвижка сил от Европы к Америке продолжается. Хотя вопрос сбыта — не первичный вопрос, но Англия упирается в вопрос сбыта, как в вопрос жизни и смерти, и разрешить его она не может. Безработица есть та язва, которая подтачивает организм Англии. Все буржуазно-экономическое и политическое мышление Англии насквозь пропитано пессимизмом.

* * *

«Опасность» не в том, что в Европе устанавливается такая стабилизация, такое возрождение экономических сил капитала, при котором революция отодвинется в туманное будущее, — нет; не в этом опасность, а скорее уже в том, что революционная ситуация может сложиться настолько скоро и остро, что к этому времени не успеет еще сложиться достаточно закаленная коммунистическая партия. В эту сторону и должно быть направлено все наше внимание. Так мне представляется в общем и целом европейская обстановка.

Из брошюры «К вопросу о стабилизации мирового капитализма», стр. 26, 27, 28, 29, 32, 39, 40.

ИЗ РЕЧИ «К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА».

(18 января 1926 г.)

Мне не ясно у проф. Кондратьева, каким образом он доказывает, что американские производительные силы передвигаются теперь от Америки к Европе. Этого я абсолютно не могу понять. Тут я прямо скажу: убей,

не пойму. В каких размерах, в каких пределах, какой удельный вес этого процесса, этой передвижки? Это надо учесть и, мне кажется, в этом основа. Что означают такие частичные перемещения? Если принять во внимание тот общепризнанный факт, что гегемоном мирового хозяйства является Америка, то делать какие бы то ни было прогнозы относительно европейского развития или революции, не учитывая растущего миродержавного положения Соединенных Штатов, значит писать счет без хозяина. Я думаю, что это теперь стало общепризнанным и спорить об этом не нужно.

Так вот, если так рассматривать Америку и если иметь в виду, что Америке нужна Европа, Европа, которая была бы достаточно сильна, чтобы оплачивать ей проценты, приобретать у нее те товары, которых она в других местах сбыть не может, и в то же время достаточно слаба, чтобы не представить для Америки ни опасности в смысле вытеснения ее с рынков, ни в смысле сопротивления ее экспансии, — я не говорю о военной опасности, морской опасности или опасности дессантной войны, — то станет ясно, что у Америки есть для Европы определенная линия, отведен определенный угол, и в рамках этого угла Америка должна Европу держать.

Это ее политика. Этим объясняется ее душительская пацификаторская роль по отношению к Европе. Она поступает, как поступил бы, скажем, расчетливый мощный банкир, который финансирует несколько конкурирующих друг с другом трестов. Он хочет от каждого из них иметь свой процент. Те конкурируют друг с другом. Они могут ненароком друг друга разорить. Разорение одного есть разорение другого; это есть опасность убытков и этого допустить нельзя. И вот вся политика такого банкира будет сводиться к тому, чтобы прежде всего обеспечить свои проценты, не уничтожая, конечно, конкуренции, потому что это дало бы их объединению такую степень эмансипации, которая бы угрожала его банкирскому самодержавию. С другой стороны, допускать до полного взаимного уничтожения их также нельзя, потому что это уничтожает его собственные барыши. Это грубое сравнение, но в основе правильное, тем более правильное, что Америка действительно от промышленного капитализма переходит к промышленно-финансовому капитализму более высокого банкирско-ростовщического типа. Таково отношение Америки к Европе.

* * *

Если Америка пойдет в ближайшие 15 лет вверх, то это будет за счет Европы. А что это обозначает для Европы? Для Европы это будет революционная перспектива. А задержка экономического развития Америки что обозначает? Это обозначает бешеный рост американского милитаризма, ибо задержанные экономические пары найдут выход в этом направлении. Совершенно верно, что капитал, тяжелая металлургия будут требовать от президента, от правительства, от сената: стройте суда, расширяйте программы!

«Плановое хозяйство» 1926 г., № ',
стр. 190, 191, 195.

ИЗ СТАТЬИ «КУДА ИДЕТ АНГЛИЯ?» (О ТЕМПЕ И О СРОКАХ).

Неизмеримый промышленный и финансовый перевес Соединенных Штатов Северной Америки над Англией есть факт, значение которого будет в дальнейшем только возрастать. Нет и не может быть таких обстоятельств, которые могли бы ослабить убийственные последствия, вытекающие для Англии из ни с чем несравнимого американского превосходства.

Если так называемое умиротворение Европы продолжится, оно принесет с собою возрождение и усиление германской конкуренции, а если умиротворение сменится военным или революционным кризисом, этот последний ударит по хозяйству Великобритании.

Новые изобретения и в дальнейшем дадут преимущества более сильному, т.-е. не Великобритании, а Соединенным Штатам. Что «другая сторона», т.-е. буржуазия, сознает опасность и будет бороться против нее всеми средствами, — это бесспорно. Но ведь это и есть важнейшая политическая предпосылка революции. Совершенно чудовищной является, наконец, надежда на спасительную руку Америки. Что в случае гражданской войны в Англии Америка попытается помочь буржуазии, это более, чем вероятно, но означает лишь, что и английскому пролетариату придется искать союзников за границами страны. Мы думаем, что он их найдет. Отсюда вытекает, что английская революция неизбежно примет интернациональный размах. Против этого мы меньше всего собираемся спорить. Но критик наш хочет сказать другое. Он выражает надежду на то, что Америка настолько облегчит существование английской буржуазии, что поможет ей вообще избежать революции. Лучше этого ничего выдумать нельзя! Каждый новый день свидетельствует, что американский капитал является тем историческим тараном, который намеренно и ненамеренно наносит самые сокрушительные удары мировому положению и внутренней устойчивости Англии. Это, однако, нисколько не мешает нашему левому критику надеяться на то, что американский капитал любезно потеснится в интересах британского. Для начала следует, очевидно, ждать, что Америка откажется от уплаты английского долга; передаст безвозмездно британскому казначейству 300 миллионов долларов, являющихся резервом британской валюты; поддержит в Китае политику Великобритании; может быть, передаст еще британскому флоту несколько новых крейсеров и переуступит английским фирмам свои канадские акции со скидкой в 50 проц. Словом, следует ждать, что вашингтонское правительство передаст руководство государственными делами в руки АРА, подобрав для этого наиболее человеколюбивых квакеров.

«Правда» № 34.
11 февраля 1926 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ.

Еще раз о предпосылках пролетарской революции 5
Истекшее десятилетие (1914—1924 гг.) 8
Фашизм, демократизм, керенщина 11
От чего зависят судьбы европейского «реформизма»? 14
«Пацифистский» империализм С. Штатов 17
План — посадить Европу на паек 21
Американский империализм и европейская социал-демократия . . 22
Соединенные Штаты и Великобритания 27
Перспектива войны и революций 35

ЕВРОПА И АМЕРИКА.

Два полюса рабочего движения. Завершенный тип соглашательства 41
Экономическая мощь Соединенных Штатов, как основа соглашательства 44
Новые роли Америки и Европы 48
Империалистская экспансия (расширение) Соединенных Штатов . 51
О пацифизме и о путанице 56
Американский пацифизм на практике 59
Европейскому капитализму выхода нет 64
Изжил ли себя капитализм? 71

ПРИЛОЖЕНИЯ.

О своевременности лозунга «Соединенные Штаты Европы» . . . 81
Из доклада «Международная обстановка» 83
Из доклада «На страже мировой революции» 86
Из доклада «На заседании коммунистической фракции X Съезда Советов с участием беспартийных делегатов» 89
Из речи «На путях европейской революции» 91
Из речи «Перспективы и задачи на Востоке» 93
Из предисловия к книге «Пять лет Коминтерна» 94
Из манифеста V Конгресса Коминтерна к мировому пролетариату . 95
Из речи «Через какой этап мы проходим?» 97
Из предисловия к книге «Запад и Восток» 98
Из речи «Рост мирового милитаризма и наши военные задачи» . . 99
Из книги «Куда идет Англия?» 102
Из речи «К вопросу о стабилизации мирового капитализма» . . . 107
Из речи «К вопросу о тенденциях развития мирового хозяйства» . 109
Из статьи «Куда идет Англия?» (о темпе и о сроках) 111

Библиотека
Института Ленина

40-E.